ОГОНЁК

№ 48 НОЯБРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Лауреат Сталинской премии Г. М. Коваленко — бригадир-кузнец Уральского завода тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе.

Фото М. Озерского

На первой странице обложки: Председатель колхоза имени Кагановича, Янги-Юльского района, Ташкентской области, дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, член Совета по делам колхозов при правительстве СССР Хамракул Турсункулов.

Фото Б. Кудоярова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 48 (1329)

23 НОЯБРЯ 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЗДЕСЬ ПЕЧАТАЕТСЯ ТРУД ТОВАРИЩА И. В. СТАЛИНА

Марка ленинградской типографии «Печатный двор» имени А. М. Горького стоит на миллионах советских книг. Здесь печатались сочинения В. И. Ленина, «Вопросы ленинизма» И. В. Сталина, произведения М. Горького, учебники. Эту марку старейшей типографии, отмечавшей недавно свое 125-летие, мы увидели и на книге, о которой сейчас говорят во всех уголках земного шара. На обложке ее крупным шрифтом набрано:

И. СТАЛИН
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛИЗМА
В СССР

...Мы в наборном цехе этой фабрики книги. В пролетах стоят поблескивающие металлом отечественные линотипы. Когда сюда поступило срочное задание — набрать труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в цех пришел помочь молодежи ветеран советской полиграфии Алексей Терентьевич Егоров.

У линотипов стали на вахту ученицы Егорова — стахановки Н. В. Веселова, Н. П. Маркова, Н. М. Куликова. Каждый работник цеха считал большой честью участвовать в выполнении почетного задания. Чтобы ускорить изготовление стереотипных форм, сделали сразу два набора. Прошло несколько часов, и в цехе появилась «молния», извещавшая, что труд товарища И. В. Сталина набран в небывало короткий срок и безукоризненно.

Вскоре заработали мощные ротации. К печатным машинам стали передовые люди типографии — П. Ф. Литовальцев, В. Н. Барабанов. С огромной ротации на приемную ленту начали сходить первые отпечатанные листы.

В просторном цехе мы встретили стахановца Барабанова. Время от времени он подходил к агрегату, брал в руки отпечатанные листы, подносил их близко к свету, потом возвращался снова к машине, наблюдая, как поток отпечатанных листов устремляется к выходу. Проворно подхватывая готовые листы, работницы ловко связывали их в пачки и отправляли на следующий этаж.

— Сдаем ежедневно четверть миллиона книг,— с гордостью говорит Барабанов.

Этажом выше по широкому залу снуют вагончики, нагруженные доверху готовыми книгами, пахнущими свежей краской. Почетному заказу всюду обеспечена «зеленая улица». Едва книги сброшированы, тут же они поступают на конвейер. Мы берем один экземпляр. На последней странице сказано: «Тираж — 10 миллионов 50 тысяч». Девять миллионов экземпляров печатается в «Печатном дворе».

По длинной ленте конвейера стопки упакованных книг поступают прямо на склад книжной базы. Здесь они не лежат ни одного часа. К светлосерым корпусам, выходящим на Ораниенбаумскую улицу, одна за другой подходят автомашины. Отсюда, наполненные доверху тюками упакованных книг, машины мчатся к вокзалам железных дорог и в аэропорт.

Первые миллионы экземпляров книги товарища И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» уже посланы в сотни городов страны. В отдаленные районы Крайнего Севера, на Дальний Восток, Сахалин книги отправляются самолетами.

Приемщицы проверяют отпечатанные в типографии «Печатный двор» экземпляры книги И. В. Сталина.
Фото И. Фетисова

КУБАНСКИЙ КОЛХОЗ СЕГОДНЯ

В. ДАРМОДЕХИН

Фото О. Кнорринга

Колхозники второй полеводческой бригады пришли на наряд.

Кубань!

Цветущие сады. Утопающие в зелени станицы.

Кто не любит этот край, кто не слыхал о чудесных его людях, таких, как Константин Борин и Иван Шацкий, Дмитрий Гонтарь и Иван Бунеев, мастерах высоких урожаев, в совершенстве овладевших техникой!

Здесь до колхозного строя выращивались лишь хлеб и подсолнечник, а теперь возделывается свыше ста сельскохозяйственных культур. Среди них — хлопок и чай, апельсины и табак, кенаф и арахис, маслины и кунжут, сахарная свекла и клещевина, рис и розы. На необозримом пространстве раскинулись яблоневые сады.

Кто видел тонущую в голубой дымке бескрайнюю, как океан, степь, кто жил и работал там, кто утолял жажду из быстрой, вечно шумящей Кубани, тот никогда не забудет этот край!

Сталинские пятилетки преобразили Кубань. Лет 25 назад снимали здесь на круг с гектара по 48—50 пудов хлеба. А в нынешнем году собрали более чем по 134 пуда.

Дело не только в цифрах. Хорошо сказал бригадир тракторной бригады Михайловской МТС, Курганинского района, депутат Верховного Совета СССР Иван Петрович Шацкий:

— Сегодняшний хлеб Кубани — это не скудная горбушка наших отцов и дедов, добытая пòтом и кровью. Это результат творческого вдохновения.

Когда на весь мир прозвучали слова товарища Г. М. Маленкова о том, что в Советском Союзе «зерновая проблема... решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно», кубанцы по праву могли гордиться: немалый вклад внесли и они в разрешение этой крупной государственной проблемы.

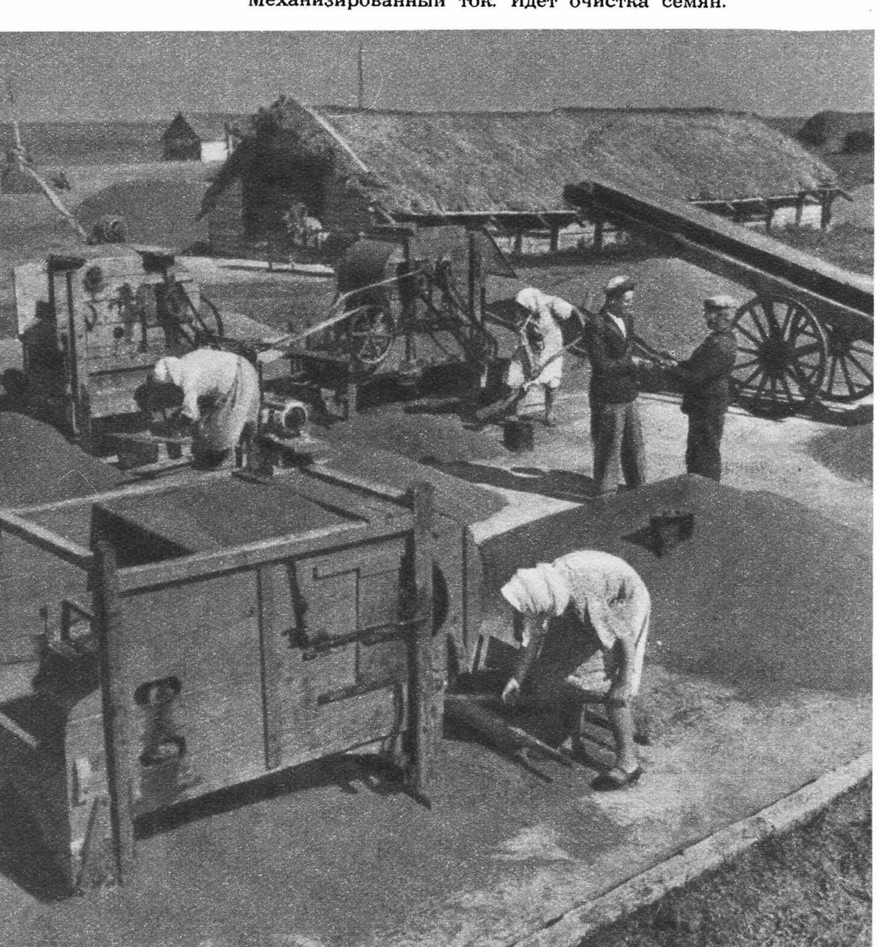
...В самом сердце кубанской степи, по берегам небольшой речушки, раскинулась станица Платнировская. Обычная степная станица, каких много на Кубани: широкие улицы с металлической паутиной меж столбов; гиганты-ветряки, возвышающиеся над фермами; дома, скрытые садами; густая пшеница, заглядывающая в окна окраинных хат.

Когда север нашей Родины покрывался белым пушистым убором, по улицам Платнировской, по окрестным полям медленно двигалась южная осень. Она одевала сады и лесные полосы в багряно-золотой наряд, ярко выделяющийся на изумрудном ковре озими.

* * *

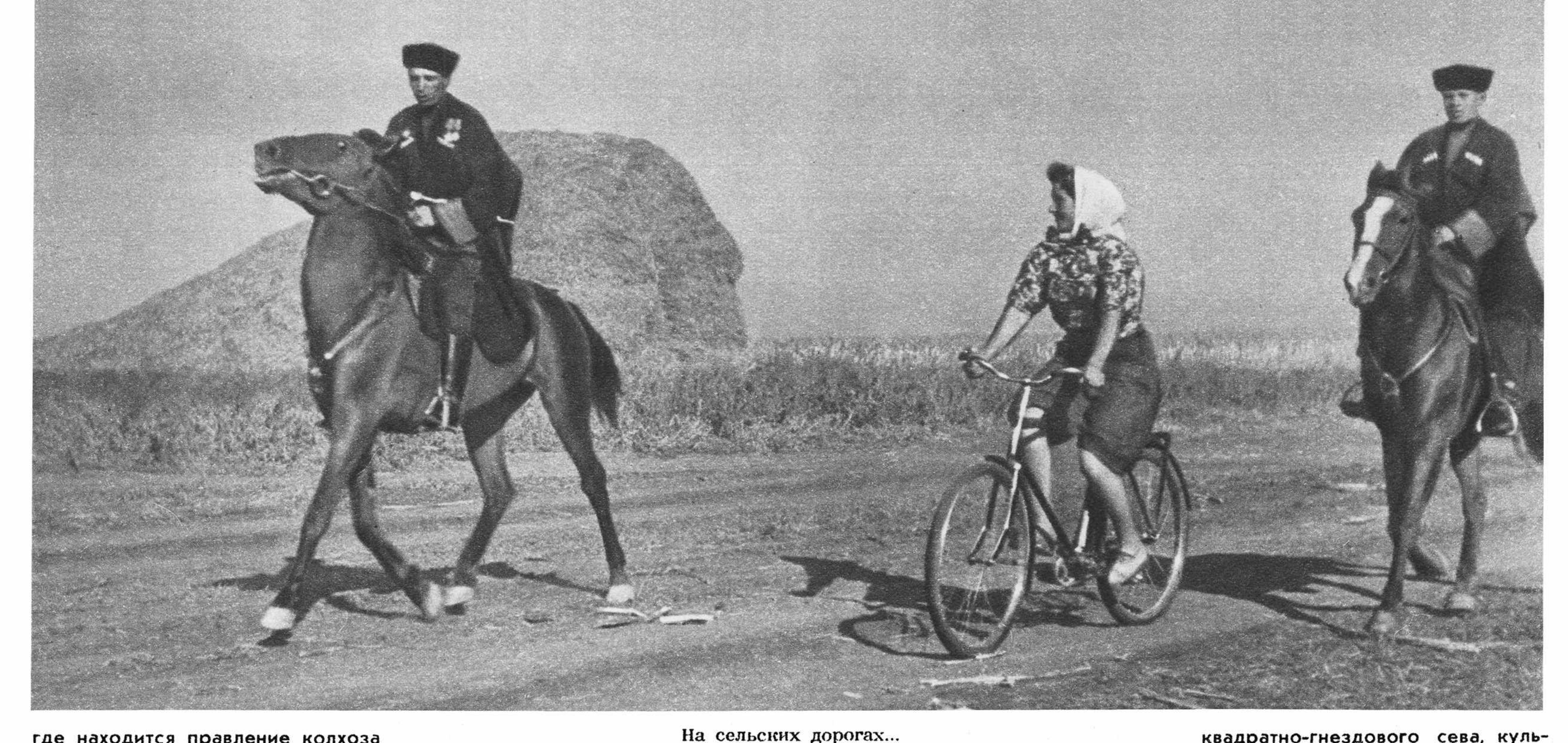
Поздний вечер. Слышно, как в степи рокочут мощные тракторные моторы. В домах колхозников гаснет свет. Но через окна дома,

Механизированный ток. Идет очистка семян.

Сахарную свеклу убирают автопогрузчиком.

На сельских дорогах...

где находится правление колхоза имени Кирова, вырываются на улицу яркие снопы света.

Здесь идет большой разговор о судьбе колхоза, о его дальнейшем пути.

Председатель Трофим Кириллович Третьяков подводит итоги. За два года удвоен валовой сбор хлеба. Удвоен сбор и сахарной свеклы — ее снимают по 300 центнеров с гектара.

К концу пятой пятилетки мощность всех занятых в колхозном производстве моторов поднимется до 20 тысяч лошадиных сил. Почти 7 лошадиных сил на двор! Денежный доход с 4,2 миллиона рублей возрастет до 12 миллионов!

В правлении нас познакомили с доходами и расходами колхоза за один день. В кассу колхоза поступило за день из «Заготзерна» за подсолнечник 5 263 рубля; с сахарного комбината имени Микояна за свеклу — 19 тысяч рублей; челябинская торговая организация перевела 49 894 рубля за яблоки.

В тот же день колхоз уплатил райпотребсоюзу за три дизеля 21 тысячу рублей; сметно-проектному бюро за проект павильона на районной сельскохозяйственной выставке — 1 296 рублей; Брюховецкой лесозащитной станции за строительство двух прудов — 69 052 рубля.

В лаконичных бухгалтерских записях одного дня ярко отражен размах деятельности кубанского колхоза. Велико и разнообразно его хозяйство. Для того чтобы обойти колхозные угодья, занимающие свыше 20 тысяч гектаров, потребуется не одна неделя. В колхозе несколько клубов и библиотек, кинотеатр, Дом сельскохозяйственной культуры, детские сады, ясли, амбулатория, больница, родильный дом, девять школ. На землях артели разместились поливные огороды, сады, виноградники, крупное тепличное хозяйство, винное и консервное производство.

Колхоз имени Кирова стал не только многоотраслевым. Его хозяйство является высокотоварным. Страна получила в нынешнем году от колхоза 25 железнодорожных составов хлеба, молока, яиц, мяса, шерсти, овощей, фруктов, масличных семян, сахарной свеклы и т. п. Чтоб увеличить денежный доход, правление решило продать государству и на рынке 1 800 голов крупного рогатого скота, овец и свиней, свыше полумиллиона литров молока, свыше 3 тысяч тонн хлеба, масличных семян, фруктов, винограда и т. п.

Пятая пятилетка уже принесла новое в колхоз имени Кирова. Это трехрядный свеклоуборочный комбайн, автопогрузчик, агрегаты для квадратно-гнездового сева, культиваторы новейших марок.

Производство одной из самых трудоемких технических культур — сахарной свеклы — механизировано от посева до уборки.

В станице ждут новых машин, учат людей, которые будут осваивать новые механизмы. Платнировская школа механизации сельского хозяйства, откуда вышло 15 тысяч механизаторов, начала очередной учебный год. Во дворе школы самые совершенные сельскохозяйственные машины. Занятия с первых дней проводятся прямо у тракторов и комбайнов. Рядом с ними для сравнения дедовский плужок и каток для молотьбы.

Самоходный комбайн и молотильный каток! Это две эпохи! А ведь долгий путь от катка до комбайна пройден всего лишь за четверть века.

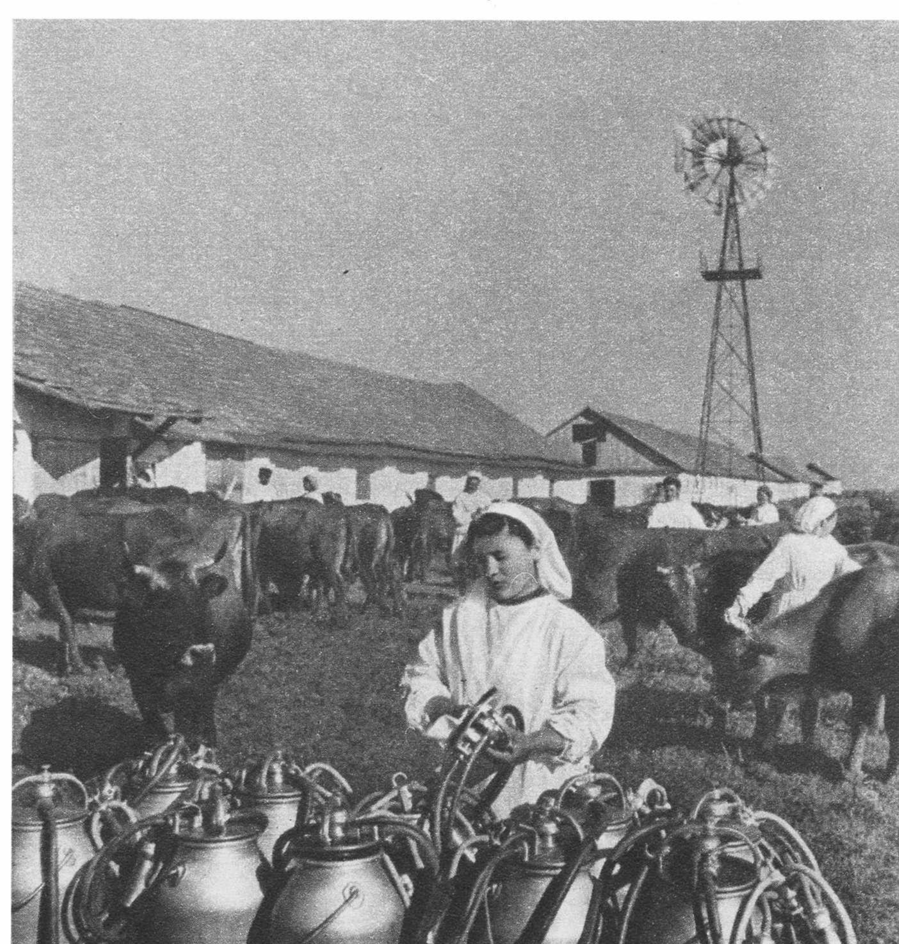
В то время на платнировских полях работал один трактор. Сей-

Платнировская школа механизации. Курсанты у молотильного катка.

На молочнотоварной ферме. Доярка Ульяна Заикина.

Румынские крестьяне, посетившие колхоз, подарили Люсе Халявко национальный костюм.

Птичница Екатерина Турбина.

час здесь 74 трактора, 35 зерновых и 9 свекловичных комбайнов, более 300 различных сельхозмашин и прицепных орудий. Производство колосовых, сахарной свеклы, подсолнечника, клещевины, семян трав почти полностью механизировано. До нынешнего года вручную убиралась кукуруза. Ныне в МТС прибыл кукурузоуборочный комбайн. Он заменяет 50 человек. К концу пятилетки все посевы кукурузы будут убираться комбайнами.

Как живут сегодня станичники? Вот, для примера, семья Турбиных. Пять человек в ней, четверо из них работают. Глава семьи — чабан, дочери: Лариса — звеньевая, Екатерина — птичница; сын Ванюша выполняет разную работу... Выработали Турбины свыше 2 тысяч трудодней. Авансом им причитается 7 тонн пшеницы, без малого тонна подсолнечника, по тонне ячменя и кукурузы, двести килограммов проса, свыше 6 тысяч рублей да еще дополнительная оплата — 250 килограммов сахару.

Большой трудодень создал неожиданные осложнения.

— Сахар и подсолнечное масло возьмем, — говорит Лариса Турбина,— а хлеб в конце года получим. Не к спеху. Прошлогоднего еще полторы тонны осталось.

Кладовщик Степан Замула озадачен: Лариса не первая — так говорят сотни колхозников. Амбары переполнены пшеницей, ячменем, просом.

Зажиточней становится жизнь — нарождаются новые интересы. Все больше потребность в книгах. В 9 библиотеках и в домах станичников свыше 100 тысяч книг. Большие личные библиотеки у Николая Александровича Зозули, Матрены Денисовны Лаштабеды, Александра Спиридоновича Диброва.

В станице живет 116 учителей, 60 агрономов, зоотехников и других специалистов сельского хозяйства, 22 инженера и техника, 25 медицинских работников. 1 000 хлеборобов имеют семилетнее образование. Труд каждого четвертого колхозника связан с механизмами. В одной лишь Платнировской МТС сейчас 650 механизаторов.

...Вечером участники колхозного ансамбля песни и пляски собрались на репетицию. Место хормейстера занял колхозный садовод, по необходимости и портной Гавриил Ермолаевич Жуков. Идет примерка костюмов. Женские платья шили в краснодарском ателье мод, а вот казачью форму правление поручило изготовить старому казаку Жукову.

Форма готова. Все в ней соблюдено до тонкостей и сидит ладно на казаках. Но Гавриил Ермолаевич придирчиво оглядывает ее и находит «изъяны». Участник ансамбля колхозный коневод Андрей Коваленко нетерпеливо ждет, чтоб обновить костюм в буйном казачьем переплясе.

Вечером в клуб придут станичники. И звонкую песню ансамбля подхватят казаки и казачки, сидящие в зале, песню о новой жизни кубанской станицы, богатой и радостной.

Колхозный садовод, он же портной, Гавриил Ермолаевич Жуков занят последней примеркой. Хорош будет колхозный ансамбль!

НА ТОМ ЖЕ ЗАВОДЕ

Улица Николая Смирнова.

Д. ГРАНИН, К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Я. Рюмкина

По Лесному проспекту мчатся автобусы, трамваи, оставляя матовые следы на блестящем асфальте.

— Улица Смирнова! — предупреждает кондуктор.

Люди встают и направляются к выходу. Почти все они спешат в одном направлении — к высокому, сияющему огнями Дому культуры. Они идут по улице имени Николая Смирнова, бывшего тринадцать лет назад делегатом XVIII съезда партии.

Как ни давно это было, в памяти коммунистов многое сохранилось. Когда слушаешь их рассказы, перелистываешь пожелтевшие страницы заводской многотиражки, живо встают события тех дней.

Наступала весна 1939 года. Вместе со всей страной коллектив ленинградского завода «Красная заря» готовился к XVIII съезду партии.

Что же в ту пору волновало коммунистов?

Как раз тогда шла перестройка всей партийной учебы в связи с выходом в свет Краткого курса истории ВКП(б).

Много и горячо говорили коммунисты о задачах партийной организации в третьей сталинской пятилетке, о будущем завода:

— Надо специализировать наше предприятие на выпуске автоматических станций новейшей системы. Зарубежные фирмы осваивали производство подобных станций годами, а мы должны сделать это в один год.

— Обогатить телефонную связь страны технически совершенными приборами, резко повысить их качество!

Впервые тогда прозвучало требование: установить деловую и творческую связь с научно-исследовательским институтом.

— Удержим место в ряду передовых предприятий города! — дали слово коммунисты «Красной зари».

Сегодня, когда все это стало историей, с гордостью видишь, что коммунисты день за днем и год за годом выполняли свое обещание...

В день открытия XVIII съезда на заводском дворе возник многотысячный митинг. Посылая сердечный привет съезду, родному Сталину, коллектив «Красной зари» сообщал, что АТС новой системы построена и испытана в небывало рекордное время.

Заверяем партию и правительство,— говорилось в приветствии съезду,— что задачи третьей пятилетки в области развития связи будут выполнены.

В первый день заседания съезда в парткоме раздался телефонный звонок из Москвы. Послышался взволнованный голос:

— Я видел и слышал товарища Сталина!

Это звонил на свой родной завод Николай Смирнов... Мальчишкой пришел он в заводское училище. Завод стал для него родным домом. Здесь он вступил в комсомол, в партию, стал секретарем парткома... Отсюда поехал делегатом на съезд партии. Воспитанник славного рабочего коллектива, он спешил поделиться великой радостью со своими друзьями.

Съезд единодушно принял сталинскую программу дальнейшего движения по пути к коммунизму. И она была встречена на заводе как конкретный план действий. Коллектив «Красной зари» обещал оснастить страну хорошей телефонной связью.

Когда Николай Смирнов вернулся в Ленинград, вдохновенно рассказывал он о своих впечатлениях. Все, что было связано с образом Сталина, врезалось в его память навсегда.

Вспоминая теперь рассказ делегата съезда, старший мастер-коммунист Б. Н. Феофанов говорит:

— Многое изменилось с тех пор. Но, как сейчас, я помню те дни. Близко к сердцу принял народ новую пятилетку. Сталинский план увлек нас своей ясностью и смелостью...

Цехи «Красной зари» стали перестраиваться на выпуск шаговых АТС новейшей системы; разрабатывалась и строилась самая длинная в мире проводная многоканальная магистраль Москва — Хабаровск.

Война нарушила мирный труд...

Советский народ в те дни услышал призыв вождя: «Все для фронта!»

К Ломанскому переулку, ныне улице Смирнова, торопились рабочие, инженеры, служащие «Красной зари», «Красного выборжца», завода имени Карла Маркса... Выборгская сторона, как и весь Ленинград, превратилась в большой военный лагерь.

Тогда на Ломанском краснозаревцы повстречались с секретарем Выборгского райкома партии Н. Смирновым. Он был назначен комиссаром в один из полков Выборгской дивизии народного ополчения.

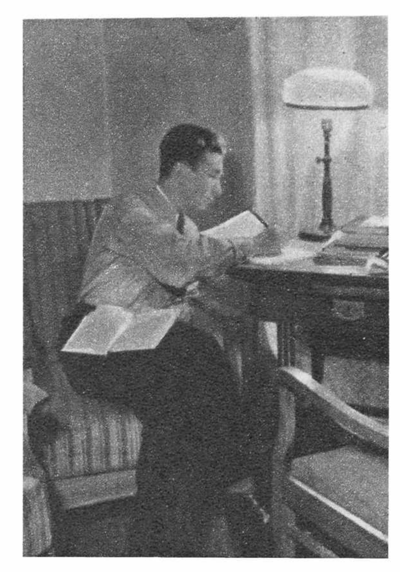
Прощаясь с семьей, Смирнов положил в карман гимнастерки фотокарточку: она запечатлела последний мирный летний день, сына Алешу, солнце, лес...

Послышались голоса командиров:

— Рота краснозаревцев, выхо-

Н. А. Смирнов с сыном Алешей перед войной.

Алеша Смирнов сейчас учится в 10-м классе.

В одном из цехов «Красной зари».

ди!.. Команда противовоздушного десантного отряда, становись!.. Батальон металлистов завода имени Сталина, стройся!..

Ополченцы «Красной зари» шли мимо высоких корпусов родного завода. Он уже готовился к эвакуации. Оставшиеся в цехах ковали оружие фронту.

Шагая сейчас вдоль пролета светлого цеха, бывший помкомвзвода коммунист И. Е. Венков рассказывает:

— Дрались ополченцы крепко, зло. Наполовину рота состояла из коммунистов и комсомольцев. Они не жалели для победы ни крови, ни самой жизни.

И. Е. Венков двадцать пять лет в партии. На «Красной заре» работает не один десяток лет... Он многое видел, многое пережил.

— У входа на завод,— рассказывает он,— высечены имена наших краснозаревцев, отдавших жизнь за Родину. Первым стоит имя Н. А. Смирнова. Он погиб в бою у Пулковских высот...

И сейчас еще как сойдутся ветераны на партсобрание или в цехе во время обеда, так начнут перебирать в памяти дни боев...

— А сын Смирнова Алексей уже в десятом классе, рослый, весь в отца,— вдруг скажет кто-то задумчиво...

Петр Иванович Масленников одним из первых вернулся с фронта. Он увидел закопченные, полуразрушенные корпуса. Вскоре появился в цехе и Б. Н. Феофанов.

— Нашего полку прибыло! — сказал обрадованно Масленников.— Чем будешь заниматься?

— Мастером назначают.

— Молодежь надо учить, в кадрах огромная нехватка.

Именно благодаря тому, что за воспитание молодежи взялись старые, кадровые рабочие, «Красная заря» быстро и уверенно возрождалась к жизни.

И Масленников и Феофанов — коммунисты. Они строили первые советские автоматические телефонные станции. Они стояли плечом к плечу, приступая к выполнению планов послевоенной пятилетки.

«...Увеличить мощность телефонных станций, обратив особое внимание на внедрение шаговых автоматических телефонных станций...»— так было сказано в Законе о четвертом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР.

Сразу возникла необходимость в новой оснастке, точнейшем специальном оборудовании. Через руки Масленникова проходило все новое, что делалось на заводе.

У Петра Ивановича Масленникова выучились и стали замечательными мастерами завода такие, как Борис Феофанов.

Масленников попрежнему числится слесарем-механиком, но на заводе о нем говорят, как о мастере высокого класса. Масленников создает уникальную технику, с помощью которой изготовляют точнейшую и высокочувствительную аппаратуру.

Сила заводского коллектива в том, что такие люди, как Масленников, есть в каждом цехе. Они и хранят лучшие традиции коллектива, определяют его лицо. О них говорят ныне, после XIX съезда партии.

Люди росли по-разному. Электромонтер Борис Мартьянов кончил институт. Вскоре молодой инженер стал начальником технической части завода и одновременно преподавал в своем институте. После войны, когда началось восстановление «Красной зари», коммуниста Мартьянова назначили главным инженером, а недавно — директором завода. Он автор одиннадцати учебников для втузов и техникумов связи, удостоен Сталинской премии.

Завод восстанавливался на передовой технической основе. Старейшее телефонное предприятие полностью специализировалось на производстве автоматических станций, стало создателем новейшей аппаратуры, заводом-лабораторией.

...В цехах, где идет регулировка и сборка аппаратуры, не видно больших машин или станков. Мягкий свет ложится на столы, вытянувшиеся в прямую нитку. В удобных креслах за измерительными приборами сидят женщины. Вот комсомолка Валентина Дорофеева, недавняя воспитанница ремесленного училища, а сейчас сборщица высокой квалификации. Ловко, почти незаметными движениями она настраивает крохотные механизмы.

Реле, свободно умещающееся на ладони,— основа всей автоматики. Через бусинки серебряных контактов осуществляется управление сложнейшими процессами. Много терпения и знаний надо вложить в эти приборы, чтобы сделать их чуткими и верными помощниками человека. Зато как красиво и умно действуют они!

В высоком, светлом зале собираются каркасы будущих АТС. Тысячи разноцветных проводов бегут от реле к реле. Под серебристыми футлярами постукивают неутомимые автоматы-искатели. Они отыскивают нужного абонента, включают, сигнализируют.

У стены просторного цеха стоит заводское Красное знамя. К верхнему углу его прикреплен орден Ленина. Эта высшая правительственная награда вручена коллективу за выполнение первой сталинской пятилетки в два с половиной года. И тут же по соседству, в цехе съемных приборов, развевается Красное знамя Совета Министров Союза ССР. План четвертой сталинской пятилетки завод выполнил на триста двадцать пять дней раньше срока. С тех пор коллектив «Красной зари» не уступает первенства в соревновании.

— Тысячу дней держим его,— показывая на знамя, говорит стахановец Л. М. Иванов.— И не уступим!

И как бы в подтверждение этого у его рабочего места красуется плакат. На нем написаны показатели сменной выработки в последние дни: 250—300 процентов!

Продукцию «Красной зари» можно встретить повсюду. Плывет теплоход, строится высотный дом — и всюду есть АТС с маркой «Красная заря».

Технический совет завода насчитывает пятьдесят пять человек. Рядом с профессором И. М. Ждановым здесь сидит слесарь-лекальщик Г. М. Алфимов.

Внимательно изучают краснозаревцы исторические решения XIX съезда партии.

Пятая пятилетка по всем показателям для завода вдвое больше предыдущей.

Когда стоишь перед собранной АТС нового типа, невольно испытываешь восхищение перед силой человеческого разума. Каждое реле (а их тут сотни разных типов), каждый искатель — это сгусток глубоких знаний, воплощенный в крайне малые размеры и от этого кажущийся еще более чудесным.

В новом пятилетнем плане есть строки, адресованные прямо коллективу «Красной зари»: «Расширить мощность городских телефонных станций за пятилетие на 30—35 процентов».

Краснозаревцы готовы к выполнению больших задач, выдвинутых перед ними партией, великим Сталиным.

На монтаже шаговых АТС. Слева направо: Б. Н. Феофанов и П. И. Масленников.

В большой семье

Москва была уже близко. Ндоц Ракай прильнул к окну. Албанский студент возвращался с каникул в свой институт. Неожиданно купе наполнилось веселым шумом: пришли его соотечественники. Они тоже ехали в Москву учиться, но это было их первое путешествие.

— Расскажите, как вы начинали,— попросила маленькая Розмари, которая собиралась стать дирижером и мечтала о консерватории.

Ракай, конечно, понял.

— Как я начинал учиться в Москве? — Он помолчал, ожидая, когда установится тишина.— Было это ровно четыре года тому назад. Нас прибыло в Москву несколько человек. Утром, помню, перед приездом, как и вы, поминутно выбегали в коридор, спрашивали проводника: «Москва?» Тот смеялся и что-то говорил в ответ. Мы его не понимали. Ведь тогда из русского языка мы, пожалуй, только два слова и знали: Москва и Сталин.

Учиться приехали разным профессиям: строителей, врачей, педагогов, агрономов. Я поступил в Московский технический институт рыбной промышленности. Признаться, вначале страшновато было: ведь школу я кончил давно, многое забыл. Но особенно боялся, что среди незнакомых мне людей почувствую себя чужим и одиноким.

На другой день после того, как поселился в общежитии, меня пригласили в деканат. Я увидел высокого седого человека. «Меня зовут Иван Ипполитович,— сказал он по-итальянски.— Буду учить вас русскому языку». И начались занятия. Иван Ипполитович просиживал со мной часами, забыв про время, с увлечением объяснял падежи, спряжения глаголов, грамматические правила, исключения и другие премудрости, которые поначалу довольно туго давались мне. «Надо добиться того,— говорил мой учитель,— чтобы на изучение языка вы потратили не год, как предполагается по плану, а гораздо меньше. Тогда весной вы вместе со всеми сможете сдавать экзамены за первый курс». Я понял, что у меня есть настоящий друг.

Благодаря ему уже зимой я смог посещать занятия по химии. Было очень трудно. Самых простых вещей иногда не понимал: не хватало знаний, не хватало русских слов. Преподаватель говорит, например: «В результате реакции получаем студенистую массу». Я пишу «получаем», а дальше ставлю точки: не знаю, что такое студенистая масса. «Коэффициент полезного действия» — я опять не понимаю. И вот после занятий преподаватель оставался со мной.

— Что такое манная каша, знаете?

— Знаю,— говорю.

— Ну, так вот она тоже студенистая масса. Или, например, холодный кисель. Понимаете? Кисель...

Шаг за шагом терпеливо разъяснял он все мои «точки». Значит, и преподаватель химии — тоже мой друг,— решил я.

А по вечерам учителями были товарищи по общежитию. Помощь мне, особенно первое время, почти ежеминутно была нужна: то одно непонятно, то другое. И всегда друзья, окрестившие меня по-русски Антоном, находили время, чтобы все объяснить, обстоятельно ответить на все вопросы. Друзьями стали и сосед по комнате Миша Светлов, и комсомолка Катя Провоторова, помогавшая мне записывать лекции, и румын Золтан Касони. Да не только они. Каждый, с кем мне приходилось встречаться, я чувствовал, готов был разделить со мной радость или помочь в трудную минуту.

Сознание, что рядом со мной друзья, никогда не покидало меня в Советском Союзе: и в московской школе, где дети внимательно слушали мой рассказ об Албании, а потом всей школой пошли провожать меня до метро, и в маленьком рыбацком поселке, где знатный бригадир, депутат краевого совета Владимир Андреевич Черепаха старался весь свой богатый опыт передать через меня албанским рыбакам...

Свет лампы, прикрытой коричневым колпачком-абажуром, едва освещает увлеченного рассказом Ндоца Ракая. На его загорелом лице поминутно играет улыбка, и тогда выделяются белые, как снег, зубы. Он чувствует, с каким напряженным вниманием слушают его товарищи. Некоторые из них знают, что этот совсем еще молодой человек прошел суровую жизненную школу.

Ндоц вырос в небольшом рыбацком селении Широк на озере Скутари, недалеко от города Шкодер. Отец и старший брат из сил выбивались, чтобы коекак прокормить многочисленную семью. В 1943 году фашисты узнали, что Ндоц участвовал в организации поселковой ячейки Коммунистического союза молодежи. Больному брюшным тифом юноше пришлось скрываться в горах. Потом ушел к партизанам.

После освобождения Албании, в ноябре 1944 года, Ндоц вернулся в родные места. Вместе с соседями-бедняками рьяно взялся за организацию рыболовецкой артели. Рыбаки решили покончить с нищетой, жить и работать по-новому. Кулаки грозились: «Один раз спасся — теперь не уйдешь. Раздавим голову под камнем. Будь у тебя хоть десять голов, ни одной не останется». Но бывшего партизана нелегко запугать.

1 мая 1945 года в демонстрации в городе Шкодер участвовали члены одной из первых в Албании рыболовецких артелей. Они шли в своих рыбацких одеждах, несли снасти, отныне ставшие общими.

Разные люди слушают рассказ Ндоца. Со многими из них он познакомился здесь, в поезде, некоторых знал раньше. Вот высокий и плечистый Чачо Пиша. Он прошел трудный путь борца за освобождение Албании. Московский государственный университет предоставил ему место на философском факультете.

Вот Мехмет Карри, будущий строитель. Он только что кончил среднюю школу. Его ждет Московский строительный институт. Его друг Влаш Мука хочет стать мелиоратором.

Опершись подбородком на смуглые руки, сидит, задумчиво улыбаясь каким-то своим мыслям, Али Абдиходжа. Подростком он мечтал быть учителем, но в 1943 году стал партизаном. Много горных албанских дорог и тропинок исходил Али с винтовкой. Работал в редакции партизанской газеты. Тогда и начал писать рассказы. В 1948 году получил Национальную премию второй степени за рассказ о партизанской жизни. У молодого писателя большие планы: надо окончить повесть «В наших горах», задуман большой роман. Необходимо еще много учиться. Али Абдиходжа поступит в Москве в Литературный институт.

Розмари Йоргонджи здесь самая юная. Ей всего пятнадцать лет. В Албании она дирижировала пионерским хором. Дети ездили по всей стране, выступая в селах, на новостройках, в городах. У девушки хороший голос. Есть даже пластинки с записями песен в ее исполнении. На всю жизнь запомнила Розмари вечер 28 ноября прошлого года. В концерте, посвященном годовщине освобождения Албании от фашистских оккупантов, ее слушал вождь албанского народа Энвер Ходжа. «Тебе нужно учиться,— сказал он,— учиться в Советском Союзе». С тех пор Розмари жила одной мечтой — увидеть СССР.

Ракай невольно сравнивает: это новая молодежь. Юноши и девушки получили в албанских школах прочные знания. Учиться в институте им будет, конечно, гораздо легче, чем Ндоцу и его товарищам четыре года назад. Каждую осень приезжают в СССР на учебу молодые представители Албании. Ндоц видит, что они, как зеркало, отражают достижения родной страны. В Албании строятся железные дороги — и народ посылает в Советский Союз будущих инженеров-путейцев; создается отечественная судостроительная промышленность — и в Ленинграде обучаются будущие кораблестроители; расцветает культура албанского народа — и с каждым годом в СССР все больше едет музыкантов, певцов, художников, искусствоведов.

Изменились люди Албании, неузнаваемо изменилась родная страна!

Этим летом, после четырехлетнего перерыва Антон (как теперь часто Ндоц сам называл себя) побывал дома. Он не узнал Дуррес — город, который покинул лишь четыре года назад. Вместо многих полуразрушенных хибарок стояли красивые жилые дома. В порту он видел судно, построенное не за границей, а на верфях Албании.

В Тирану студенты ехали по железной дороге, проложенной албанской молодежью. Из окна поезда Ндоц видел тракторы на полях. Ими управляли албанские крестьяне, которые несколько лет тому назад могли лишь мечтать о сельскохозяйственных машинах.

На площадях Тираны били фонтаны чистой холодной воды. Ндоц читал об этом в газетах, но увидеть своими глазами — совсем другое дело. Раньше вода и свет были, казалось, неразрешимыми проблемами для города. Жители пили мутную теплую воду, а электроэнергии от небольшой ТЭЦ едва хватало, чтобы освещать дома богачей, да и то на несколько часов. Новая высокогорная гидроэлектростанция имени Ленина, построенная недалеко от Тираны, вдоволь дает городу света и чистой воды. Один из товарищей Ндоца рассказал ему, что в тот вечер, когда пустили электростанцию, тысячи тиранцев пошли к плотине, чтобы встретить свет, идущий в город.

Свет пришел не только в Тирану. Из года в год ярче становится жизнь всей страны.

— В прошлом году мне довелось побывать на производственной практике в Риге,—заканчивает Ндоц свой рассказ товарищам.— Это было перед большим праздником—днем Великой Октябрьской социалистической революции. Я проходил по мосту, который соединяет две части прекрасного города. Он был украшен флагами государств демократического лагеря. Среди них я увидел и государственный флаг Албании. Он гордо реял на ветру рядом со знаменами великого Советского Союза, Китая, европейских стран народной демократии. И я почувствовал бесконечную гордость за свой народ. Когда-то угнетенный, считавшийся отсталым, он 29 ноября этого года уже восьмой раз тоже отметит годовщину своего освобождения. Отныне и навсегда вошел он в великую семью свободных, миролюбивых народов.

Г. БОРОВИК

Много интересного рассказал своим советским друзьям Ндоц Ракай, вернувшись из Албании. На снимке (слева направо): студенты Московского технического института рыбной промышленности и хозяйства имени Микояна Е. Провоторова, В. Скорняков, А. Тюрин и Н. Ракай.

Фото О. Борисова

НА КРЫМСКОЙ ЗЕМЛЕ

В. БАРЫКИН

Спустя три года

Тот, кто видел фильм «Падение Берлина», навсегда запомнил этот чудесный кадр: в залитом солнцем весеннем саду товарищ Сталин бережно окапывает молодое деревцо...

«Товарищ Сталин, занимаясь в течение многих лет разведением и изучением цитрусовых культур в районе Черноморского побережья, доказал на практике, что можно вывести морозоустойчивые сорта цитрусовых, приспособленные к климатическим условиям Черноморского побережья, и что цитрусовые культуры могут и должны найти широкое распространение не только в южных районах Черноморского побережья, но и в районе Сочи и севернее»,— писал тов. А. Н. Поскребышев в статье, опубликованной в «Правде» 21 декабря 1949 года. По инициативе товарища Сталина были начаты работы по разведению цитрусовых культур в Крыму, Средней Азии и в других районах страны.

Весной 1949 года в Крым начали прибывать первые «переселенцы» из Грузии. Прямо с теплоходов их развозили по колхозам, совхозам, санаториям и домам отдыха на постоянное местожительство. Более 100 тысяч саженцев лимонов, мандаринов и апельсинов было в тот год высажено на крымской земле.

Первая же крымская зима встретила их весьма «невежливо». Морозы грозили уничтожить пришельцев из субтропиков. Но люди, горячо взявшиеся за новое дело, не испугались трудностей. Когда трудности давали о себе знать особенно сильно, перед крымскими энтузиастами цитрусоводства возникал запомнившийся им кадр: залитый солнцем весенний сад и товарищ Сталин, окапывающий молодое деревцо...

Ученые, агрономы, колхозники, работники санаториев и домов отдыха вместе с садовниками боролись за каждое цитрусовое растение. Партийные организации возглавили эту борьбу. Высаженные в траншеях и в открытом грунте саженцы были укрыты от морозов всевозможными способами, в том числе и теми, которые предложили практики.

Первые удары природы были отбиты. Большинство саженцев хорошо перенесло две зимы и прижилось на крымской земле. Ныне, спустя три года, вдоль всего Южного берега Крыма — от Медведь-горы до Мухалатки — в колхозах и совхозах, в парках и садах зеленеют цитрусовые деревья, и многие из них уже дали плоды...

«Цитрусовый мыс»

Ученые, приехавшие в Крым, обосновались в Никитском ботаническом саду имени В. М. Молотова. В свое время И. В. Мичурин предлагал обыскать все тропики и субтропики земного шара, чтобы создать лучшее в мире советское субтропическое хозяйство. Все, что найдется лучшего из лимонов, апельсинов, мандаринов, чая, хурмы и других субтропических культур,— говорил И. В. Мичурин,— все должно быть доставлено в Закавказье и селекцией продвинуто дальше на Север. В Никитском саду можно увидеть мировую коллекцию субтропических культур. Используя ее как исходный материал, ученые вывели новые сорта миндаля, хурмы, инжира, маслины, граната, абрикоса.

...Нил Васильевич Рындин приехал в Крым из Абхазии, где проработал почти 20 лет на Всесоюзной селекционной станции. Там собрано более 600 сортов, форм и видов цитрусовых культур. Ученый привез в Крым свой апельсин «Первенец», выращенный в результате большого многолетнего труда. Этот новый сорт — самый морозоустойчивый из всех существующих на земле апельсинов.

«Цитрусовый мыс» Никитского ботанического сада знаком многим агрономам, колхозникам, садоводам. Вместе с Н. В. Рындиным, возглавившим отдел цитрусовых культур, здесь трудятся В. Н. и К. Т. Клименко, в свое время учившиеся у И. В. Мичурина. Они привезли на «цитрусовый мыс» из Батуми новые сорта лимонов, мандаринов, апельсинов, наиболее подходящие для возделывания в крымских условиях. На «цитрусовом мысе» можно увидеть и молодого научного сотрудника И. В. Дрягину. Бывшая летчица из знаменитого женского авиационного полка, она уже после войны окончила Тимирязевскую сельскохозяйственную академию.

Отсюда тянутся крепкие нити, связывающие ученых с колхозами, с цитрусоводами-практиками, здесь проходят специальные курсы колхозные опытники, расширяют свои знания агрономы. А ученые, в свою очередь, регулярно бывают повсюду, где зеленеют цитрусы,— в колхозах, совхозах, санаторных садах.

На «цитрусовый мыс» поступают известия, как ведут себя посаженные на местах молодые деревца, как переносят они холод, жару, солнце, как принимают поливку, подкормку. Крымские мичуринцы задают ученым десятки вопросов, на которые надо отвечать немедленно. Н. В. Рындину пришлось стать строителем — он сконструировал разборный лимонарий,— выезжать в колхозы, чтобы на месте дать «сеанс» формировки кроны. Высота апельсинов — 10—12 метров, а их надо сделать маленькими, чтобы они могли расти и плодоносить в траншеях.

Опыт мичуринцев

Колхозники артели имени Сталина никогда не занимались цитрусовыми, многие и не видели, как они растут. Теперь в этом колхозе около 1 500 цитрусовых деревьев, более 10 гектаров занято маслино-персиковыми, инжиро-персиковыми и чисто маслинными садами. Колхозники взялись за новое дело по-хозяйски, начали пытливо изучать все его тонкости. Они построили траншеи из камня — в отличие от обычных эти траншеи расположены не в земле, а на поверхности. На зиму траншеи с одной стороны закрываются парниковыми рамами, а с другой — наглухо.

На колхозной земле высажена коллекция лимонов, апельсинов и мандаринов, привезенных с «цитрусового мыса». Ученые Никитского ботанического сада наблюдают за «своими» растениями, изучают их поведение, направляют их развитие, вырабатывают в них нужные качества. Колхозная практика, опыт мичуринцев обогащают труды ученых, подсказывают им новые темы.

Мандарины, высаженные в открытом грунте, заботливо оберегаются, особенно в зимнее время. Между ровными рядами вечнозеленых мандаринов колхозники по совету ученых посадили благородный лавр и скоро будут собирать лавровый лист. Фундамент цитрусоводства здесь заложен прочный, дело находится в хороших руках. Имя звеньевого В. И. Мартынова широко известно колхозникам Южного берега Крыма. Колхозный цитрусовод стал членом Ученого совета Никитского ботанического сада. Года два назад Крымское государственное издательство выпустило сборник «По мичуринскому пути». В этом сборнике опубликована и работа В. И. Мартынова. Он подвел итоги поставленного в колхозе опыта, обосновал его и поделился им со всеми цитрусоводами Крыма.

Большой интерес представляет опыт цитрусоводов колхоза имени Ворошилова, Кировского района. Этот колхоз расположен в степной части Крыма и находится в 25 километрах от азовского побережья. Весной 1949 года сюда доставили из Ялты 100 саженцев лимонов. Они подверглись серьезным испытаниям морозом, доходившим до 30 градусов. Испытания были выдержаны. Этот опыт еще раз доказал, что выращивание цитрусовых в Крыму — реальное дело.

Из питомника в сады колхозов!

Фундамент крымского цитрусоводства заложен на материале, привезенном из Грузии. Но нужен

посадочный материал, созданный на своей земле. Эту задачу и призваны решить специальные питомники. Весной из Ялтинского питомника цитрусовых и субтропических культур увезли в колхозы 6 тысяч саженцев лимонов, мандаринов, апельсинов. Скоро отсюда увезут еще 15 тысяч саженцев. Это уже не переселенцы из Грузии, а свои собственные, крымские!

Питомник, призванный обеспечить Южный берег Крыма посадочным материалом, находится в самой Ялте. Площадь у него небольшая — всего 20 гектаров. Цитрусовые культуры растут здесь как в траншеях, так и в открытом грунте. Два — три года живут они на земле питомника, а потом, набравшись сил, отправляются в колхозы или совхозы.

Свою коллекцию имеет в питомнике и Никитский ботанический сад. Здесь проходит испытание свыше 100 различных сортов цитрусовых культур, по 3—5 растений разных сортов. Каждое растение на особом учете, для него вырабатываются правила агротехники, система ухода, размножения. В этом году получены растения, которые пройдут новые испытания, чтобы выработать в них выносливость, приспособляемость к климатическим условиям Крыма.

Экзамен проходят и завезенные из Сухуми, с Всесоюзной селекционной станции субтропических культур, 100 деревьев вегетативного гибрида мандарина. Этот сорт мандарина имеет большие перспективы для распространения в новых районах цитрусоводства, так как отличается большой морозоустойчивостью.

В питомнике — молодые маслиновые рощи. Путь маслины начинается в теплицах, в песке которых растения укореняются. Затем они переходят в мелкие парники с хорошей почвой. Спустя год маслины высаживаются в открытый грунт, а еще через два года переселяются в колхозные и совхозные сады. Весной 2 тысячи саженцев крымских маслин отправлено в Армению.

В будущем году маслинам предстоит совершить далекое путешествие — в зону Главного Туркменского канала, чтобы водвориться там на постоянное местожительство.

— Иные председатели колхозов,— возмущается бригадир питомника Э. Ромашкина,— не торопятся обзавестись маслиновыми рощами. Маслина-де невыгодна, надо ждать десять — двенадцать лет, пока она начнет приносить плоды! Но зато ведь маслина будет жить и давать плоды триста—пятьсот лет! А между ее рядами можно посадить персики, которые начинают плодоносить на третий год и кончают через восемнадцать — двадцать лет, как раз тогда, когда уже сама маслина будет находиться в расцвете плодоношения.

Благодарная работа

Три года тому назад в Алупкинском парке можно было увидеть выращенные из семян 5-сантиметровые эвкалипты. А сейчас они превратились в деревья высотой в 12 метров с диаметром ствола 13 сантиметров. Почти 2 тысячи эвкалиптов растут в Алупкинском парке; в Ялте и ее окрестностях имеется до 75 тысяч этих замечательных растений. Одним из первых энтузиастов выращивания эвкалиптов на крымской земле по праву считается заведующий Алупкинским парком А. И. Самсонов. Сотни экскурсий приходят сюда, чтобы полюбоваться вечнозелеными деревьями-красавцами. Эвкалипты удивительно быстро растут, они оздоровляют воздух, дают ценную древесину, их листья содержат эфирные масла, находящие широкое применение в медицине и парфюмерии. Этим летом эвкалипты впервые в Крыму зацвели, и сейчас уже можно смело сказать, что прочная база для выведения крымских сортов эвкалиптов, приспособленных к местным климатическим условиям, создана.

Над выведением крымских сортов цитрусовых культур работают сейчас ученые, привлекая к этому сотни опытников-мичуринцев из колхозов, совхозов, здравниц.

Какими должны быть новые сорта лимонов, мандаринов, апельсинов, способных зимовать без повреждений в открытом грунте на Южном берегу Крыма?

Крымские сорта цитрусовых должны переносить морозы хотя бы до 14—15 градусов и быть более скороспелыми, так как заморозки здесь наступают сравнительно рано. Чтобы переносить такие морозы, у вечнозеленых растений надо выработать новые свойства, такие, как полная приостановка роста зимой, вызревание и одревеснение побегов к ноябрю, естественное осыпание листьев.

Для создания новых, крымских сортов субтропических культур нужен не один год. Эта благодарная работа требует от того, кто за нее берется, подлинно мичуринской настойчивости, терпения, наблюдательности, любви к делу, воли к победе.

В новом пятилетнем плане есть одна цифра, привлекшая особое внимание и ученых и колхозных цитрусоводов Крыма: увеличить за пятилетие площади цитрусовых культур в колхозах страны в четыре с половиной раза. В этой цифре учтен и тот вклад, который могут внести крымские мичуринцы.

Ученые Никитского ботанического сада — частые гости в колхозах. Заместитель директора Л. И. Сергеев (слева) и заведующий отделом цитрусовых культур Н. В. Рындин в траншее колхоза имени Сталина.

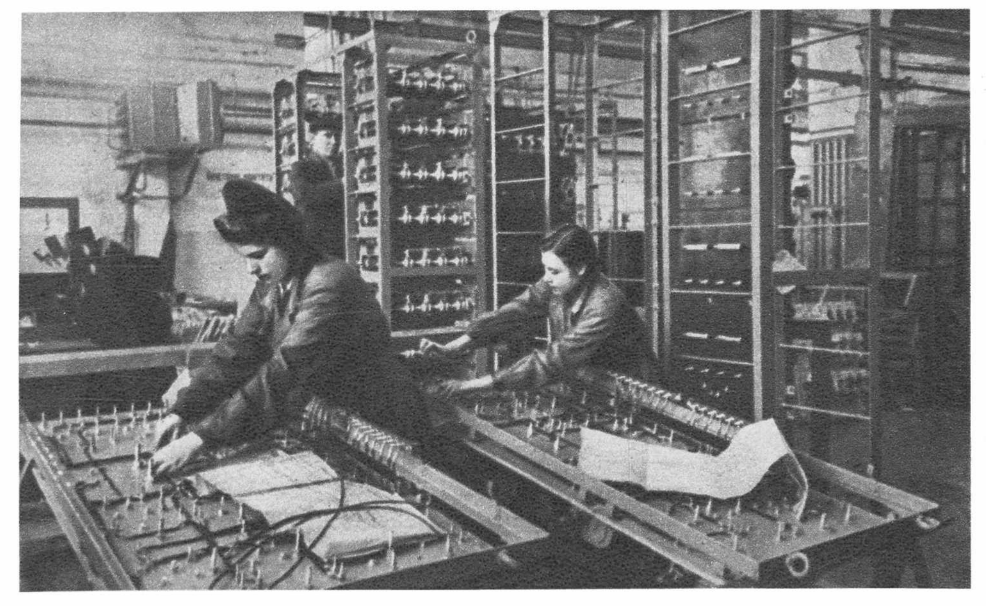

Ялтинский питомник цитрусовых и субтропических культур выращивает посадочный материал для колхозов и совхозов. Бригадир Э. Л. Ромашкина и старший агроном К. И. Демченко у молодых маслин, выращенных для отправки в зону Главного Туркменского канала.

Цитрусоводы санатория «Рабочий уголок» Нина Вечер и Митрофан Суров собирают первый урожай лимонов.

«ЭЛЕКТРОСИЛА»—«ДИНАМО»

Москва. Завод «Динамо» имени С. М. Кирова. Монтаж контакторных панелей автоматического управления шлюзов.

Фото А. Гостева

Коллективы двух гигантов советского электромашиностроения — ленинградского завода «Электросила» и московского завода «Динамо», носящих имя С. М. Кирова,— связаны давнишней дружбой, скрепленной социалистическими обязательствами.

Как лучше и быстрее выполнить почетные заказы пятой пятилетки,— этим озабочены и москвичи и ленинградцы. Электросиловцы предложили динамовцам установить более тесную дружбу, обмениваться опытом, начать соревнование родственных цехов. Динамовцы не замедлили с ответом. Приветствуя предложение коллектива «Электросилы», они сообщили о своей готовности досрочно выполнить новый пятилетний план.

Усердно трудятся в эти дни и электросиловцы и динамовцы. Ленинградцам поручено создать для Куйбышевской и Сталинградской ГЭС технически совершенные сверхмощные генераторы, подобных которым еще не знает мировая практика гидрогенераторостроения. Москвичам выпала большая честь — оснастить автоматическим оборудованием новостройки пятой пятилетки. В дни предсъездовского социалистического соревнования динамовцы досрочно отправили на стройку Усть-Каменогорской ГЭС комплект электрооборудования. Сейчас они собирают автоматические агрегаты для Камской ГЭС.

Несколько тысяч приборов и аппаратов, которые будут установлены на панелях и пультах, призваны автоматически осуществлять сложный процесс шлюзования судов. Работой шлюза управляет один человек.

Заказ Волго-Дона динамовцы выполняли 7 месяцев. Объем новых работ тот же, но москвичи решили завершить их в 3 месяца.

Ленинград. Завод «Электросила» имени С. М. Кирова. Стахановки изоляционного цеха бригадир Е. Е. Залеткина (на переднем плане) и старший мастер Е. В. Евстигнеева.

Фото А. Михайлова

За кормой—5000 миль

Ленинградский порт. Рядом с океанскими и морскими судами стоит маленький буксирный пароход «Тирасполь». Недавно построенный на одном из отечественных заводов, он должен отправиться в порт приписки — Измаил.

Судно комсомольско-молодежное. И потому на комсомольском собрании, созванном перед уходом в плавание, присутствует почти весь экипаж. Идет разговор о длинном и нелегком пути, впервые совершаемом большинством молодых моряков. Предстоит серьезный экзамен. Настроение у всех бодрое, никого не пугают трудности дальнего плавания на маленьком буксирном пароходе.

Прощальные гудки, и «Тирасполь» покидает Ленинград. Судно отправилось в первый после рождения рейс из Балтики к берегам голубого Дуная.

На «Тирасполе» началась обыденная морская походная жизнь. Работа, учеба, отдых...

Впереди океанский теплоход «Краснодар», на буксире которого должен следовать «Тирасполь». Но пока пароход идет своим ходом.

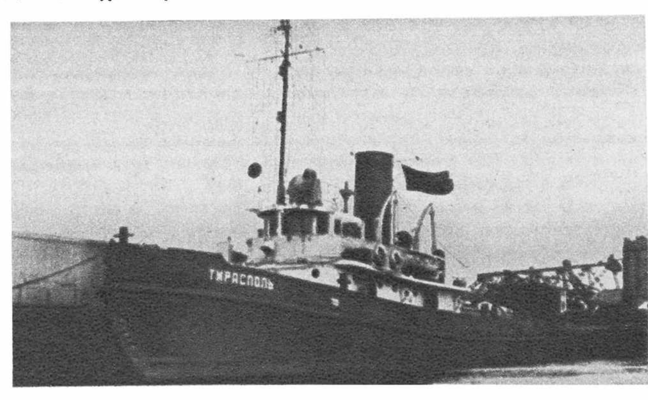
Погода не благоприятствовала плаванию. Сурово встретило моряков Северное море. Барометр неудержимо падал, предвещая шторм до 10 баллов. В неласковом Северном море судно, как щепку, бросало из стороны в сторону. Ветер крепчал, завывая в снастях, сбивая с ног людей на палубе, угрожая сорвать шлюпки. Стойко встретили молодые моряки первое испытание. Мужественно боролась команда с разбушевавшейся морской стихией. Шлюпки были спасены.

Но вот утих шторм. И теперь «Тирасполь» мог подойти к «Краснодару», чтобы пополнить свои бункера углем.

Маленькое судно продолжало рейс на буксире океанского теплохода.

Скоро Бискайский залив. Как-то он, этот извечный недруг моряков, встретит судно? На сей раз он был относительно спокоен. Шторм не превышал четырех—пяти баллов, и если случалось, что доходил до семи, то продолжался недолго. На пароходе шутили: «Старик Бискай сменил гнев на милость!»

Моряки побывали в порту Кальяри, на острове Сардиния, в Генуе. Здесь до них дошла радостная весть о созыве XIX съезда партии. Экипаж стал на стахановскую вахту, ознаменовав исторический съезд досрочным завершением рейса.

Буксирный пароход «Тирасполь».

В болгарский порт Бургас «Тирасполь» пришел в день, когда республика отмечала годовщину освобождения Болгарии частями доблестной Советской Армии. Молодежь порта пригласила экипаж на свой торжественный вечер. Болгары сердечно провожали советское судно в дальнейший путь.

Одесса. Короткая стоянка. И «Тирасполь» направляется к берегам Дуная, в Измаил. На мостике укреплено алое полотнище. На нем начертано: «Здравствуй, любимая Родина!»

Экипаж буксирного парохода «Тирасполь» с честью выполнил задание. В морской практике немного случаев, когда пароход, построенный для плавания в речных бассейнах, совершает столь продолжительный и трудный рейс. Тираспольцы прошли Балтийское и Северное моря, Атлантический океан, Средиземное, Эгейское и Черное моря. За кормой осталось свыше пяти тысяч миль.

Г. БАБКИН

МУЗЕЙ ЗАВОДА

В комнатах музея ташкентского завода имени Л. М. Кагановича пожелтевшие фотографии, фотокопии с подлинных документов и старых газет воскрешают в памяти революционные традиции рабочих Среднеазиатских главных железнодорожных мастерских, на базе которых вырос потом завод. В незабываемые дни Октября 1917 года рабочие мастерских первыми пошли за большевиками.

Бои с белогвардейцами начались в ночь на 28 октября. Вот фотографии зданий мастерских тех дней. На стенах — пробоины, следы артиллерийского обстрела. Войска Временного правительства огнем пушек пытались разгромить красногвардейцев. На огонь врага рабочие ответили еще более сильным огнем. У входа в музей и сейчас стоит орудие, из которого рабочие прямо с территории мастерских обстреливали крепость, находившуюся в руках белых. Огонь красной артиллерии не только поддержал наступление красногвардейских отрядов, но и принудил белогвардейский гарнизон сдаться. Над крепостью взвился белый флаг, и она была занята красногвардейцами. 30 октября Ташкент стал советским.

Документы рассказывают и о подвигах бойцов — рабочих завода на фронтах гражданской войны—в борьбе с Дутовым, Колчаком.

Необычный музей на заводе был открыт в 1948 году, к пятидесятилетию старейшего в Средней Азии предприятия. С экспонатами музея познакомились тысячи трудящихся Ташкента. Машиностроители, текстильщики, обувщики встречаются здесь с участниками октябрьских событий.

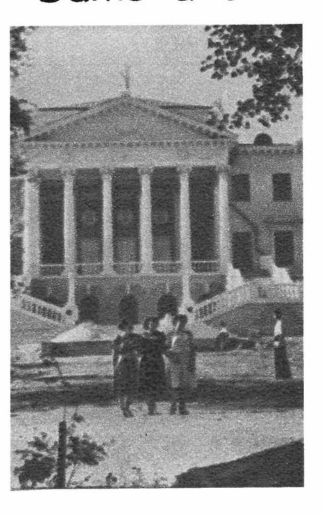
В Октябрьские праздники в музее часто можно было встретить Ивана Дмитриевича Курамшина, бывшего красногвардейца. Старик не хочет расстаться с родными цехами. Иван Дмитриевич рассказывает молодежи о борьбе за власть Советов в Туркестане, о героях гражданской войны, о жизни пламенного большевика А. Першина, слесаря мастерских, бывшего членом первого ревкома в Ташкенте, о его трагической гибели в 1919 году во время белогвардейского мятежа. Вспоминает Иван Дмитриевич и о том, как в 1920 году на заводе побывал Михаил Васильевич Фрунзе.

— Храните славные традиции нашего завода,— призывает старый мастер.— Вам умножать и продолжать их. За ваше счастье боролись 35 лет тому назад большевики.

Н. СОЛОВЬЕВА

Замечательный подарок

Дворец культуры студентов. Вход со стороны парка.

Фото М. Робертса

В днепропетровском Центральном парке культуры и отдыха имени Т. Г. Шевченко высится красивое здание с массивными колоннами. Это Дворец культуры студентов. Он сооружен в живописном уголке на берегу Днепра.

Когда-то на этом месте стоял дворец, в котором до войны размещался дом отдыха. Здание было сожжено и разрушено фашистскими вандалами.

Архитекторы А. Баранский и С. Глушков много потрудились над тем, чтобы воссоздать дворец, сделать его еще более красивым, сохранив стиль русской классической архитектуры.

Во дворце свыше 80 комнат. Общая площадь нового помещения в два раза больше, чем прежняя. Концертный зал рассчитан на 600 мест.

Замечательный подарок получило студенчество Днепропетровска.

Н. КЕМЕНОВ

Идет испытание четырехтонного грузового автомобиля «КАЗ-150». На снимке: начальник экспериментального цеха Отари Тедорадзе и начальник лаборатории дорожных испытаний Автандил Челидзе (в кабине).

Фото С. Короткова.

Автомобиль из Кутаиси

Год назад на дорогах страны появился близнец хорошо знакомой всем грузовой машины «ЗИС-150». От московского автомобиля он мало чем отличался, разве только маркой «Кутаисский автозавод». И, тем не менее, это было большое и радостное для всех событие: вступило в строй еще одно крупное автомобильное предприятие.

Мы на главном конвейере Кутаисского автозавода. Медленно движутся к выходу узлы машин, обрастая и оперяясь по пути. Заметнее всех мелькает то там, то здесь маленькая фигура юноши. Это девятнадцатилетний слесарь-сборщик Борис Вашакидзе. Его еще на московском ЗИСе, куда он ездил обучаться, прозвали «скользящим» — за то, что на сборке он освоил ряд операций.

Сошедшие с конвейера машины заправляются водой, горючим и выходят за ворота цеха. Но это не «ЗИС-150». Это более сложная машина — самосвал марки «КАЗ-585-Б». Его освоили за то время, пока с конвейера шли грузовики. Для него изготовили сотни специальных штампов и приспособлений, режущих и мерительных инструментов, дооборудовали конвейер. Первую партию самосвалов, выпущенную в мае нынешнего года, отправили на великие стройки коммунизма.

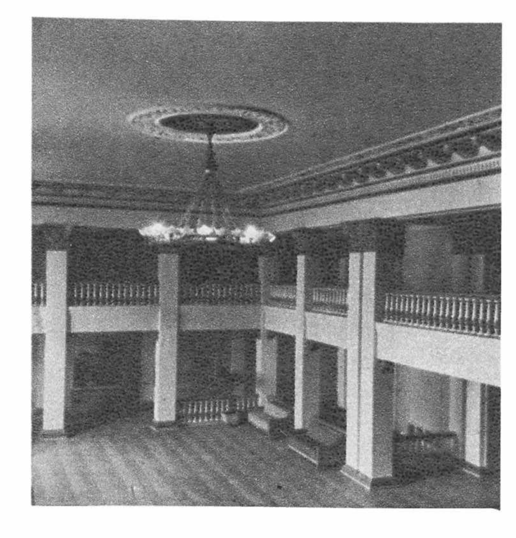
Вслед за машинами завод послал на стройки конструкторов, чтобы помочь быстрее освоить самосвал, посмотреть, как он работает. Кутаисцы учли справедливые замечания строителей о самосвалах, и в дни, предшествовавшие XIX съезду партии, на заводе изготовили первый опытный образец модернизированного автомобиля-самосвала «КАЗ-585-Б». Вот он перед нами, еще покрытый дорожной пылью после очередных испытаний. Начальник экспериментального цеха Отари Давыдович Тедорадзе обращает внимание на другой опытный образец автомобиля — «КАЗ-150».

— Это уже наша марка — «КАЗ-150»,— говорит Тедорадзе.— Она создана заводскими конструкторами, изучившими московский грузовик в эксплуатации. В московскую машину внесено более восьмидесяти изменений.

Группа грузинских конструкторов под руководством главного конструктора завода дважды лауреата Сталинской премии Анатолия Маврикиевича Кригера работает над дальнейшим улучшением автомобиля. В этом им помогает весь коллектив автозаводцев.

И. МЕСХИ

Самый большой кинотеатр Украины

В фойе кинотеатра.

В жизни архитектора Владимира Ивановича Чуприны нынешний год явился особенно плодотворным и счастливым. В июне по его проекту закончено строительство нового Одесского вокзала, а в октябре — здание киевского кинотеатра.

Когда строители убрали высокий забор и сняли леса, взорам горожан открылся прекрасный дворец с надписью на фронтоне: «Кінотеатр Київ».

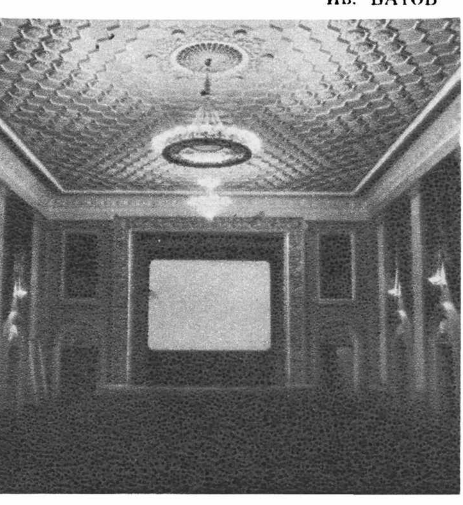
Фасад увенчан скульптурной группой, изображающей рабочего, колхозницу и советского воина. Просторный вестибюль отделан украинским мрамором. Две лестницы, залитые светом, ведут в огромное фойе с балконом, оформленное художественной лепкой, картинами и панно. Отсюда можно подняться на балкон, пройти к эстраде, в кафе, выставочный зал.

В кинотеатре два зрительных зала по 550 мест в каждом и один зал для детей на 250 мест, вечерами здесь демонстрируют кинохронику. В зрительных залах кресла расположены в шахматном порядке. Один ряд кресел отстоит от другого на расстоянии метра.

В кинокамерах установлена новейшая отечественная аппаратура. Для театра построена специальная трансформаторная подстанция.

Новый кинотеатр — самый большой и красивый на Украине.

Ив. БАТОВ

Один из трех зрительных залов нового кинотеатра.

Фото Н. Козловского

Плоды колхозного изобилия

Во всех окружных центрах Молдавской ССР проходят сельскохозяйственные выставки. Одна из таких выставок состоялась в Тирасполе. В шестидесяти павильонах разнообразные экспонаты иллюстрируют итоги нынешнего сельскохозяйственного года.

Тираспольщина — край садов и виноградников. Более чем на пятьсот гектаров тянутся знаменитые сады, и свыше ста гектаров занимают виноградники, принадлежащие только одному колхозу «Красный садовод». Даже в большом павильоне с трудом умещаются образцы продукции этого колхоза. Ровными рядами, поблескивая словно лакированной поверхностью, лежат то пунцово-красные, то налитые белым соком, то мелкие розовые яблоки. Тут же 35 сортов винограда всевозможных оттенков с крупными и мелкими ягодами.

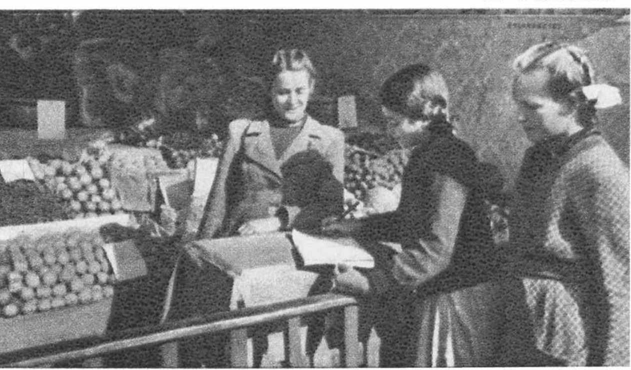
Стоя возле «своего» павильона, колхозный агроном-садовод Матвей Степанович Николаенко рассказывает посетителям, как выращивался обильный урожай. Он говорит о молодежном звене Марии Татарой, которое собрало по 150 центнеров яблок с гектара. Доход колхоза за последние два года увеличился на 2 миллиона рублей; каждый колхозник, кроме овощей и фруктов, получит на трудодень по 25 рублей.

Внимательно слушают Матвея Степановича колхозники, агрономы, специалисты сельского хозяйства, делая пометки в своих записных книжках.

Такие же беседы ведутся и в других павильонах. В Бульбонском районе впервые в этом году развели шалфей. На полях колхоза «30 лет Октября» выращиваются желтая сорокакилограммовая тыква, розоватая луковица в 750 граммов, серебристо-белый чеснок, каждая головка которого весит 250 граммов.

В центре выставки стоят тракторы и культиваторы, комбайны и сеялки — совершенная передовая техника, с помощью которой создается колхозное изобилие.

А. РУБЦОВА

На сельскохозяйственной выставке в Тирасполе. Школьница Л. Слободянюк записывает в книгу отзывов свои впечатления.

Фото Б. Лазарева.

За Полярным кругом...

Фото Г. Санько

Далеко за Полярным кругом, на берегу Карского моря, расположен поселок Амдерма. Полярная ночь надолго укрывает землю в этих местах. Тогда над поселком горит трепетное северное сияние.

Отдаленные огромными расстояниями от жизненных центров страны, труженики Заполярья ощущают повседневную заботу Родины. В городской столовой всегда свежее молоко. Амдерминская торговая контора имеет молочную ферму, расширяющуюся с каждым годом. Правда, коров приходится кормить круглый год привозным прессованным сеном. В прошлом году сюда привезли цесарок, они вполне акклиматизировались. Скоро амдерминцы будут иметь к столу свежие яйца.

Но как быть с фруктами и овощами? Они особенно необходимы для здоровья, когда человек несколько месяцев не видит солнца. И вот на Крайний Север прибывают яблоки, арбузы, томатный сок.

Ненцев, родившихся и выросших в тундре, особенно поражает вид арбузов.

ПАМЯТНИК ЭПОХИ

Все лучшее, что связано в сознании и сердце народа с великими русскими реками Волгой и Доном, самые теплые слова, самые задушевные песни были отданы в эти дни новой голубой магистрали, в которой соединились воды Волги и Дона.

Уже в первые годы советской власти великий Ленин указал на необходимость соединить воды крупнейших русских рек. Страна готовилась к решению этой задачи. И вот 28 декабря 1950 года миллионы людей узнали радостную весть: Совет Министров СССР принял постановление «О строительстве Волго-Донского судоходного канала и орошении земель в Ростовской и Сталинградской областях». В нем ленинский завет получал воплощение с широтой и размахом, которые присущи могучей державе победившего социализма. В постановлении подчеркивалось, что строительство канала «является... задачей общесоюзного значения, имеющей своей целью соединение всех морей европейской части СССР в единую водно-транспортную систему».

Грандиозность поставленной задачи воодушевила весь советский народ. На Волго-Дон — первенец великих строек коммунизма — потянулись со всех концов страны люди всех специальностей и профессий. Среди них с самого начала великой стройки были и кинематографисты.

Кинoработники фиксировали на пленку работу изыскателей, топографов, геодезистов, прокладывавших и уточнявших трассу будущего канала, проектных бюро, где будущие сооружения обретали начальные формы чертежей, расчетов и схем. На кинопленку были сняты и первые партии строителей, и первые эшелоны оборудования, техники, двинувшиеся сюда отовсюду, и выемка первого кубометра грунта, и весь гигантский размах строительных работ. Фильм должен был запечатлеть для современников и потомков многое, похожее на сказку: необозримые просторы придонской земли, с которой на новые места переселились большие станицы, раскинувшиеся здесь моря, созданные волей человека. Жизнь, быт, труд строителей были объектом повседневного внимания кинoработников, и наряду с ростом канала росло количество ценнейшего материала, составляющего подлинную кинолетопись великой стройки.

Вместе со строителями встретили кинематографисты знаменательную дату 27 июля 1952 года — день открытия Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина, великое торжество советского народа, — а затем засняли и показали миллионам зрителей красавец-канал — нормально действующую гигантскую водную магистраль огромного народнохозяйственного значения.

И вот на полотне экрана вспыхивают чудесные слова: «Волго-Дон». Идут имена создателей фильма. Они хорошо потрудились и заслужат благодарность зрителей за интересный, волнующий кинорассказ о трудной и славной победе, одержанной советскими людьми под руководством партии, ведущей народ от социализма к коммунизму.

Фильм начинается с карт, схем, мультипликационных макетов. Вслед за текстом постановления Совета Министров СССР на экране возникают волны холодного Белого моря, и пунктирная линия обозначает путь кораблей из Архангельска в Ленинград, растянувшийся на пять тысяч километров вокруг Скандинавии. А от Архангельска до Одессы пароходы шли 25 дней, огибая почти всю Европу. В Каспий кораблям совсем не было водной дороги. Наглядно, зримо дает фильм понять, как велико для жизни страны значение гениального сталинского замысла о соединении всех морей европейской части Союза, как настойчиво, неуклонно, шаг за шагом осуществлялся этот грандиозный план, отмеченный глубиной и масштабностью мысли вождя.

В 1933 году было завершено сооружение Беломорско-Балтийского канала протяженностью в 227 километров. Эта водная дорога сократила путь кораблей из Белого моря в Балтийское на 4 тысячи километров. В 1937 году открылась навигация на новом канале имени Москвы. По его 128 километрам пришли волжские воды к стенам Кремля, соединились три моря. В верхнем течении Волги возникли искусственные водохранилища, крупные гидротехнические сооружения, позволившие управлять могучим водным потоком величайшей реки Европы. Но как ни значительны были все эти сооружения, они являлись звеном в решении еще более величественной задачи — создания судоходного водного пути от Белого моря до Черного. Эту задачу решало строительство Волго-Дона.

Объемная мультипликационная карта подробно рассказывает о трассе канала, объясняет его схему, смелое техническое решение, положенное в основу проекта, весь сложный комплекс сооружений. Все это ясно, толково, интересно изложено на протяжении вводной части фильма, предваряя рассказ о начале, ходе и завершении стройки. И именно потому, что зритель получил четкое представление о значении, характере, масштабах стройки, последующие кадры фильма приобретают особенно широкое звучание. И когда на экране показывается мощная техника, призванная обеспечить высокую производительность труда, показываются сами строители — лучшие, передовые люди стройки, — мы знаем, во имя чего собрались они здесь, к решению каких задач направлены их энергия, силы, ум, воля.

На Волго-Доне нужно было вынуть 152 миллиона кубометров грунта. И фильм показывает механизмы, с помощью которых советские люди осуществили стройку. Скреперы. Бульдозеры. Грейдеры. Кулачковые катки. Землесосные снаряды. Гусеничные экскаваторы. Знаменитый сверхмощный шагающий «ЭШ-14/65». Один его ковш по размеру равен всему экскаватору марки «Ковровец», его машинный зал напоминает электростанцию, а вес его составляет 1 200 тонн.

Мы видим на экране и автоматизированные бетонные заводы и арматурные дворы, подготавливающие тысячи тонн металлоконструкций, сложную технику, применяемую для откачки грунтовых вод, мощные автоколонны, растянувшиеся длинной, нескончаемой лентой по многокилометровым строительным площадкам.

Фильм знакомит зрителей с экипажами экскаваторов, с лучшими арматурщиками, электросварщиками, бетонщиками, с руководителями участков стройки. Люди показаны в главном деле их жизни — в труде, созидании, творчестве.

Незабываемы кадры завершения постройки плотины Цимлянского гидроузла. Величественны и увлекательны кадры, запечатлевшие панорамы стройки, — они поражают размахом работ, слаженностью, организованностью, красотой индустриального пейзажа, созданного руками людей. Просто и безыскусственно ведется киноповествование. Его авторы как бы предоставили отснятому ими материалу говорить самому за себя, но отобранный для фильма материал таков, что, показывая самое главное, самое нужное, он глубоко волнует зрителя.

О многом рассказывает фильм «Волго-Дон». О том, как строили люди канал, какие технические новшества применяли, как росли сами вместе с ростом своего детища. Рассказывает фильм, как монтировались первые турбины, когда не были еще возведены здания электростанций, как сын обучил отца профессии экскаваторщика, как метростроевцы Москвы прокладывали тоннель для оросительного канала, и о том, как преобразилась жизнь в донских станицах, где на полях уже появились посевы хлопка и риса. Зрители фильма видят, как соединились воды Волги и Дона и пошли по новому каналу и по новым морям первые корабли, узнают о том, что с начала навигации свыше 2 тысяч различных судов пересекли воды канала и новых морей. И много раз на протяжении этой захватывающей киноповести испытываешь чувство радости и гордости за советских людей, которым под силу решение любых задач, поставленных партией, великим Сталиным.

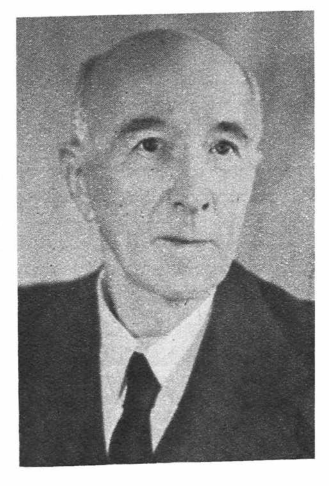
Мих. БЕЛЯВСКИЙ

«Волго-Дон». Новый цветной документальный фильм. Сценарий Е. Рябчикова, Ф. Киселева, режиссер — Ф. Киселев, операторы — Б. Небылицкий, Е. Ефимов, Е. Лозовский, И. Михеев. Производство Центральной студии документальных фильмов.

Выдающийся зодчий

К 85-летию со дня рождения И. В. Жолтовского

И. В. Жолтовский, действительный член Академии архитектуры СССР.

Академик архитектуры Иван Владиславович Жолтовский — выдающийся советский зодчий. Своими высокохудожественными сооружениями во многих городах страны он вписал яркие страницы в историю архитектуры. Творческие идеи этого одаренного художника, знатока художественных сокровищ прошлого и современной строительной практики, оказали и оказывают большое влияние на развитие советского зодчества.

Самая большая заслуга выдающегося мастера в том, что на всех этапах развития советской архитектуры он твердо и неуклонно придерживался реалистического направления, которое выросло и окрепло в борьбе с формализмом и превратилось в мощное, здоровое и жизнерадостное искусство. Именно этим объясняется влияние Жолтовского на творческую жизнь многих наших архитекторов. Из творческой школы Жолтовского вышли многие талантливые мастера советской архитектуры, такие, как А. В. Власов, Г. П. Гольц, М. П. Парусников, Г. А. Захаров и другие.

За шестьдесят лет своей творческой деятельности этот замечательный художник создал значительнейшие произведения. По его проектам осуществлено свыше ста различных сооружений. К наиболее известным дореволюционным его постройкам относятся: дом скакового общества на Беговой улице; особняк на Спиридоновке (улице Алексея Толстого) — ныне Польское посольство; многочисленные усадьбы и жилые дома. Особенно широко развернулось творчество Жолтовского после Великой Октябрьской социалистической революции. С 1918 по 1923 год он был главным архитектором Москвы. Под его руководством составлялся первый проект перепланировки советской столицы. В 1919—1920 годах Жолтовский выполнил подводку новых фундаментов под Большой театр в Москве.

Значительным этапом в творческой работе Жолтовского явилась I Всероссийская сельскохозяйственная выставка 1923 года, на месте которой сейчас размещен Центральный парк культуры и отдыха имени А. М. Горького. Зодчий был автором планировки этой выставки и нескольких главных ее павильонов. Строительство выставки представляло собой знаменательный этап в развитии советской архитектуры, ознаменовавший борьбу с формалистическими веяниями.

Широкой известностью пользуются выстроенные Жолтовским Дом Советов в городе Махачкале, здания Госбанка на Неглинной улице и Могэса, жилые дома на Моховой, на Смоленской площади, на Большой Калужской улице в Москве. В 1950 году Жолтовскому за архитектуру жилого дома, открывшего собой новое направление в массовом жилищном строительстве, была присуждена Сталинская премия. Жилые дома, построенные по проектам Жолтовского, отличаются большими удобствами, простотой и экономичностью архитектуры и вместе с тем мастерством композиции, делающей их произведениями высокой художественной ценности.

Большое значение для дальнейшего развития советской архитектуры имеют и не осуществленные еще проекты Жолтовского: Дворца Советов, здания Института мировой литературы имени Горького, реконструкции Большого театра СССР, зданий театров в Сочи и Севастополе, перепланировки и застройки центра городов Сочи и Калуги. В настоящее время по проектам Жолтовского строятся: Московский государственный ипподром, контора холодильника около Сокольников, жилой дом на Ярославском шоссе и многое другое.

Жолтовский полон творческих замыслов, с неиссякаемой энергией он продолжает работать над новыми проектами.

— Наша задача, — говорит зодчий, — запечатлеть великую сталинскую эпоху в замечательных по своей красоте монументальных архитектурных сооружениях.

Г. ОЩЕПКОВ

Проект Московского государственного ипподрома. Автор — И. В. Жолтовский.

ВЕНА В ЭТИ ДНИ

Эльза Глюк.

Мы приехали в Вену утром. Людской поток спешащих на работу людей уже схлынул, и лишь кое-где попадались домохозяйки с озабоченными лицами.

Наше внимание привлекла женщина с маленькой девочкой. В парке на Карлс Платц они остановились; женщина вынула из сумки маленький кусок хлеба и дала его девочке. Аккуратно разломив хлеб пополам и спрятав половинку в карман, девочка стала кормить крошками голубей. Как видно, это были ее старые знакомые. Мы узнали, что зовут ее Эльза Глюк. Отец погиб во время аварии на заводе, мать перебивается случайными заработками. «Глюк» — по-немецки «счастье». Какая горькая ирония! Не много счастья видит эта девочка в стране «плана Маршалла» — плана голода и обнищания народа.

— Чего бы тебе сейчас больше всего хотелось? — спросил я у девочки.

Она указала пальцем туда, где, самодовольно улыбаясь, фотографировались два американских солдата:

— Я хочу, чтобы эти дяди уехали домой и чтобы мама работала.

Этот не по-детски серьезный ответ не случаен. Судьба тысяч детей Австрии похожа на судьбу Эльзы Глюк. Все настойчивее звучит голос народа: «Американцы, вон из Австрии!», «Чумные ами,— домой!» Такие надписи, сделанные рукой патриотов, можно сегодня увидеть на домах, оградах, дотах, оставшихся после войны...

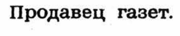
Группа смуглых людей с интересом осматривает улицы города. Видно, что они здесь впервые. Это делегаты из стран Азии и Ближнего Востока, приехавшие на Конгресс народов в защиту мира. Самый молодой из них говорит:

— Везде одно и то же! Посмотрите на этого старика-газетчика, ему холодно, но он вынужден сидеть здесь, чтобы не потерять работу.— И в голосе делегата слышатся горькие ноты человека, познавшего на личном опыте всю тяжесть безработицы.

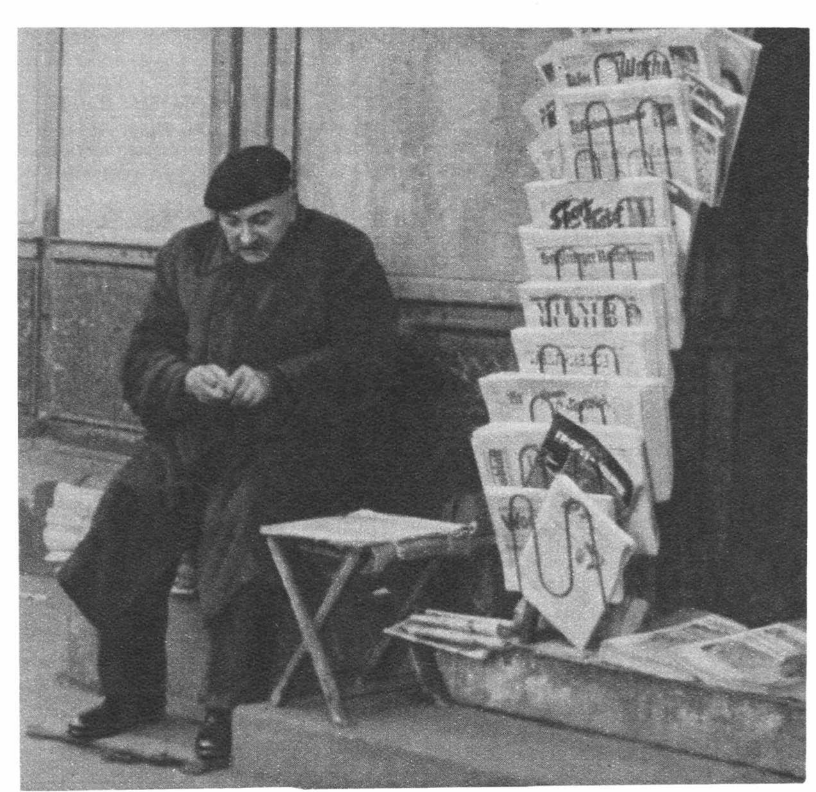
— Да есть ли у этого газетчика свой кров? Где он будет ночевать сегодня? — как бы размышляя вслух, спрашивает его собеседник и вслед за ним обращает взгляд на развалины, сохранившиеся после войны даже на этих центральных улицах города.

Австрийское правительство ассигнует крупные суммы на вооружение. Но оно и слышать не хочет о жилищном строительстве. А ведь в Вене тысячи рабочих ютятся в ветхих лачугах.

Окраина Вены. Рабочий район Штадлау. Старая женщина Мария Франк, роясь в куче мусора, выбирает крохотные кусочки угля, чтобы сегодня на час — другой затопить печку в своей лачуге.

Продавец газет.

Развалины на одной из центральных улиц.

Надпись на старом доте гласит: «Чумные американцы, убирайтесь домой!»

— Разве я могу позволить себе такую роскошь — покупать уголь? — говорит она. — Мой муж работает на заводе и получает столько, что нам еле-еле хватает на хлеб.

...Вечер. Сумерки надвинулись, как всегда в Вене, незаметно. На центральных улицах вспыхивают сотни реклам, освещая витрины магазинов и стены домов. Высоко над крышами в отблеске неонового света виден огромный плакат — белый голубь летит навстречу написанным по кругу четким словам: «Привет Конгрессу народов в защиту мира!»

Народ Австрии все свои помыслы о лучшем будущем связывает с победой дела мира. Трудящиеся Вены гордятся тем, что Конгресс будет проходить в их родном городе.

К. КУЛИЧЕНКО

Фото автора

Вена, ноябрь 1952.

В рабочем районе Штадлау.

ЭНДРЕ АДИ

Семьдесят пять лет тому назад, 22 ноября 1877 года, родился Эндре Ади (умер в 1919 году), крупнейший венгерский поэт XX века, продолживший в своих гражданских стихах традицию Петефи и явившийся непосредственным предшественником поэзии революционного пролетариата Венгрии.

Ади, потомок обедневшего дворянского рода, провел детство в глухой деревушке, где отец его хозяйничал на небольшом клочке земли. «В моей родной деревне,— рассказывал Ади в своей «Автобиографии»,— живет 370 человек, из которых иные умеют даже читать... Двадцать лет обещаются построить дорогу...»

Начало литературной деятельности Ади относится к последним годам XIX века, когда в Венгрии уже появились массовые организации рабочего класса. Расцвет его поэзии относится к началу нашего века, когда в 1907 году полмиллиона венгерских крестьян на барских латифундиях вооружились косами и вилами, а в 1912 году рабочие строили баррикады на улицах Будапешта. В это время в Венгрии уже существовали все объективные предпосылки для борьбы за национальную независимость и освобождение угнетенных наций, для борьбы за социальное преобразование страны. Но венгерские правые социал-демократы, возглавлявшие рабочее движение, препятствовали боевым выступлениям широких пролетарских масс, они также ни под каким видом не соглашались вовлечь в союз беднейшее крестьянство и встать на защиту угнетенных национальностей. Они докатились до омерзительного «классового мира» в пору первой мировой войны, в котором и потопили героическую борьбу народов Венгрии.

В 1904 году молодой Ади уехал в Париж, чтобы познакомиться с западной культурой и западным социалистическим движением, которое столь рьяно восхваляли лидеры венгерской социал-демократии. Однако поэту скоро стало ясно, что хваленый Запад вовсе не таков, каким представлялся ему, жившему в условиях полуфеодальной Венгрии. «Знаменитая республика, демократическая Франция очень скоро превратится в полицейское государство... Только псам живется в ней хорошо»,— писал Ади в 1904 году.

Русскую революцию 1905 года Ади встретил уже на родине. «А теперь уже нет и не будет остановки,— писал он.— Может быть, над Кремлем уже развевается красное знамя... Это землетрясение будет гордостью истории. Мы можем следовать примеру России».

Незнакомый с революционным учением русских коммунистов, Ади, однако, инстинктивно чувствовал, что в России действуют иначе, что там правильно руководят борьбой масс.

Уже в начале века поэт заявлял: «Я верю и провозглашаю, что революционное обновление Венгрии неизбежно». Участником этого обновления, как видно по ряду стихов Ади, он считал и венгерское трудовое крестьянство, голос которого гремел в стихотворении «Друг Тамаша Эссе»:

Хватит нам прелатов
Да господ кормить!
Хватит чашу горя
Беспрерывно пить!
Не пора ли, друже,
Нам в родном краю
Задушить, прикончить,
Раздавить змею?!

Перевод М. Исаковского.

Поэт знал, что предстоящую революцию возглавит пролетариат. «Вперед, мои кровные, венгерские пролетарии!» — восклицал он.

Пламенные слова обратил он и к угнетенным национальностям, проживавшим на территории Венгрии:

Пора желаньям нашим спящим
Стать волей твердой, словно сталь,
Печаль славян, румын и венгров —
Всегда единая печаль.
. . . .
Когда же мы объединимся,
Чтоб величавый дать ответ?
Мы, угнетенные народы,
Воспрянем снова или нет?

Перевод Л. Мартынова.

За все это господствующие классы Венгрии преследовали Ади так же, как его великого предшественника Шандора Петефи. «Мои произведения, особенно стихи, вызывали попросту возмущение: меня называли безумцем, комедиантом, непонятно-бессмысленным, невенгерским, изменником родины — словом, я достиг всего, что мог достигнуть новый поэт в Венгрии». Реакция отлично знала, с кем она имеет дело. Сам граф Иштван Тисса, реакционнейший политик Венгрии, никогда в жизни вообще не занимавшийся литературой, выступил (правда, под псевдонимом) со статьей против Ади. В эту же пору все больше стала шириться пропасть между Ади и тогдашними писателями-модернистами. Эти мелкобуржуазные декаденты презирали верность поэта венгерскому народу, ненавидели его революционные стихи. «Мне нет никакого дела до так называемых венгерских модернистов!» — гневно восклицал поэт в 1908 году. Он яростно обрушился и на фальсификаторов наследия Петефи: «Мертвые и живые, прожорливые ничтожества, писавшие до сих пор о Петефи, стыдитесь! По-настоящему вы не любили его никогда!.. Петефи не примирялся, Петефи не примиряется, Петефи принадлежит революции».

Ади, так же как и Петефи, считал поэзию боевым оружием, говорил, что со своими стихами он «в бой идет». Подлинный, революционный патриот, ненавидевший буржуазный национализм, он писал в 1912 году: «...с каким же мучением приходится нам превращать лживый, скомпрометированный национализм в человечный демократический патриотизм».

Если в книгах Ади и встречаются стихи, носящие на себе печать упадка, печать времени, то не эти стихи определяют поэзию Ади. Ведь именно он принес снова в венгерскую поэзию революционные, демократические традиции. Трагические мотивы, нотки безысходности, возникавшие в его поэзии, были порождены прежде всего одиночеством Ади в Венгрии, где не было революционной партии, вооруженной революционной теорией, где правые социал-демократы стремились создать растленное буржуазное государство, подобное тем, которые видел поэт на Западе.

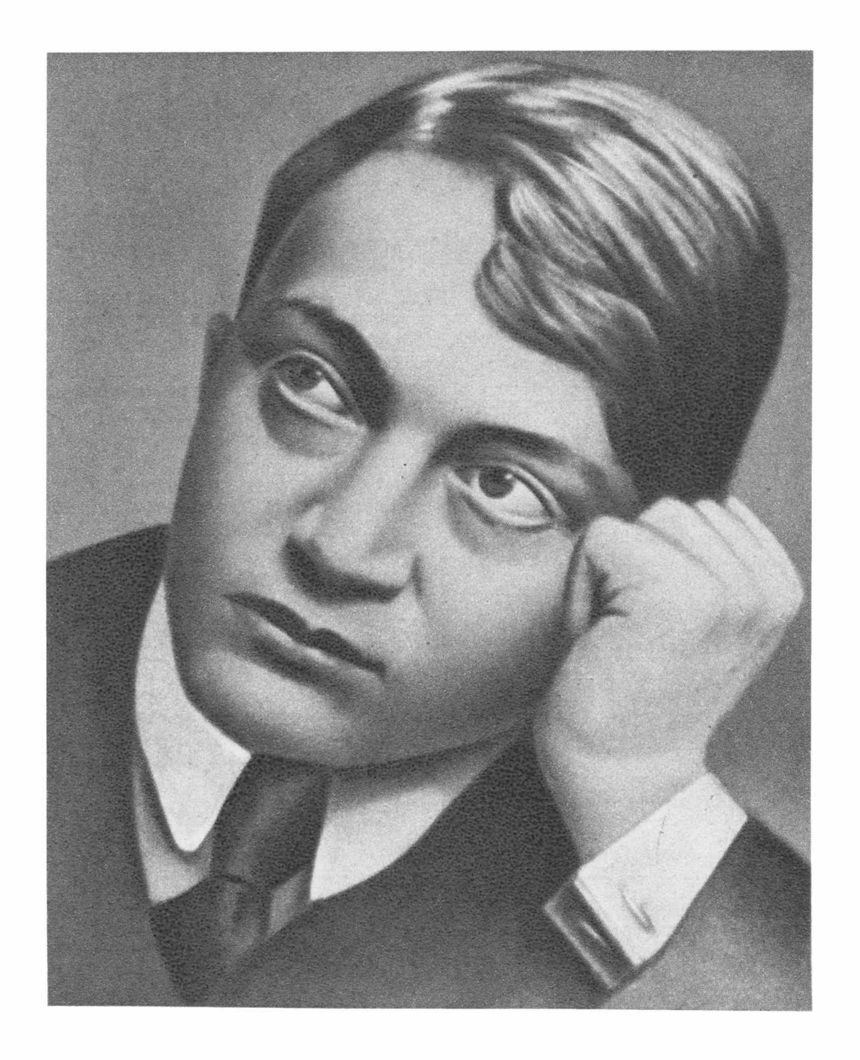
Когда разразилась первая мировая война, Ади выступил против нее. «Пусть те воспевают войну, кто видят в ней выгодную сделку»,— бросил он в лицо шовинистическим поэтам.

В 1918 году к смертельно больному поэту пришли с вестью о том, что началась буржуазно-демократическая революция и он, дескать, может радоваться победе своих идей. Ади горестно махнул рукой и ответил: «Нет, это не та революция. Придет еще другая революция, она уже в пути. Настоящее красное солнце взошло над Россией. Свет его дойдет и сюда».

Свет Великой Октябрьской социалистической революции достиг Венгрии! Сперва он озарил ее в славные дни 1919 года, затем в 1944 году, когда Советская Армия освободила венгерский народ от фашистского ига. Теперь уже строится независимая, социалистическая Венгрия, которая вошла во фронт мира, руководимый Советским Союзом. «...от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии появились новые «Ударные бригады»,— сказал товарищ Сталин на XIX съезде партии.

Лучшая часть творчества Эндре Ади стала наконец всеобщим достоянием венгерского народа. Своими боевыми стихами, так же как и Петефи, Ади стал действенной силой в той борьбе, которую венгерская Ударная бригада ведет за мир, за социализм, за счастье всего человечества.

Анатоль ГИДАШ

Эндре **АДИ**

Ратный путь

Красные знаки на Ратном пути[1]:
В Гуннии[2] что-то готовится!
Рваная рать развеселых бойцов
Храбро в ряды становится.

Венгрия нынче — страна Огня,
Пламень пронзил ей промерзшую
грудь.
Чудо случилось: наземь упал,
Полнится толпами Ратный путь.

Вот он, народ, но не Чабы народ,
Тот, о котором легенда звучит.
Нет! Это просто восставший
народ.
Это-то именно вас и страшит!

С гулкой земли алоцветный
привет
Бодро и весело солнцу мы шлем.
Станет священным потоком огня
Каждая улица, где мы пройдем.

Новое войско на Ратном пути,
Новые песни, сказания...
Это свершившийся будущий день,
Яви венгерской пылание.

Были повержены тысячу раз
И прозябали мы тысячу лет,
Все же великой мы силой полны,
В нас этой жизни веселье и свет!

Пушки, клинки, вероломство
господ —
Это ничто уже нас не проймет,
Если умрем, так, значит, умрем,
А уж умрем, так и всё здесь
умрет.

Мы — Справедливость,
и Будущность — мы!
И приговор и прощение в нас.
Если добром вы не примете нас,
Мы возвестим вам погибельный
час!

Кроме терпенья, богаты мы всем,
Не поколеблет нас окрик ничей.
Все величавей наш голос звучит —
Мы вызываем на суд палачей!

Эта страна — уже наша страна,
Здесь уже строит наша рука.
Вы пировали и ночи и дни.
Хватит! Ведь это уж длится века!

Слава и песня бушуют сейчас
В селах, степях и у стен
городских.
Вот он, народ! Это Ратным путем
Мчится, могуч, человеческий
вихрь.

Вот он, народ! Воцарится он здесь,
Тот, кто в земле копошился
всегда.
Судит народ, будет судить!
Горе вам, грешные господа!

1908 г.

Перевел с венгерского
Л. МАРТЫНОВ

---

[1] Венгерское народное наименование Млечного пути, основанное на предании о том, что по этой дороге ушло поднявшееся на небо войско Чабы — легендарного сына Аттилы.

[2] Гунния — распространенное в прежние времена название Венгрии, связанное с легендой о происхождении венгерского народа от гуннов

ХУДОЖНИК-РЕАЛИСТ

К столетию со дня смерти П. А. Федотова

Творчество замечательного русского художника Павла Андреевича Федотова, сложившееся в сороковых годах прошлого века, принадлежит к числу лучших достижений нашей культуры и поныне сохраняет силу живого художественного воздействия. Воспроизведения с работ Федотова можно встретить в самых отдаленных уголках нашей Родины. Подолгу останавливаются посетители музеев у его картин и рисунков, в которых ярко и правдиво отражена жизнь давно минувшей эпохи, воссоздан ее быт.

Федотову принадлежит выдающееся место в истории русского реалистического искусства. Русские живописцы еще в XVIII веке обращались к темам окружающей действительности, но только Федотов поднял жанровую живопись на уровень большого, правдивого, социально-заостренного искусства. В бытовую тему он вложил острый обличительный смысл; средствами своего искусства он активно боролся с уродливой крепостнической действительностью.

Реалистический метод Федотова преодолевает идеализацию и пассивную созерцательность, свойственную его предшественникам. Вслед за Белинским и его соратниками Федотов шел к новому искусству, идейному и содержательному, развивающемуся в непосредственной близости к жизни, способному откликаться на основные вопросы современности. Этим и обусловлено историческое значение Федотова — основоположника критического реализма в русской живописи. Недаром представители русской критики называли Федотова «колонновожатым той фаланги русских живописцев, которая трудится над разработкой реальных, национальных, глубоко-осмысленных сюжетов». Нить прямой преемственности ведет от Федотова к Перову и передвижникам.

Жизнь Федотова сложилась необычно. Он не получил систематического образования в Академии художеств, был почти самоучкой и поздно стал профессиональным живописцем. Судьба отвела ему для творчества короткий, едва восьмилетний срок. Но упорной работой он сумел наверстать упущенное время, добиться профессионального мастерства и выдвинуться в ряды ведущих русских художников. Первое выступление на академической выставке 1847 года принесло ему шумную славу. Но именно это широкое общественное признание стало причиной его гибели: «Когда Федотов стал слишком живо интересовать... от него отнята была поддержка, на него восстали, и он был раздавлен», — писал

П. А. Федотов. СВАТОВСТВО МАЙОРА.

И. Н. Крамской. Гонения, которые навлек на себя Федотов, были вызваны содержанием его произведений, направленных против полицейско-крепостнического строя.

Федотов родился в Москве 22 июня 1815 года. Он был сыном бедного отставного офицера, учился в кадетском корпусе и по его окончании в 1833 году стал прапорщиком лейбгвардии Финляндского полка. В первые годы военной службы Федотов много, хотя и полюбительски, занимался рисованием, время от времени посещая рисовальные классы Академии художеств. Уже в его ранних опытах проявилось оригинальное и сильное дарование. Рисунки эти привлекли внимание гвардейского начальства и даже были показаны царю. Николай I, рассчитывая сделать Федотова близким к двору художником-баталистом, предложил ему выйти в отставку, чтобы всецело посвятить себя живописи. Федотов обратился за советом к знаменитому художнику К. П. Брюллову.

Приговор Брюллова заставил его задуматься. «Не советую, — сказал ему Брюллов.— Вам двадцать пять лет, поздно приобретать механизм, технику искусства, а без нее что же вы сделаете, будь у вас бездна таланта и воображения». Отставку пришлось отложить: прежде всего нужно было добиться профессионального мастерства. Федотов остался на службе, но каждая его свободная минута была отдана учению. Упорным трудом он завоевывал право стать художником. Прошло около четырех лет после разговора с Брюлловым, когда в январе 1844 года Федотов покинул полк и сделался профессиональным живописцем.

Если бы он пожелал выполнять заказы придворных кругов, его карьера была бы обеспечена. Но у Федотова были другие замыслы. Его мировоззрение складывалось в тесной связи с передовыми течениями русской литературы и с демократической эстетикой, создаваемой Белинским. Своей кистью художник хотел служить народу, откликнуться на запросы современности.

Специальностью Федотова стала живопись бытовых сцен, так называемый «жанр», презираемый в Академии художеств и реакционными критиками. Федотов знал, что на этом пути нельзя сделать карьеры, но он верил в пользу своего дела и с легким сердцем пошел навстречу бедности, испытаниям и лишениям.

Первой значительной работой Федотова была большая серия жанровых рисунков (1844—1848 гг.), исполненных сепией — в этой технике он уже мог считать себя мастером.

Темы федотовских сепий перекликаются с лучшими произведениями передовой русской литературы, от пушкинского «Станционного смотрителя» и гоголевской «Шинели» до Герцена, Некрасова и молодого тогда Островского. Героями произведений Федотова стали простые «маленькие» люди с их повседневной жизнью. Но «положительный герой» появляется в сепиях редко. Главная задача сепий — сатира. Федотов рисует «Модный магазин» — выставку людской мелочности, мотовства, пошлых интриг и чванства»; изображает «Житие на чужой счет» — изнанку мнимого благополучия офицерской жизни. Перед зрителями проходят метко схваченные типы чиновников, лакеев, знатных барынь, мещанок, офицеров, купцов. В двух сепиях — «Болезнь Фидельки» и «Последствия смерти Фидельки» — перед нами раскрываются внутренние покои барского дома в те часы, когда там живут не напоказ. С беспощадной иронией разоблачает Федотов праздность, пустоту и ничтожество жизни тех, кого сам он назвал «врагами трудящегося человека».

П. А. Федотов. ИГРОКИ.

В 1847—1848 годах — период его полной творческой зрелости — он написал свои знаменитые сатирические картины «Свежий кавалер» и «Сватовство майора».

В «Свежем кавалере» с поразительной остротой и точностью охарактеризован чиновник, типичный представитель своей среды и своей эпохи. Те же обличение и сатира, только на более широком и разнообразном материале, характеризуют и «Сватовство майора».

Сюжет этой картины, перекликающейся с драматургией Островского и с гоголевской «Женитьбой», дал Федотову возможность показать целую вереницу социальных типов, взятых из живой действительности. Художник подчеркивает черты, типичные не только для избранных им персонажей, но и для всего их круга: заносчивое чванство и победоносную самоуверенность майора, подобострастие и примитивную грубость купеческой четы, мечтающей породниться с дворянином, глуповатое жеманство невесты, плутовское красноречие свахи. Язвительная насмешка художника не коснулась лишь второстепенных персонажей картины, представителей простого народа, которые изображены с полным сочувствием.

Картины Федотова появились на осенней академической выставке, которая принесла художнику шумную славу. «Имя Федотова гремело по городу,— вспоминают его современники.— Повсюду, от аристократической гостиной до каморки апраксинского торговца, только и было речи, что о замечательных работах новоявленного русского жанриста». Казалось, судьба художника уже вполне определилась. Но первый успех Федотова стал его последним успехом. Его картины затем уже не появлялись перед зрителями, и журнальная критика, расточавшая доселе ему хвалу, принялась старательно осуждать его за «отсутствие истинной художественности», «злобу и сатирическую насмешку, которым нет места в христианском обществе».

Перелом в судьбе Федотова связан с резким усилением реакции. Царское правительство, напуганное революцией 1848—1849 годов на Западе, обрушилось на представителей русской передовой демократической интеллигенции. Федотов стал казаться опасным — его имя было упомянуто в протоколах следственной комиссии по делу петрашевцев.

Обстановка последних лет жизни Федотова стала невыносимо тяжелой. Художник задыхался в затхлой, мертвящей атмосфере. Чувство нравственной угнетенности мешало ему жить. «Я боюсь всего, остерегаюсь всего, никому не доверяю», — писал он в своем дневнике.

Но именно последние годы его жизни отмечены поразительной творческой продуктивностью. Он работал с лихорадочной быстротой. Замыслы будущих картин возникали один за другим и, едва успев воплотиться в рисунке или эскизе, уступали место новым замыслам, раскрывающим все новые и новые стороны действительности. Если бы Федотов успел довести до конца все им начатое, это была бы грандиозная художественная летопись быта и нравов его времени. Но и того, что ему удалось завершить, с избытком достаточно, чтобы признать Федотова одним из самых глубоких и тонких изобразителей русской жизни.

Среди его поздних работ выделяется картина «Вдовушка». К последним годам жизни Федотова относится и расцвет его портретной живописи. В 1849 году он написал портрет Жданович — один из самых поэтичных женских портретов в русском искусстве XIX века. Обращение к положительным образам не означало, однако, отказа от социальной сатиры. В 1850—1852 годах Федотов написал ряд картин; все они рассказывают о том душевном опустошении, которое внес в русскую действительность николаевский режим, о праздной, лишенной внутреннего содержания, беспросветно-тусклой жизни, на которую обрек людей гнет реакции.

Офицер на зимней стоянке, не зная, как убить время, учит пуделя прыгать через палочку («Анкор, еще анкор!»). Другой офицер дрессирует котенка («Офицер и денщик»). Чиновники проводят ночи в бессмысленной игре, готовые поставить на карту счастье своих близких («Игроки»). Художник выносит приговор не отдельным плутоватым майорам и тщеславным чиновникам, а всему социальному строю, растлевающему душу и унижающему достоинство человека.

Федотов умер в расцвете сил и таланта, едва достигнув 37 лет. Передовая русская критика видела в нем одну из бесчисленных жертв «царства мглы и произвола, молчаливого замирания... мучений с платком во рту»— так определил николаевскую эпоху Герцен. Имя Федотова стоит в длинном списке лучших русских людей, замученных самодержавием, рядом с именами декабристов, Пушкина, Лермонтова, Белинского и Шевченко.

В. ПЕТРОВ

П. А. Федотов (1815—1852). АВТОПОРТРЕТ (?). Государственная Третьяковская галерея.

«Огонек». 1952.

П. А. Федотов. ВДОВУШКА. ОКОЛО 1851 ГОДА.

Государственная Третьяковская галерея.

П. А. Федотов. РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА. 1847 ГОД.
На сюжет из одноименной басни И. А. Крылова.

Государственная Третьяковская галерея.

Картины П. А. Федотова

«...Многому бы народ научил, да цензура мешает». Это запись из дневника Павла Андреевича Федотова, и в ней ключ ко всему творчеству великого мастера — желание служить народу, вечная борьба с жестокой царской цензурой.

Публикуемый портрет, на котором изображен Федотов, обычно приписывается его кисти и именуется автопортретом. Он заметно отличается от традиционных автопортретов первой половины XIX века: нет в нем эффектной позы, красивой прически, костюма, мечтательной задумчивости или огненного темперамента. Изображен человек из народа, обыкновенный мужчина с лицом умным и выразительным.

Такая трактовка портрета типична для Федотова, чуждого всякой нарочитости, великого реалиста и правдолюба. На этом портрете Федотов чем-то напоминает другого замечательного реалиста — Шевченко.

Шевченко так отзывался о Павле Андреевиче: «...для нашего времени... необходима сатира... такая, например, как «Жених» Федотова или «Свои люди — сочтемся» Островского и «Ревизор» Гоголя».

«Разборчивая невеста» и в особенности «Свежий кавалер» относятся к шедеврам Федотова-сатирика.

Вспомним знаменитую басню Крылова «Разборчивая невеста», которая послужила сюжетом одноименной картины Федотова. Басня повествует о спесивой красавице, которой ни один жених не был угоден. Однако прошло время, и

Красавица, пока совсем не отцвела,
За первого, кто к ней присватался, пошла:
И рада, рада уж была,
Что вышла за калеку.

Крылов, по отзывам современников, был любимейшим автором Федотова. Сатирический талант баснописца особенно близок и понятен был художнику.

«Разборчивая невеста» и «Свежий кавалер» появились на Академической выставке 1847 года. Обе картины вызвали восторженный отзыв Брюллова, увидевшего в них великолепное знание жизни, сочетаемое с изумительным живописным мастерством. О «Свежем кавалере» (другое название вещи — «Утро чиновника, получившего первый крестик») выразительно писал Стасов. Называя изображенного на картине чиновника «болячкой старинной нашей России», критик утверждал:

«Взгляните этому чиновнику в лицо: перед вами понаторелая, одеревенелая натура, продажный взяточник, бездушный раб своего начальника, ни о чем уже более не мыслящий, кроме того, что даст ему денег и крестик в петлицу... Злость, чванство, бездушие... Вконец опошлившаяся жизнь — все это присутствует в этом лице, в этой позе и фигуре...» Стасов сообщает об огромном успехе картины у русского зрителя, отлично в ней разобравшегося, и не без иронии пишет о том, что в литографии цензура повелела убрать в картине... крестик, совершенно исказив смысл произведения.

«Вдовушка» — полотно совсем иного плана, нежели «Свежий кавалер». Здесь сатира уступила место драме. Перед нами молодая вдова, в скором времени ожидающая ребенка. Лицо ее и фигура полны скорби. Если внимательно разглядеть картину, то замечаешь, что на многих вещах наклеены ярлычки с гербовой печатью. Очевидно, имущество вдовы описано за долги покойного мужа.

Художник ярко показывает трагедию одинокой женщины, обреченной на нищенское существование. Если вглядеться в портрет гусара, стоящий на комоде, изображающий покойного мужа молодой женщины, то в нем узнаешь самого Федотова. Не случайно один из исследователей федотовского творчества замечает, что «Вдовушка» сюжетно совпадает с трагедией, пережитой родной сестрой художника.

Во «Вдовушке», как и во всех других произведениях мастера, поражают его филигранная работа, умение поразительно точно написать все мельчайшие детали картины и вместе с тем не потерять главное — образ, мысль, идею.

Идейная глубина федотовских творений не имеет равной в мировой живописи того периода. Великий знаток жизни, гуманист, реалист, Павел Андреевич Федотов положил начало тому демократическому направлению в живописи, которое было впоследствии развито передвижниками.

Б. ЩЕРБАКОВ

П. А. Федотов. СВЕЖИЙ КАВАЛЕР. 1846 ГОД. Государственная Третьяковская галерея.

РАЗГОВОР В ПАРИКМАХЕРСКОЙ

Сценка

Ефим ДОРОШ

Рисунки В. Высоцкого

В Красильникове три парикмахерские: одна у вокзала, другая на базаре, а третья на центральной площади, как раз напротив райкома и райисполкома. Все они принадлежат артели, которая почему-то называется «Искусство».

В парикмахерскую у вокзала местные жители почти не ходят. Народ здесь бывает проезжий, торопливый, занятый мыслями о компостировании билетов, о расписании поездов и поэтому нисколько не расположенный к разговорам.

Ничего интересного не услышишь и в парикмахерской на базаре. С утра и до позднего вечера здесь околачиваются какие-то неопределенных занятий личности: они числятся где-то не то вахтерами, не то сторожами, охотно подряжаются вырыть колодец или помочь скосить сено в каком-либо плохоньком колхозе, в остальное же время подыскивают «четвертого» на предмет распития пол-литровки. Правда, в базарные дни в этой парикмахерской бывают и колхозники, но здесь они почему-то не ведут обычных разговоров об урожае и международных событиях, а интересуются главным образом «что почем».

Иное дело — парикмахерская на площади, где работает Василий Аристархович, молодой человек лет двадцати трех, большой любитель живописи, музыки и театра; он называет себя мастером кисти, потому что по совместительству исполняет еще обязанности гримера и помощника художника в драматическом коллективе районного Дома культуры. У Василия Аристарховича можно встретить и инструктора райкома партии, и техника из отдела сельского строительства, и рабочего с молочного завода, и председателя колхоза, и агента конторы с малопонятным наименованием «Заготживсырье».

Стояло летнее утро. Дул ветерок, и первые опавшие листья лениво скользили по неровной от круглых булыжин площади. Возле раймага сгружали с полуторки чуть смятые железные бочки с растительным маслом и пузатые, в рыжих пятнах, деревянные бочонки с сельдями; они катились по двум наклонным балкам, исчезая в черном прямоугольнике отворенных настежь дверей магазина.

Запах жареных подсолнухов и селедочного рассола, смешанный с горьковатым запахом сухой листвы, входил в душную от одеколона и кремов парикмахерскую, где в этот ранний час собралось уже довольно много народу.

Перед огромным, в завитушках, мраморным умывальником, сунув намыленную голову под кран, сидел приехавший в райком председатель богатого колхоза Семен Поликарпович Колиенко; голова его в сильных и быстрых руках Василия Аристарховича моталась из стороны в сторону, а он только кряхтел и постанывал от наслаждения.

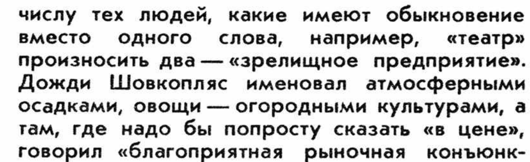
Под пустой по летнему времени вешалкой возвышался грузный и рыхлый начальник районной автоколонны Мацепура, который изощрялся в намеках на то, что в доме напротив председателя ожидает куда менее приятная головомойка.

А вдоль оклеенной полосатыми обоями перегородки, из-за которой доносилась песенка закипающего чайника и откуда уютно тянуло горячим керосином, разместились участковый агроном Степанюк, наборщик Сидоренко и директор плодоовощного комбината Петр Петрович Шовкопляс.

— Там тебя, брат,— колыхаясь от сдавленного смеха, говорил Мацепура,— там безо всякой парфюмерии... И не спросят даже, беспокоит или нет!..

Колиенко помалкивал; над салфеткой, заткнутой за его воротник, наливалась кровью жилистая шея.

О том, в чем провинился председатель, охотно рассказал Шовкопляс. Рассказывал он довольно долго, потому что принадлежал к числу тех людей, какие имеют обыкновение вместо одного слова, например, «театр» произносить два — «зрелищное предприятие».

Дожди Шовкопляс именовал атмосферными осадками, овощи — огородными культурами, а там, где надо бы попросту сказать «в цене», говорил «благоприятная рыночная конъюнктура».

Вкратце же дело сводилось к следующему.

Нынешняя весна в здешних местах, как почти всюду, была на редкость холодная, дождливая, овощи росли плохо, особенно огурцы, но в колхозе у Колиенко они стали поспевать сравнительно рано: то ли сорт попался подходящий, то ли потому, что место было удобное. И вот председатель, соблазнившись высокими ценами, вместо того, чтобы сдать первые огурцы плодоовощному комбинату, отправил их прямым ходом на базар в Москву.

— А нам желтяк теперь сдает,— закончил Шовкопляс и тут же поправился: — Нетоварный огурец.

— Совершенно справедливо! — поддержал директора тихий и смирный Сидоренко, поглядел на свои костлявые пальцы, темные от въевшейся в кожу краски, и застенчиво добавил: — Собственноручно набирал эту корреспонденцию... петитом.

— Силен! — взвизгнул вдруг давившийся смехом Мацепура, и в глазах его заблестели слезы.— На тебе, боже, что нам не гоже!

— Так им же все одно в засол! — не утерпел Семен Поликарпович, вытащил из-под крана мокрую голову, облепленную темными, как медь, волосами, и оборотил к Шовкоплясу распаренное лицо, с обвисшими от воды усами.— Да и какой при сегодняшних дождях может быть желтяк? Сдаем вполне стандартный огурец — плотный, с мелким семечком.

— А срок? — прервал председателя Петр Петрович.

Колиенко, помрачнев, опустился в кресло перед зеркалом, и Василий Аристархович направил на его лицо едкую струю одеколона, с простудным свистом и шипением вырывавшуюся из старенького пульверизатора. Затем парикмахер, подняв свои узкие плечи, принялся обмахивать председателя салфеткой, и маленькое помещение наполнилось гулкими, стреляющими звуками.

— Обойдется, я думаю, Семен Поликарпович,— утешал он расстроенного клиента.— Ну, поговорят в райкоме, покритикуют. А чтобы официальное что-нибудь, выговор там или что, не может того быть. Не тот случай. Вы ж у нас все-таки передовик: и квитанция хлебная у вас каждый год первая, и «Победу» вашу на фото для журнала снимали. Попомните мое слово, от силы, поставят на вид.

— А тебя что, на бюро вызывали? — участливо спросил председателя Степанюк.

Семен Поликарпович, вскинув глазами, нашел в зеркале агронома и, помедлив, ответил:

— Та не пойму я! Вчера, я еще и газеты той толком не видел, зовут к телефону: из райкома, говорят, звонок. Первый секретарь спрашивает. Беру трубку. «Читал?» — только и спросил товарищ Давиденко.

— Совершенно справедливо! — подтвердил наборщик.— Он, как только подадут газеты, сразу, вперед центральных, нашу районную берет. И где кого критикуют, сейчас тому звонить: «Прочитай, реагируй на критику». Сильная после этого действенность получается.

— Действует! — невесело усмехнувшись, согласился Колиенко.

Костистый и жилистый, с горбатым носом и взлохмаченной головой, он стал вдруг похож на одинокого, нахохлившегося степного орла, по которому, вздыбив перо, бьет ветер.

— Знаете что! — обрадовался какой-то своей мысли Василий Аристархович, искренне хотевший помочь председателю.— Вы сразу в райком не ходите. Вы лучше через помощника узнайте, когда Давиденко в книготорг соберется: вчера книги привезли, так он уж не пропустит. Вот вы там и встретитесь, вроде случайно. Так и так, новинками интересуюсь. Это он любит.

Семен Поликарпович, начавший было с интересом слушать парикмахера, махнул рукой:

— Поможет, як мертвому припарки. Мы с ним прошлой весной у меня в колхозе три часа в городки играли, можно сказать, в гости приехал человек. А потом сам же меня на собрании раскритиковал.

— За городки? — спросил Мацепура.

— Стекло я в одном месте взял,— нехотя ответил Колиенко.

— И чего тебя из края в край кидает! — удивился Степанюк.— Или тебе больше всех надо? Правду люди говорят: «Два выговора и три ордена». Никак не можешь середины держаться.

Колиенко, повернувшись в кресле, посмотрел на агронома.

А тот, должно быть, ставя себя в пример председателю, с увлечением начал рассказывать, как ловко получилось у него с зареченскими колхозами, с которыми он мучился каждую весну, пока не вмешался в это дело секретарь райкома.

— Как весна,— вспоминал агроном,— со всего райцентра уполномоченные туда скачут. И ты же к ним ездил, Шовкопляс? Да и ты, Мацепура?

— Скажи, кого туда не посылали! — пронзительным голосом воскликнул толстый начальник автоколонны.— Разве что одного Василия Аристарховича...

— Меня, извиняюсь, не пошлешь,— весело заметил парикмахер.— Некому будет стричь-брить.

— Что там делалось! — как солдат, вспоминающий славные дела, продолжал рассказывать Степанюк.— У них же после паводка столько влаги в почве — одна грязь. Тракторы вязнут, бороны мажут, люди ругаются. А уполномоченный! Или он с председателем лается, или в хате молоко себе пьет, или в поле крутится.

— Ты-то чего радуешься! — перебил агронома Колиенко и отстранил парикмахера, пытавшегося причесать на косой ряд его буйные волосы.— Ты ж агроном... понимал, что им надо сеять позже!

Степанюк оторопело глянул на председателя и простодушно воскликнул:

— Кто ж его знал, что Давиденко станет на такую точку зрения, чтобы переменить им сроки сева! А если бы нет?

— Вот и спотыкаешься через вас... чистеньких,— с неожиданной злостью сказал Колиенко вконец смешавшемуся агроному.— На всякое дело вам резолюцию подавай. А жизнь, между прочим, никак не хочет резолюции дожидаться: берет нашего брата за горло и командует: «Действуй!»

— Оправдательные аргументы подыскиваешь? — прищурив глаза, спросил Шовкопляс.

Семен Поликарпович, головой которого снова завладел парикмахер, угрюмо отрезал:

— Меня коровник оправдает.

— Кончили? — осведомился Василий Аристархович.

— Хоть на картинку рисуй! — хвастливо ответил Колиенко, и даже в тусклом зеркале видно было, как повеселело его лицо.— Ты б заехал как-нибудь, подивился — один бетон!

Радуясь, должно быть, случаю уйти от угнетавших его мыслей, председатель принялся живописать подвесную дорогу с вагонетками для навоза и кормов, бетонированные канавки для стока навозной жижи, автопоилки.

— Торкнется корова в такую железку — готово дело, самостоятельно вода бежит.

— За те рельсы-железки,— сказал Мацепура,— на тебя уже милиция жалуется. Где что плохо лежит, все тянешь. Как магнит какой.

— А нехай Сельхозснаб торгует ими. Я бы как стеклышко был,— снова помрачнев, огрызнулся Семен Поликарпович.

— С этими снабжающими организациями...— сочувственно кивая, вздохнул парикмахер.— Взять хотя по нашей части. Овец — и то уже электричеством стригут. А я никак не допрошусь той машинки. Хотя в Москве, между прочим, свободно можно купить для индивидуального пользования.

— Я про то и говорю,— оживился Семен Поликарпович.— Не давал нам Сельхозснаб вагонеток. А тут предлагают в одном месте.

— В парикмахерской на базаре? — понимающе подмигнул Мацепура.

— Зачем? — поморщился председатель.— Я с ними не знаюсь. Завод один предложил. Но только на перечисление никак не соглашаются.

— Наличными плати,— догадался начальник автоколонны.— А банк не разрешает?

— Верно! — обрадовался Колиенко.— Ты ж наше дело понимаешь. Кровь с носу, а деньги доставай. Тут у меня как раз огурцы поспели. Ну, думаю, пока что подкину три машины в Москву.

— Вот так прямо и расскажи,— став серьезным, посоветовал Мацепура: — Мол, виноват: интересы колхоза поставил выше государственных. Ты же знаешь, хуже нет для Давиденко, когда начнешь отпираться да лавировать.

— Та не пыли ты на меня той пудрой! — с раздражением отмахнулся председатель от Василия Аристарховича.— И так хорош!

Он расплатился и, забыв попрощаться, вышел из парикмахерской.

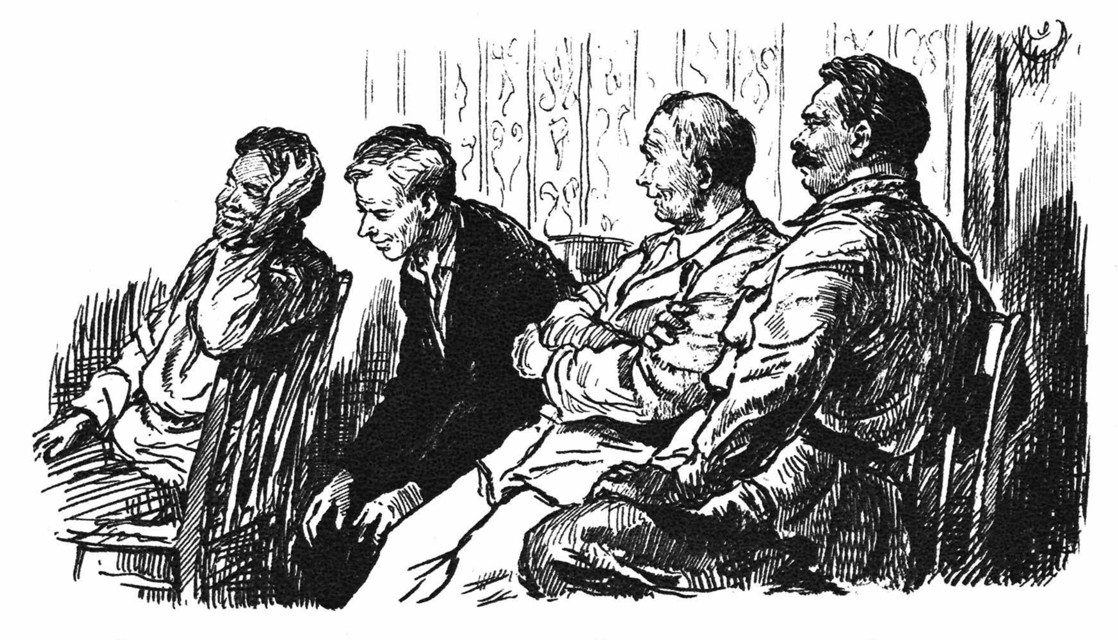
— Переживают! — почтительно произнес парикмахер.— Ужасно крепко переживают!

Было видно, как Семен Поликарпович, дойдя до райкома, стал подниматься на крыльцо, хотя в райкоме, должно быть, еще никого не было, потому что уборщица домывала пол в сенях.

— А ведь его никто не вызывал,— заметил Мацепура.

— Совесть привела,— отозвался наборщик, аккуратно усаживаясь в кресло, и зажмурился от яркого солнца, бившего сквозь окно в зер-

кало.— Может, и не хотелось ему, а совесть привела.

— Минуточку,— извинился парикмахер, вышел на улицу и опустил над окном парусиновый навес.

В парикмахерской стало темнее, казалось, даже прохладнее в сравнении с ослепительно-яркой площадью, дышавшей сухим жаром. Колиенко, согнанный с крыльца райкома сердитой уборщицей, побрел прочь, оглядываясь вокруг, словно искал, с кем бы провести время. Но учреждения еще не открывались, и людей на площади почти не было. Только у раймага, где по случаю приемки товара висела на двери белая записочка, дремали в холодке на травке две — три старухи и ветхий дед с пустой бутылью. Колиенко, томясь одиночеством, направился к парикмахерской.

— Совершил аморальный поступок,— кивнул в сторону приближавшегося председателя Шовкопляс,— а теперь — совесть!

— Загнул! — разразился смехом Мацепура.— Аморальность — это когда вино да женщины...

В дверях, заслонив свет, возник Семен Поликарпович.

— Жарко! — словно оправдывая свое возвращение, сказал он, входя в парикмахерскую, и устало опустился на крайний стул.

Степанюк, молчаливо переживавший обиду, нанесенную ему председателем, произнес вдруг с удивительной для него язвительностью, хотя и не совсем впопад:

— Ягодки еще впереди!

— И кислые! — согласился Колиенко.

По всему было видно, что ему не терпелось скорее встретиться с секретарем райкома, и в то же время он рад был каждой минуте, отдалявшей эту встречу. Он смотрел, как неотвратимо, одно за другим открывались окна в доме напротив и как то и дело вылетали из окон портьеры с приколотыми к ним газетами.

Мимо парикмахерской, с оттянувшим его руку брюхатым портфелем в ремнях и бляшках, прошел управляющий Сельхозснабом — приземистый человек в белой, расшитой по вороту рубахе напуском и соломенном картузе.

— Вот он, друг твой,— толкнув председателя, хихикнул Мацепура.

Семен Поликарпович встрепенулся, недобрым взглядом изпод косматых бровей уставился на портфель управляющего и не столько со злостью, сколько с пренебрежением стал говорить:

— Нехитрый инструмент, а кормит! Купил он его, не соврать, лет пятнадцать назад, когда из председателей сельпо в председатели райпотребсоюза выскочил. И вроде как в сказке, взял в руки заколдованный талисман: из райпотребсоюза попросили — «Лектехсырье» возглавил; оттуда слетел — в директоры обозного завода угодил; с этого места турнули — Сельхозснабом руководит. Только и меняется, что бумажки в портфеле. Выходит, это специальность такая — портфеленосец!

— И как оно такое живет? — развел руками Мацепура.— Я бы со страху да с тоски помер. Это же чистая инквизиция для человека — не на своем месте сидеть!

— Для других инквизиция! — возразил Семен Поликарпович, огляделся вокруг, словно искал сочувствия, и сформулировал наконец то, что сидело в нем занозой: — Если бы он дело свое знал да обеспечивал нас... Разве бы я...

— Это и Фенька-спекулянтка на суде говорила,— с необыкновенной живостью отозвался Степанюк.— Раймаг, доказывает, виноват: когда бы он, говорит, торговал как следует, кто бы у меня тот штапель стал брать? Для чего бы я, говорит, в Москву за ним ездила, из какой бы выгоды старалась?

Председатель, растерявшись, провел рукой по волосам, как-то сразу обмяк и через силу выговорил:

— Один ноль в твою пользу!

— Давиденко приехал,— сообщил Василий Аристархович.

Все посмотрели в сторону райкома, возле которого остановилась запыленная «Победа». На верхней части кузова и на стеклах пыль лежала ровным матовым слоем, а с нижней его части она была сбита травой, бурьяном, и эти, похожие на царапины, косые линии поблескивали лаком, хромированной сталью. Из машины, в свежем полотняном кителе, в белой фуражке, вышел Давиденко. Помахивая длинным и тонким снопиком пшеницы, чуть припадая на правую ногу, он взошел на крыльцо.

— Спасибо за компанию! — попрощался Семен Поликарпович.

— Не стоит благодарности! — ответил за всех Сидоренко.

Он встал с кресла, взял с вешалки травяной веничек, деликатно отошел к порогу и, смахивая просыпавшуюся на пиджачок пудру, сказал, будто подвел черту:

— Получилось вроде по следам наших выступлений.

Надя Чистякова и ее друзья

Идет открытое комсомольское собрание. Пришли сюда почти все работники Шушенской районной конторы связи Красноярского края. Обсуждают один вопрос: «О помощи комсомолке Наде Чистяковой».

Выступает секретарь комсомольской организации Ксения Раменская и говорит:

— Нужно сделать все для того, чтобы молодая работница в самое короткое время освоила специальность, надо помочь ей в учебе.

Держит речь старшая телефонистка Т. И. Зайцева, и все о том же:

— Мы обязаны помочь!

Помочь Наде! Об этом говорят на собрании горячо, страстно, искренне. Потом выступает Надя. Речь ее сбивчива: слишком велико волнение.

Кто она, Надя Чистякова, и почему так дружно весь коллектив принимает участие в ее судьбе?

Еще в раннем детстве Надю приковало к постели тяжелое заболевание, давшее осложнение: девочка так и не научилась ходить. Передвигаться она могла только на коленях. А в семь лет на нее обрушилось новое несчастье: умерла мать. Надя стала жить с бабушкой.

Пришло время учиться. Надя уже смирилась с мыслью, что посещать школу ей не придется. Но однажды к Чистяковым явилось несколько пионерок, и возглавлявшая делегацию девочка решительно заявила:

— Ты тоже должна учиться, Надя. Вся школа будет тебе помогать.

Так началась ее учеба. Уже тогда Надя поняла, как много могут сделать настоящие друзья.

Ей удалось закончить четыре класса. Продолжать образование помешала война. В трудные для советских людей военные годы девочка воспитывалась в Шушенском детском доме. Там ее обучили портновскому ремеслу, оттуда она ушла в самостоятельную жизнь. В шестнадцать лет Надя стала работницей районного промышленного комбината.

Все эти годы врачи не раз пытались поднять Надю на ноги. И вот ее осмотрел главный хирург Красноярского края доктор медицинских наук А. М. Дыхно. Профессор сказал:

— Надо сделать операцию.

За первой операцией последовала вторая, затем наложили гипс, в котором девушка пролежала четыре месяца.

Наконец настал знаменательный в жизни Нади день: ей разрешили встать. Впервые она прочно встала на ноги.

Об этом событии позже Надя писала так: «В этот весенний день — он навсегда останется в моей памяти — для меня солнце светило ярче, жизнь стала прекраснее.

Вокруг себя я видела взволнованные, счастливые лица врачей и сестер, больных моей палаты. Эти люди искренне радовались моему счастью, счастью простой советской девушки».

После операции Надя отдохнула на курорте, а затем вернулась в родное село Шушенское. Трогательной была встреча с односельчанами. Все село поздравляло ее с выздоровлением, и все село принимало участие в обсуждении вопроса, чем сейчас заняться Чистяковой. Решили так: Надя поступит в контору связи ученицей телефонистки, эту работу легко совмещать с учебой в школе сельской молодежи.

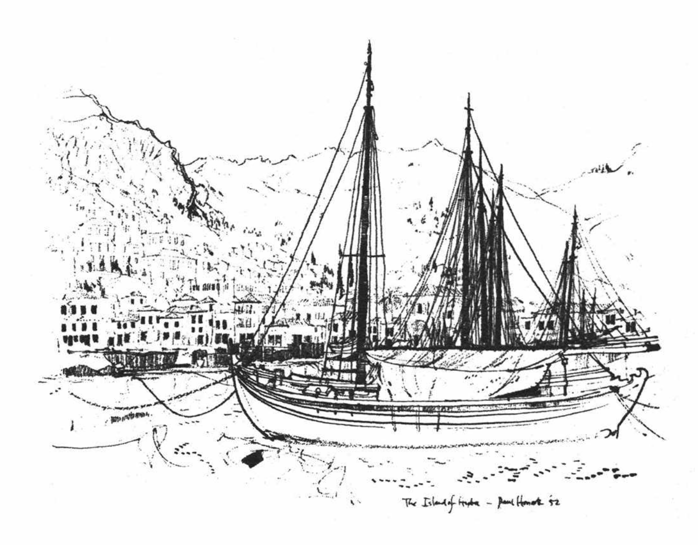
Сейчас у Нади Чистяковой много друзей, учителей, наставников. Всем хочется помочь девушке опытом, дружеским советом, знаниями. Подруги помогают ей в занятиях, старшие телефонистки — в работе. А число друзей Нади растет. О ее судьбе узнали тысячи людей. Почтальон доставляет ей много писем из других сел и городов края.

Надя не одна! У нее много заботливых друзей. Они помогли ей стать полноценным членом общества, они помогут в осуществлении всех ее замыслов. А замыслы комсомолки из села Шушенского большие, смелые и благородные.

Т. САПРЫКИНА

ГРЕЧЕСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Из путевого альбома английского художника Поля ХОГГАРТА

Остров Гидра. Рыболовецкие суда и суда для ловли губок стоят на якоре.

Судьба острова Гидра тесно связана с судьбой греческого народа. С этого острова был послан в 1821 году греческий флот, чтобы начать войну за независимость от турецкой тирании.

Жители острова занимаются в основном губковым и рыбным промыслом. Они много пережили во время фашистской оккупации, когда репрессии и голод уменьшили население острова наполовину.

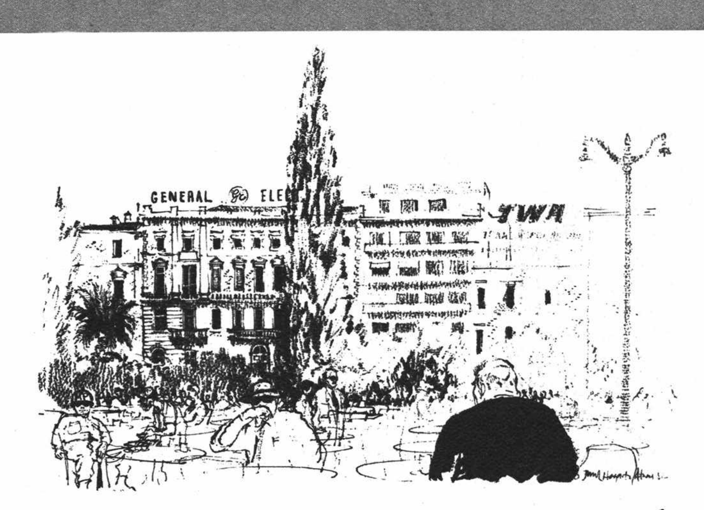
Гидра — один из пяти основных центров губковой промышленности в Греции. В этом году на складах острова остались лежать 20 тысяч килограммов непроданных губок.

Жена рабочего продает спички. Обычная сцена в Афинах: жена безработного рабочего продает спички, фрукты, сигареты, чтобы купить немного пищи для семьи.

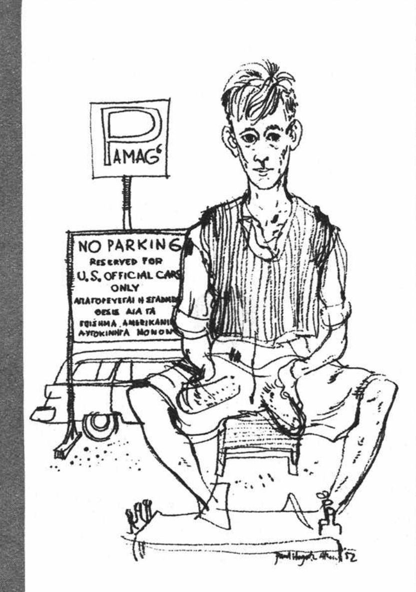
Греческий торговец. Он весит 200 килограммов и хвастается, что он самый толстый человек во всей Греции. Для рабочих это живой символ эксплуататора, сидящего на их спине.

Сквер Конституции. Крупнейшие здания в этом наиболее важном центре Афин заняты американскими компаниями. Многочисленные фешенебельные кафе и бары являются местом встреч для торговцев и фабрикантов, которые наживаются на американской оккупации. В сквере начинается специальная автобусная линия, предназначенная «только для американцев», которая идет в Кифиссию.

День для посетителей в тюрьме Авerофф. Матери и жены заключенных приходят в тюрьму, чтобы повидать своих близких.

Мальчик — чистильщик сапог. Использование труда детей десятилетнего возраста — обычное явление в Греции. Детский труд оплачивается дешевле, чем труд взрослых.

Рабочий судоверфи. Этот пирейский рабочий — типичный представитель индустриального рабочего класса Греции, неумолимого врага фашизма.

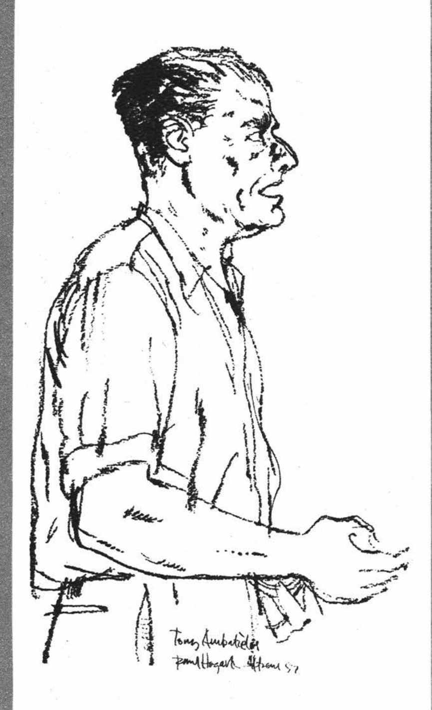
Дом рабочего. Эта лачуга — одна из многих в рабочем районе Афин.

Среди изобилия. Центральный мясной рынок в Афинах. Перед закрытием больших продуктовых рынков Афин туда приходят женщины подобрать мясные обрезки и гнилые фрукты, валяющиеся на земле.

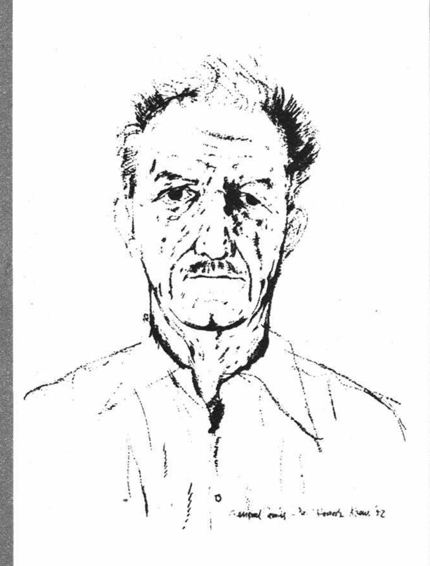

Безработные строительные рабочие. В Греции большое число безработных. С раннего утра по улицам городов бродят в поисках работы тысячи каменщиков, плотников, маляров. Изредка можно видеть нанимателя, торгующегося с рабочим, пробующего его мускулы. Хозяева предпочитают брать молодых и здоровых.

Тони Амбателос, бывший генеральный секретарь греческой федерации союзов моряков. Вместе с десятью своими товарищами — лидерами федерации — он в течение 5 лет находился в тюрьме. Их арестовали в 1948 году, обвинив в «заговоре против государства», и приговорили к смертной казни. Однако волна общественного протеста, прокатившаяся по всему миру, спасла их.

Этот рисунок был сделан на недавно состоявшемся новом суде. Амбателос и его товарищи были снова приговорены к смертной казни, замененной затем пожизненным заключением.

Генерал Сарафис. Как бывший офицер республиканской армии, Сарафис был стойким противником реакционного режима предвоенной монархии и диктатуры Метаксаса. Он был главнокомандующим ЭЛАС — Национально-освободительной армии Греции. Недавно возвратившийся из четырехлетней ссылки, Сарафис является видным деятелем ЕДА (Единой демократической левой партии).

Я прибыл в Афины в жаркий августовский день. Небо было ярчайшей синевы, солнце ослепляло могучим своим сиянием. Гавань Пирея кишела маленькими лодчонками рыбаков с Эгейских островов; наш пароход, замедлявший ход перед отдачей якоря, был буквально осажден ими.

Сойдя по трапу, я очутился в густой толпе, заполнившей пристань. Пришлось идти сквозь строй жандармов из корпуса безопасности, они внимательно вглядывались в лицо каждого пассажира. Сотни исхудалых ребятишек ожесточенно дрались, перехватывая друг у друга ваш чемодан, чтобы заработать несколько медных монет. Все это, впрочем, была единственная картина какого-то оживления, какую мне пришлось наблюдать в Греции.

В любой столице Западной Европы вы встретите в наши дни привычную картину, когда все вокруг отравляется американским ядом. Но даже Париж, Лондон, Женева, Рим — ничто в этом отношении по сравнению с Афинами. Американцы просто превратили столицу Греции в средней руки американский город, а всю Грецию — в свою колонию. Это настолько выпирает наружу, что даже самый наивный турист удивится огромному количеству шатающихся по улицам рослых парней в форме американской военной полиции, американским военным судам в гавани, целым караванам американских военных машин, мчащихся по пыльным улицам.

Сегодняшняя Греция — заурядная американская база. И это ясно видно из поведения развращенной греческой буржуазии, которая готова продать и предать все лучшее и честное, что есть в стране, лишь бы пришла из-за океана очередная долларовая подачка, лишь бы простые люди Греции «знали свое место» и не мешали грабить.

Но трудящиеся — рабочие, рыбаки, крестьяне, тысячи и тысячи ремесленников, ютящихся в кривых уличках Афин и Салоник, — все они не хотят забывать и не забудут тех дней, когда победа простого человека была так близка. Борьба продолжается. Она идет на улицах, на заводах, в судебных залах, где народ бесстрашно оказывает поддержку таким героям, как Амбателос или Глезос.

В переживаемое нами время некоторые художники поддаются соблазну забиться поглубже в угол своей мастерской, отгородиться от жизни. Но можно ли жить так, заткнув уши ватой, когда поджигатели войны снова бряцают оружием? Нет, художник не может и не вправе быть сторонним наблюдателем.

Я поехал в Грецию, чтобы увидеть собственными глазами, как живет ее народ, как борется он против фашистской тирании. Я был бы счастлив, если своими рисунками я хотя в какой-то мере присоединился бы к этой борьбе.

Я посвящаю эти рисунки народу Греции, правое дело которого победит.

Поль ХОГГАРТ

ОГОНЬ НАД НЕФТЬЮ

Представьте себе: на барже с бензином стоят несколько человек и спокойно курят.

— По меньшей мере, невероятно! — скажет читатель.— Это — все равно, что курить в пороховом погребе!

Действительно, столь же опасно. Все знают, какая огромная сила заключена в бензине. Его энергия заставляет работать двигатели автомобилей, судов, самолетов.

Бензин очень легко воспламеняется. На барже эту опасность увеличивают его пары, скопляющиеся над жидким горючим. В соединении с воздухом они представляют собой взрывчатую смесь.

Вот почему на нефтеналивном судне обычно не курят, там даже ходят в резиновой обуви, чтобы случайно не высечь искру каблуком. С горючим шутки плохи!

Однако на барже с бензином люди курили. Больше того: мастер включил электросварочный аппарат и начал огненной струей прорезать дыру в борту.

Это событие произошло 16 июля 1951 года. В этот день проверялся новый, безопасный способ ремонта нефтеналивных судов.

Нефть и нефтепродукты занимают важное место в грузообороте Волги. Такой груз доставляет речникам много хлопот. Иногда происходит повреждение барж. Бывает, что от резких толчков тяжелой жидкости разойдутся швы между железными листами обшивки. Разрушается металл и от непрерывного действия солнца, ветра и воды.

Даже при самом небольшом повреждении судно ставят на ремонт, что надолго выводит его из строя. Прежде всего выкачивают горючее. Затем судно очищают от нефтяных газов. Особенно длительна и трудоемка заключительная операция — очистка баржи. Остатки горючего собирают в ведра, моют стены и потолок каждого отсека и досуха протирают их тряпками.

На все это уходит дней десять — из-за самого малого ремонта, требующего каких-нибудь полутора часов, а иногда и меньше! Простой и обработка судна обходятся каждый раз в сотни тысяч рублей!

Нельзя ли найти такой способ ремонта нефтеналивных судов, который позволил бы обойтись без уборки и очистки? Такой вопрос поставил перед собой Н. П. Лупичев, начальник Куйбышевского участка пароходства «Волготанкер». Летом 1950 года он в содружестве с группой исследователей, куда входили работники речного транспорта и сотрудники Куйбышевского индустриального института, занялся решением этой проблемы.

Что̀ надо сделать, чтобы нефть не загоралась при электросварке? На первый взгляд эта задача кажется неосуществимой. В самом деле, ведь нефть и горение неотделимы друг от друга. Лишить ее способности загораться — это примерно то же, что, скажем, заставить воду гореть.

Но история техники знает немало примеров, когда невозможное становилось возможным.

Известно, что горение нефти, как и других веществ, может произойти только, когда в окружающем ее пространстве есть воздух. Так, например, раскаленный добела тончайший металлический волосок электрической лампочки, который в обычных условиях сгорел бы в одно мгновенье, служит много месяцев только потому, что стеклянный баллон наполнен азотом. Этот газ сам не горит и отгораживает волосок от воздуха.

— Если,— рассуждали исследователи,— пространство над нефтью залить газом, не поддерживающим горение, то она не сможет загореться.

Так-то так. Но баржа не электрическая лампочка! Подсчеты показали, что химическое производство любого газа в объеме, какой нужен для заполнения баржи, обойдется еще дороже, чем ее ремонт старым способом.

Как быть? Где взять дешевый газ?

Ответ, удивительно простой, был найден доцентом Куйбышевского индустриального института В. С. Козловым.

— Дым!.. Газ, который мы ищем,— это дым! Он содержит углекислый газ, убивающий горение.

Наступила пора опытов. В герметически закупоренных стеклянных банках создавалась обычная взрывная среда. В банке, где свободное пространство над нефтью не заполнялось дымом, искра вызывала мгновенный взрыв. В другой, куда накачали дым, нефть не воспламенялась. Затем проделывали опыты в бо̀льших масштабах: с бидонами, бочками, цистернами.

— В общем, много тары перепортили,— вспоминает Н. П. Лупичев.

И, наконец, в середине июля прошлого года было проведено испытание в производственных условиях, в присутствии представителей пароходства и пожарной охраны.

К наливной барже «Сок», внутри которой находился бензин, причалил баркас «Артем Сергеев», на нем была оборудована установка для нагнетания дыма. Дым, получаемый в топке баркаса, пропускался через камеру охлаждения, где температура его снижалась и он очищался от раскаленных частиц. Затем вентиляторы накачивали его в подпалубное пространство баржи.

Но вот нагнетание дыма закончилось. Включили электросварочный аппарат — и пламя вгрызлось в борт баржи. Электросварщик А. П. Власов прорезал большое отверстие и наварил заплату.

А бензин?.. Бензин не откликался на огонь, словно он был простой речной водой. Богатырь, накрепко «спеленутый» дымом, спал.

— Да, случилось невиданное,— признались свидетели опыта,— бензин действительно не загорался от огня!

Присутствующие поднялись на баржу, и произошло то, о чем рассказывалось вначале,— закурили. Курили даже представители пожарной охраны, нарушая свою первую заповедь. Впрочем, в данном случае это можно рассматривать как один из приемов экспертизы.

— Раньше говорили: нет дыма без огня, а у вас нет огня при дыме! — пошутил кто-то.

Вскоре поврежденные суда стали ремонтировать новым способом, что дало за полгода более шести с половиной миллионов рублей экономии!

За создание нового, безопасного способа ремонта нефтеналивных судов дружный коллектив во главе с Н. П. Лупичевым и В. С. Козловым удостоен Сталинской премии. Наряду с сотрудниками Куйбышевского индустриального института — С. М. Муратовым, Н. А. Первухиным, Д. В. Ростенко, Л. С. Сергеевой — награждены работники речного флота П. М. Зубков, Ф. С. Козлов, механики Я. И. Балахонов, В. Г. Зайцев, техник А. В. Петров и электросварщик А. П. Власов.

Сейчас новый способ начинает широко распространяться не только на речном, но и морском флоте, на железнодорожном транспорте; он окажет значительную помощь и промышленности — при ремонте резервуаров, складов жидкого топлива на предприятиях.

В наши дни, когда создается величайшая в мире сеть водных путей, роль речного флота неизмеримо возрастает. Намного увеличивается объем грузов, доставляемых водой. Должны будут резко возрасти и перевозки нефти и нефтепродуктов. Новый метод безопасного ремонта поможет с успехом решить эту задачу. По глубоководным речным магистралям пойдут караваны барж и танкеры, развозящие во все концы нашей необъятной страны огромные количества драгоценного «черного золота» и других видов жидкого топлива.

А. РОЗЕН

Шланг дымонагнетательной установки, оборудованной на баркасе, подключен к барже с бензином.

Баржу накачивают дымом.

Фото В. Шефнера

СВОБОДА ИНИЦИАТИВЫ

Рассказ

Стефан ГЕЙМ

Рисунки Л. Бродаты

Руки вдовы Картер похожи на узловатые корни старой сосны. Большие, загрубевшие, они пригодны для любой тяжелой работы. Но все равно и им не под силу добыть из этой земли достаточно хлеба, чтобы поддержать ее собственное изможденное тело и накормить четверых детей, похожих на сорную траву, росшую здесь рядом, вдоль пересохшей речки.

Говорили, что на ее земле лежит проклятие. Вдова не раз слышала это предание. Оно восходит еще к временам Гражданской войны. Речь шла в нем о негритянском проповеднике, который был рабом на ферме Картеров и знал толк в африканской черной магии. Собственно, в те годы это была не ферма, а богатая плантация. Ее желтеющие поля и зеленые луга широко раскинулись по холмистым просторам Виргинии. Эдвин Филбрук Картер мчался по своим владениям на кровном скакуне, направляясь к большому дому с белыми колоннами. В предании говорилось еще о девушке с кожей цвета кофе с молоком. Она была дочерью этого негритянского колдуна. Что-то произошло между негром и господином из-за девушки, и Эдвин Филбрук Картер засек старика до смерти кнутом, что он и вправе был сделать, как господин. За несколько минут до смерти старый негр произнес одно из своих страшных африканских заклинаний — и вот с тех пор дела Картеров шли все хуже и хуже, пока наконец их род стал тем, что он есть сейчас,— белой рванью, как выражаются на юге.

Вдова Картер была слишком практичным человеком, чтобы верить в истинность этой истории. Но когда она запрягала в плуг своего тощего — кожа да кости — мула и, согнувшись в три погибели, вся в поту, старалась поглубже взять лемехом твердую, как камень, почву, ей казалось, что эта земля и впрямь проклята!

Ученые профессора из Ричмондского агрономического колледжа тоже не верили в разговоры о проклятии. Они брали по всей округе образцы земли, толковали о вырубленных лесах, о какой-то эрозии почвы и еще о том, что в здешних землях осталось очень мало важных химических частиц. Эти ученые люди записывали, когда выпадают дожди, и приглядывались к реке, которая разливалась каждую весну, а летом превращалась в жалкий ручеек или замирала вовсе. Но от всего этого вдове Картер было не легче: ни на один цент не уменьшался ипотечный долг, числившийся по ее участку, как, впрочем, и по всем другим земельным участкам этой части штата.

* * *

В воскресенье, в полдень, как раз после обедни, по пыльному шоссе проехала легковая машина. У руля сидел мужчина в просторном, хорошо сшитом костюме. Он свернул вправо у двух полусгнивших столбов, на одном из которых висел заржавевший почтовый ящик. По ящику путешественник вспомнил, что где-то поблизости дом вдовы Картер. Он остановил машину почти у самого дома, но не спешил выходить, а сидел, спокойно откинувшись, и внимательно оглядывался вокруг. Потом он кивнул головой, видимо, удовлетворенный.

Дом был грязно-серого цвета, осевший набок, с выбитыми непогодой черепицами и сгнившими от времени ступеньками крыльца. Он стоял на том самом месте, где когда-то возвышался господский дом поместья Картеров. Видимо, часть обломков от старого здания пошла на постройку этой хижины. Две из знаменитых белых колонн, разумеется, подпиленные, служили теперь опорными столбами для крыльца. Дом вдовы Картер был похож на лоскутное одеяло или на игрушечную постройку, сложенную из кусочков дерева ребенком...

Человек почувствовал на себе чей-то взгляд. Вдова Картер стояла на крыльце, держа на руках своего младшего. Трое остальных мальчиков стояли позади нее, босые, но с чисто вымытыми физиономиями. Они смотрели на приезжего недоверчиво, исподлобья, как глядели еще в незапамятные времена все Картеры, когда им казалось, что кто-то собирается затронуть их исконные права.

Человек вышел из машины, приблизился к вдове и молча вежливо пожал ей руку. Потом он дал каждому из мальчиков по пакетику с жевательной резинкой. Они взяли, но в глазах у них не появилось ни малейшего проблеска теплоты. Это были самые недетские дети, какие ему попадались когда-либо. Они были похожи на лилипутов. И лица их были морщинисты и старообразны, как у лилипутов.

— Как поживаете, профессор Вейнрайт? — проговорила вдова.

— Отлично,— ответил профессор.— Отлично. А вы?

Вдова пожала плечами. С таким вот домом и такой землей... Что может она ответить на такой вопрос? Наконец она спросила:

— Может быть, желаете пройти в комнату?

Профессор Вейнрайт однажды уже имел случай видеть этот дом изнутри, с его мусором, беспорядком и жалкой мебелью, под которую не дал бы ни цента даже самый неразборчивый ростовщик.

— Вы очень любезны, миссис Картер! — поспешно воскликнул профессор.— Но день так хорош,— он поглядел вверх, на хмурое небо,— почему бы нам не остаться здесь, на воздухе?

Вдова сделала знак старшему мальчику; угольно-черные жесткие волосы его щеткой стояли надо лбом. Мальчик пошел в дом и принес два старых, расшатанных кресла.

Профессор осторожно опустился в одно из них и вытянул длинные ноги. Ребята молча глядели на его щегольские носки и ослепительно-белые ботинки. Некоторое время он слегка постукивал пальцами по коленям и по-

правлял галстук, словно воротничок стал ему вдруг тесен.

— Я привез вам хорошие новости, миссис Картер,— сказал он, откашлявшись.

Натруженные руки вдовы тяжело и неподвижно лежали на коленях. Они вздрогнули, на мгновение приподнялись, потом снова бессильно упали. Эти руки как бы говорили: какие уж тут могут быть хорошие новости!

— Педагогический совет колледжа остановил свой выбор на вашей ферме,— продолжал Вейнрайт.— Позвольте мне поздравить вас, миссис Картер. Очень скоро, точнее говоря, через одиннадцать дней, мы, так сказать, перепашем все горести вашего прошлого!

Она сидела неподвижно. Только глаза ее в смятении бегали из стороны в сторону.

— Должен вам сказать, что сделать выбор было не так-то просто.

Начало разговору было положено, и профессор Вейнрайт уселся поудобнее и откинулся на спинку кресла.

— Даже если не считать арендаторов и издольщиков и отбросить участки, которыми владеют негры, все равно была уйма людей, которые заявляли, что именно у них самая бедная ферма во всем районе. Членам комитета экспертов пришлось-таки потрудиться, поездить и поразмышлять...

Он ласково улыбнулся и слегка потрепал по щечке самого младшего, тщательно избегая прикосновения к покрытой струпьями голове ребенка.

— Полагаю, что комитет склонился на вашу сторону именно потому, что я рассказал, как много вы потрудились, миссис Картер, чтобы поддержать ваше хозяйство после того, как скончался ваш супруг.

— Благодарю вас, сэр,— сказала вдова. Ее глаза снова угрюмо уставились в одну точку. Она ненавидела Эдвина Филбрука Картера, четвертого в роде, своего мужа. Когда он испустил последний вздох, она похоронила его, но не пролила тогда ни единой слезинки.

— Мы любим людей, которые преданно работают на земле,— говорил между тем профессор Вейнрайт.— Слишком много развелось в штате бездельников. У кого нет земли, у того, видите ли, рождаются дурные мысли.

Вдова ничего не ответила. У нее самой часто зарождались дурные мысли. Например, она хотела убить себя и детей; иногда ей приходила мысль бросить землю и уехать. Но кто даст ей работу и крышу над головой? Кому нужна женщина с четырьмя детьми?

— Позвольте еще раз изложить вам обстоятельства дела,— прервал молчание профессор.— Надеюсь, мы поймем друг друга. Итак, речь идет о совершенно новом эксперименте. Администрация колледжа хотела бы иметь полную уверенность, что впоследствии не возникнет никаких осложнений, юридических или других...

Он еще раз погладил малыша по щеке. Надо сказать, что вся эта затея вызывала у профессора Вейнрайта серьезные сомнения. И он без колебаний поделился ими с ректором колледжа, профессором Мерривэзером. Конечно, ничего не стоит проделать то, что они задумали, с одной-единственной фермой. Но ведь этого не сделаешь со всеми фермами! Зачем же, спрашивается, наводить на дурные, опасные мысли и фермеров всего штата и студентов колледжа? Но профессор Мерривэзер даже не потрудился вдуматься в сомнения профессора Вейнрайта. Как ректор колледжа, он считал, что его дело — чисто административные вопросы да забота о привлечении денежных пожертвований в фонд колледжа. Ректор Мерривэзер рассчитывал, что задуманный им эксперимент послужит громкой рекламой для его колледжа, и, может быть, не только в штате Виргиния. Реклама — это все. Без рекламы, как известно, не раздобудешь у жертвователей денег на выплату содержания и себе и преподавателям.

— Так вот, — объяснял вдове без всякого увлечения профессор Вейнрайт.— Старший курс нашего колледжа должен сдавать выпускные экзамены. Студентам будет предложено выполнить следующую практическую работу: превратить самую бедную из ферм штата в образцовое хозяйство. По правилам экзамена, эта работа должна быть закончена в один день, от восхода до заката.

Он замолчал и искоса посмотрел на вдову Картер, затем еще раз оглядел безлюдный и хмурый пейзаж.

— Наши студенты будут располагать для этого самыми новейшими сельскохозяйственными машинами, какие только производит Америка. Они проведут воду на вашу землю. Они изменят даже структуру почвы на вашем участке, миссис Картер. Они отремонтируют, а если надо, то построят заново конюшни, коровники, амбары,— словом, все, что полагается для образцовой фермы с той земельной площадью, которой вы владеете. От электромагистрали «Вирджиния Пауэр компани» они проведут электричество в ваши постройки. От шоссе они проложат дорогу к вашей ферме. Вы слушаете меня?

Вдова кивнула головой.

— Короче говоря, миссис Картер, в этот день вы утром проснетесь бедной женщиной, какой вы, к несчастью, были в течение долгих этих лет, а вечером вы ляжете спать состоятельной владелицей фермы, которая по праву сможет считаться гордостью всего штата Виргиния!

Вдова Картер все еще не произнесла ни слова. Правда, на ее лице, обычно мертвом, как поверхность погасшей планеты, появились признаки какой-то жизни.

Разумеется, такие слова, как «состоятельная владелица» или «гордость всего штата», решительно ничего не говорили ей. Но она все же способна была представить себе, что вот она разминает в пальцах жирную, черную, рассыпчатую землю, что у нее новенький белый дом с чисто вымытыми стеклами, а вокруг прочные конюшни и коровники, и медные провода, бегущие меж высоких, стройных столбов, и электрический насос, и набитая сочным кормом силосная башня... Она могла вообразить, как с детьми сидит за столом, уставленным хорошо выпеченными лепешками, желтым маслом, вареньем, мягким, как пух, белым хлебом, кофе, сметаной, ветчиной, яйцами. И на ней и детях новая одежда, а за дверью ее ждет машина — ездить в Ричмонд за покупками и раз в неделю в кино.

Она подняла руки и закрыла ими лицо. Плечи ее начали вздрагивать, и что-то просочилось между пальцами и увлажнило их темную, сухую, потрескавшуюся кожу.

— Ну, ну, миссис Картер! — сказал профессор Вейнрайт.

Как джентльмен-южанин, он все-таки не мог равнодушно смотреть на плачущую белую женщину, даже бедную белую женщину.

Но слезы быстро иссякли. Вдова отняла руки от лица, и на нем вновь было написано хмурое недоверие. Опыт жизни говорил ей, что богатство не сваливается с неба, а если и выпадет такое счастье, то уж, наверно, не ей. Да и кто знает: может быть, все это просто ловушка?

Словно подтверждая ее подозрения, профессор Вейнрайт сказал:

— Мы должны, однако, поставить вам одно условие.

Она бессильно опустила голову. Теперь она уже внутренне смеялась над собой за промелькнувшую надежду, за то, что она разрешила себе на мгновение помечтать о жирной земле, сытной еде, о богатой ферме.

— Комиссия экспертов,— сказал профессор,— до восхода солнца установит точную стоимость вашей фермы. Потом проделает то же вторично, когда солнце зайдет. Я не могу назвать точной цифры, но не сомневаюсь, что ваша ферма за этот день станет намного дороже. Колледж предоставляет вам бесплатно и без всяких к вам претензий труд и знания своих студентов, не говоря уже о стоимости целого дня работы наших машин. Поэтому я надеюсь, вы не станете рассчитывать на то, что вам разрешат назавтра превратить ферму в деньги и положить в карман много больше денег, чем ферма стоила до этого. Желая устранить возможность такого неожиданного спекулятивного обогащения, колледж хотел бы, чтобы вы подписали формальное обязательство: ни вами, ни вашими наследниками ферма не будет продана в течение ближайших десяти лет. Если все же вы или ваши наследники решитесь произвести такую продажу, то разница между первоначальной и последующей стоимостью вашего владения должна быть возвращена колледжу... Ну как, по рукам?

Он ждал. Вдова смотрела на свои колени. Он вдруг осознал, как непривлекательно выглядит она с ее мышиного цвета волосами, собранными в неряшливый узел на затылке.

— Но кому ж придет в голову продавать такую ферму? — задумчиво проговорила она и после молчания добавила: — А вы уверены, сэр, что это все, что от меня потребуют?

— Ничего больше! — сказал профессор, вынимая из кармана бумагу и протягивая ей свою автоматическую ручку.

* * *

Если бы вдова выиграла куш на скачках, новость не распространилась бы быстрее. Ближайшие соседи первые стали собираться кучками у ее крыльца, впрочем, больше для того, чтобы высказать друг другу, как несправедливо поступил Ричмондский колледж. Почему, скажите на милость, они остановились на ферме вдовы Картер, когда другие фермы так же плохи, если еще не хуже? Соседи здоровались со вдовой за руку, но многие, не утерпев, тут же выкладывали ей, что она их ограбила. Почти все спрашивали, что она такое сделала, что пришлась по душе руководителям колледжа. Находились и такие, которые пророчили, что у нее на земле ничего не взойдет после того, как будут в ней копаться эти молокососы из колледжа.

Вдова слушала и старалась пропустить все это мимо ушей. И чем больше загорались от зависти глаза ее соседей, тем прочнее она верила, что, может быть, и на самом деле наступает счастливая перемена в ее жизни. Она становилась все более осторожной и уклончивой в разговоре. Только ночью, когда соседи разошлись по домам, вдова ушла на кухню. Там она принялась приплясывать, слегка приподняв подол юбки, пристукивая ногами и двигаясь вперед и назад между печкой и колченогим шкафом. Временами хриплый, с взвизгиваньем хохоток срывался с ее губ. Дети со страхом следили за удивительным поведением матери. Они были голодны: мать раздала непрошенным визитерам хлеб и кофе, приготовленный на ужин. В конце концов дети подняли плач от голода и страха.

Приближался большой день вдовы Картер. И вдруг началось нечто непредвиденное: верхом, на старых грузовиках, пешком с дальних ферм, со всей округи ехали, шли любопытные. Люди располагались лагерем вокруг ее дома, ломали остатки изгородей, прихватывали что попадало под руку, из обломков раскладывали костры и варили пищу. Скоро поле запестрело пустыми бутылками из-под виски, вокруг стало шумно, как на ярмарке. Люди судили, рядили, ругались. У всех был такой вид, будто здесь предстоял не научный эксперимент по фермерскому хозяйству, а, скажем, линчевание пойманного негра.

Съезжались репортеры. Они засыпали вдову Картер вопросами. Фотографы щелкали аппаратами, снимая вдову, детей, дом, осаждавшую его толпу. Ходил слух, что приедет киногруппа крутить документальный фильм о ферме вдовы Картер под названием «Вчера и сегодня» и что картину будут показывать по всем Соединенным Штатам, от Атлантики до Тихого океана.

Газетчикам было мало поживы: у вдовы Картер не было даже чашки скверного кофе и кукурузных лепешек. Она совсем не была горазда произносить фразы, которые стоило бы напечатать в газете. Опять-таки и лицом она не была похожа на киноактрису, газетчики сошлись на этом единодушно. Зато фотографы проявляли необычную прыть и работали до седьмого пота. Как правило, картины бедности были для них запретной темой, но данный случай был исключением из правила: бедность служила преддверием к богатству! И они ловили в объектив полусгнившие доски стен, небритые физиономии и лохмотья граждан славного старого штата Виргиния.

Накануне великого дня прибыл парк машин: тракторы, бульдозеры, канавокопатели, многолемешные плуги и всякие другие машины, каких вдова не видала в жизни. Машины были выкрашены в веселые красные и зеленые цвета, стальные их части сверкали серебром в лунном свете. На машинах сидели крепкие молодые люди, стройные, с хорошо развитыми мышцами и загорелыми лицами.

Вдове никогда не доводилось видеть такую молодежь. Эти юноши были словно с другой планеты. И когда их познакомили с ней и объяснили, что это ее ферму им придется переделать, молодые люди удивленно уставились на ее худое, костлявое лицо, на узловатые руки, и на минуту все примолкли. Потом они стали наперебой задавать ей вопросы: велики ли доходы от хозяйства, какой у нее инвентарь? Вдова Картер показала им все, не произнося ни звука, и они стали недоуменно переглядываться и покачивать головами. Кто-то спросил еще, какой породы у нее скот и сколько его, а она все стояла и молчала, как завороженная, так что юноши перестали даже переглядываться. Профессор Вейнрайт был неотступно при студентах; он всматривался в выражение их лиц, и оно ему не понравилось. Теперь он еще больше был убежден, что ректор Мерривэзер допустил серьезную оплошность. Но было уже поздно. Он поспешно отозвал вдову в сторону и попросил ее не разговаривать больше со студентами.

Вдова Картер не спала всю ночь. Она сидела на своем крыльце и глядела на костры, кольцом окружившие ее ферму. Багровые отблески огня, казалось, плясали на самых облаках. Неподвижные машины, выстроенные в одну линию, были похожи на диковинных библейских зверей. Откуда-то доносилось пение, звонкий девичий смех, в другой стороне кто-то спьяна ругался нехорошими словами.

После непривычной сумятицы и волнений последних дней сердце ее наконец немного успокоилось. Она снова могла думать. Она даже слегка усмехалась при мысли о толпах людей, которые пришли, чтобы поглазеть на завтрашнее представление: как полтораста крепких молодых парней за один день переделают истощенный участок земли, и жизнь этой женщины, и жизнь ее четырех детей.

Все это было так странно... Она знала, ей надо готовиться к новой жизни на новой ферме, и она заставляла свой мозг освоиться с тем новым, что так неожиданно постучалось в дверь. Но она не могла уловить связи во всем этом. Ей виделись только какие-то обрывки, не было ничего ясного, ничего упорядоченного. Только прошлая жизнь укладывалась в ее памяти последовательно, год за годом.

Но прошлое как раз и не хотелось теперь вспоминать: заботы, труд — и все без толку, только боль и ломота в спине. И этот Эдвин Филбрук Картер, скуластый и косоглазый, что пришел тогда свататься к ней. Сватовство было короткое: первая жена его умерла, ему была нужна другая жена, как раз подошло время уборки... Почему она пошла за него? Люди говорили, что ей самое время замуж, а сама она подумала, что с ним будет не хуже, чем в опостылевшем родительском доме. Но

на поверку вышло хуже. Она очень боялась его. Руки у него были, как плети, и весь он был, как паук, и пахло от него, как из могилы.

Первую осень они работали наравне. Потом он заставлял ее делать все больше, все больше. Потом пошли дети. С выпяченным, как арбуз, животом она не могла мотыжить землю, и жать, и вязать снопы. А он кричал ей, что она лентяйка и никудышная тварь. Или, может, она думает, что она чего-либо стоит? Вот он — да, он многого стоит, так, по крайней мере, он любил повторять. Он — из Картеров, вот кто он! «Я мог бы быть сенатором, а то и губернатором штата!» — так говорил он, а у самого не было медного гроша за душой. А он все задирался, как петух, и уходил с вечера, и возвращался ночью пьяный, и все хвалился, что они покончат с этими черномазыми.

Однажды его притащили домой с пулей в груди и кровавой пеной на губах. Только потом она узнала, как было дело. Они пошли охотиться за каким-то негром: он и вся его компания, что ходит на такие дела вместе с шерифом. Они так и не поймали негра, но им показалось, что они окружили его, и они стали стрелять куда попало. И вот тут и получил пулю Эдвин Филбрук Картер, который мог быть сенатором или губернатором.

Он умирал долго, кашлял кровью, и ругался, и опять кашлял кровью. И он был такой же злой и грубый, как всегда, и умер, едва успев досказать ей, какая она ленивая и никудышная тварь...

Отблески костров стали ниже. Налетел холодный ветер. Она вошла в дом и долго смотрела на детей. Они спали все вместе, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Она укрыла их потеплее. Потом вернулась на крыльцо и сидела там, пока не проступила на горизонте серая полоска.

* * *

Вокруг участка вдовы Картер протянули на колышках веревку. За веревкой стояли зрители, как на скачках. Целый батальон торговцев прибыл из Ричмонда — с сигаретами, жареной кукурузой, мороженым, пирожками, «кока-кола», леденцами. Местная торговля была представлена оборванными субъектами, которые предлагали из-под полы кукурузную водку по удешевленной цене. Ловкие негритянские парнишки шныряли в толпе, предлагая почистить ботинки. Владелец игорного дома из Ричмонда открыл походный филиал: принимались ставки на пари, в какую сумму оценят ферму вдовы Картер к вечеру. Одетые в серые мундиры солдаты территориальных войск и местные шерифы в пропотевших рубашках расхаживали взад и вперед, наводя порядок.

Под единственным деревом, принадлежавшим вдове Картер, — это была сосна — соорудили возвышение, род платформы для педагогического совета, комиссии экспертов, местной администрации, политических деятелей. Платформа была украшена красными, белыми и синими лентами, под ней расселся на скамьях оркестр местного отделения Американского легиона. На почетных местах сидели ректор Мерривэзер, профессор Вейнрайт, а также мистер Пинки, член конгресса от пятого избирательного округа штата Виргиния. Мистер Пинки успел уже устать и вспотеть: он пожал около двух тысяч рук. Но он был очень возбужден и разговорчив.

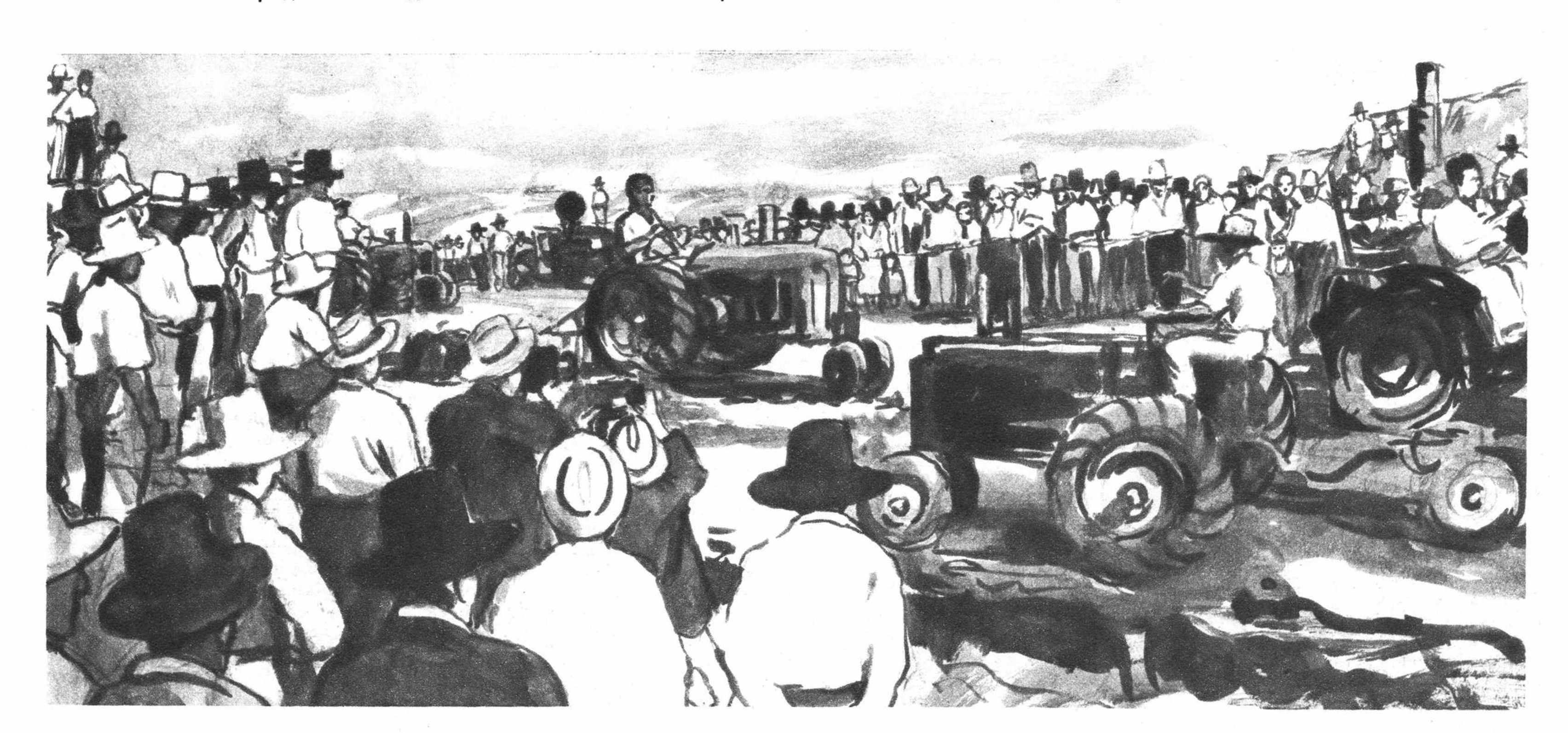
— Это — великое дело! — повторял он. — Великое дело, мистер Мерривэзер!

— Да, великое дело, — подтвердил ректор. — Не понимаю только, куда девались эти кинорепортеры. Они уже давно должны были быть здесь. Я собирался было устроить съемку и для телевидения, но мне ответили, что студия занята.

— Мое выступление недавно передавали по телевизору, — ответил Пинки. — Великое дело! Я бы сказал, величайшее дело столетия, если не считать атомной бомбы. Смотришь и думаешь: чего только не сделает наша американская свободная инициатива и американская изобретательность!

Он повернул свой ястребиный нос к Мерривэзеру, ожидая одобрения.

— Совершенно справедливо, — ответил ректор. — Свободная инициатива и американская изобретательность.

— Жаль только, — вмешался профессор Вейнрайт, — что люди не ценят всего этого как следует. У людей всегда дурные мысли. Вот, например, то, что мы делаем сейчас здесь, на этой ферме, — как по-вашему, что подумают об этом собравшиеся сюда люди?

— О, не знаю, право! — ответил Пинки. — И не думаю, что это так важно...

Ректор снял свою соломенную шляпу и положил ее на колено. Он был недоволен, что профессор Вейнрайт все время лезет с этими щекотливыми вопросами. Особенно в присутствии мистера Пинки, человека влиятельного, имеющего некоторое отношение к тем кругам, откуда поступает пополнение в бюджет колледжа.

— Миссис Картер! — позвал он, внезапно решившись. — Миссис Картер, не желаете ли присоединиться к нам?

Вдова взобралась на край платформы, туда, где уже сидели, как воробьи на телеграфном проводе, ее дети. Она шла, спотыкаясь. Конгрессмен Пинки пожал ей руку, хотя уже дважды проделал это раньше.

— Ну-с, что вы думаете обо всем этом? — обратился к вдове ректор, широким жестом указывая на лежавший перед ними участок земли, машины и людей, которые двигались в разных направлениях. — Великое дело, не правда ли?

Вдова крепко ухватилась руками за перила платформы. На свежем белом дереве резко выделялись ее пальцы цвета горелого торфа.

— Итак, миссис Картер? — ободряющим тоном повторил профессор Мерривэзер.

Вдова окинула взглядом свою землю. Рано утром она никак не могла разобрать, что делают эти машины, почему они вместе с молодежью то соберутся на одном месте, то разбредаются кто куда. Это было похоже на муравейник, где все мечется без смысла и цели. Это удивляло ее, но она боялась спросить. Теперь, глядя сверху на то, что делалось вокруг, она вдруг увидела, что новое на ее земле начинает облекаться в отчетливые формы.

Там, где земля была заболочена, выросли земляные насыпи. Оросительные канавы готовы были принять благодатную воду, которая должна оживить поле. Справа, на границе участка, уже выкопан ставок, устроена плотина со спускной решеткой. Неразберихи в работе машин больше не было. Они двигались группами, одна помогая другой, — тракторы, бульдозеры, плуги и канавокопатели. И все они как бы изгоняли старую землю и оставляли за собой новую, свежую, дымящуюся паром. Вдова видела, как закладывали в землю удобрения и как дисковые бороны гладили почву, словно сотнями нежных пальцев. Но еще удивительнее, чем машины, была эта молодежь: она работала группами, каждая на отведенном участке — на постройке дороги, конюшен, на установке столбов электропередачи. Вы только посмотрите, они уже чинят ее крыльцо и начали покрывать белоснежной известкой стены дома!

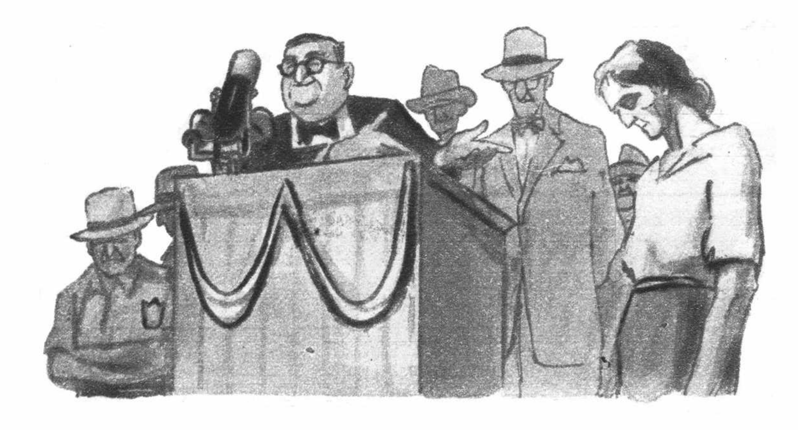
Она закрыла глаза, словно вдруг ослепнув. Она так долго работала одна. Земля стала ей мачехой, потому что она работала одна. А вот под руками многих людей эта проклятая земля снова становится доброй и готовой родить.

— Ну? — нетерпеливо повторил ректор.

— Это здорово, — хрипло проговорила вдова. — Здорово!

Ректор повернулся к профессору Вейнрайту.

— Ну что, видите? — спросил он торжествующе.

* * *

Солнце садилось за низкие пурпурные облака. Машины снова выстроились в ряд в стороне. Студенты, усталые после дня работы, но довольные, уселись на земле перед платформой, а дальше вокруг стояла молчаливая толпа. Оркестр Легиона исполнял веселые мелодии: «Путь через озеро» и «Дикси». У пюпитра для ораторов было поставлено несколько микрофонов, на каждом — инициалы радиокорпораций и радиостанций. Вспыхнули юпитеры, кинокамеры были в полной боевой готовности.

Ректор Мерривэзер встал и принял надлежащую позу. Он знал, что он фотогеничен: это ему каждый раз говорили снимавшие его фотографы. Он высоко держал голову и слегка поворачивал ее из стороны в сторону — можно было снимать с любой точки.

Потом ректор начал говорить. Он говорил о важном эксперименте, который предпринял его колледж, и о том, как убедительно доказано, что его студенты получили прочные знания. Оратор посвятил несколько слов почетным гостям, которые прибыли со всех концов великого штата Виргиния и даже из-за его пределов, чтобы присутствовать при выпускном экзамене старшего курса. Он перечислил имена уважаемых гостей и поблагодарил их. И тут он добрался до вершины своей речи: сейчас должен был зазвучать язык цифр, а всякий знает, насколько сильнее действует язык цифр, чем самое высокое красноречие.

— Сегодня утром, — объявил он, — эта ферма со всем движимым и недвижимым имуществом была оценена беспристрастной комиссией экспертов в две тысячи семьсот пятьдесят долларов. А сегодня к вечеру... — для пущего эффекта ректор сверился с клочком бумаги, — сегодня к вечеру, леди и джентльмены, ферма стоит уже двадцать четыре тысячи долларов, ни больше, ни меньше!

Глухой гул прошел по стоявшей в отдалении толпе. На платформе трещали громкие аплодисменты. Хлопали все, начиная от педагогического совета и экспертов и кончая полицейскими и местными богатеями. Ректор поднял вверх кулаки, словно готовился к последнему раунду бокса.

Он сделал знак вдове. Близился апофеоз. На лице ректора читалось крайнее напряжение. Миссис Картер сделала несколько шагов и остановилась возле него. Он призвал к тишине.

— А теперь, миссис Картер, — сказал он громко и весело, — не скажете ли и вы несколько слов студентам, и нашим гостям, и всем этим добрым людям, что собрались здесь, и тем, что нас слушают по радио?

Все было заранее прорепетировано со вдовой. И ей было дано понять, что каждое ее слово было для мистера Мерривэзера на вес долларов.

Но она не в состоянии была говорить. Ее шея конвульсивно сжималась, руки бессильно висели, в ярком свете прожекторов мышиносерые волосы были похожи на шляпку трухлявого гриба.

— Ну же, миссис Картер! — повторил ректор мягким, отеческим тоном, каким он умел при случае говорить со студентами.

— Спасибо... — с трудом произнесла она и остановилась; потом она без всякого выражения повторила то же слово.

Это было совсем не то! Это совсем не годилось для тех богатых людей, которые приглашены были слушать по радио и потом должны были пополнить фонд колледжа.

— Спасибо... — совсем беззвучно сказала в третий раз вдова.

Ректор Мерривэзер засмеялся тем напряженным светским смехом, которым смеются попадающие в затруднение дикторы, ведущие интервью у микрофона.

— Прекрасно, миссис Картер,— сказал он.— А завтра?

Слово «завтра» должно было вернуть ей утерянную нить тщательно отрепетированного диалога.

— Что вы собираетесь делать завтра, миссис Картер?

— Завтра...— она произнесла это слово шепотом, но микрофон аккуратно передал его в эфир.

Темнота еще не наступила. Все было отчетливо видно, даже за пределами того светового сектора, который выхватывали из сумерок лучи прожекторов. За спинами стоявшей полукругом толпы лежала образцовая ферма стоимостью в двадцать четыре тысячи долларов, не более и не менее.

«Завтра?..» — думала она.

И вдруг она поняла, что завтра всего этого колдовства не будет. Завтра не будет больше машин и этих крепких, загорелых юношей, которые так дружно работали, каждый зная свое место. Завтра она останется одна. Одна со своим мулом, который еле держится на ногах, со старым плугом, но без семян, чтобы бросить в нетерпеливо ждущую землю. Завтра отключат электричество от сети «Виргиния Пауэр», потому что ей нечем будет платить. Вода перестанет течь по трубам. Насыпи начнут понемногу расползаться, а просторные пустые конюшни бесполезно гнить под дождем, а белая штукатурка осыпаться со стен ее дома.

— Завтра?.. — повторила она громко и засмеялась сухим, горьким смехом.

Толпа оцепенела.

Профессор Вейнрайт вскочил на ноги и оттащил вдову от микрофона. Он подбежал к конгрессмену Пинки, наклонился и зашептал, трясясь как в лихорадке:

— Сделайте что-нибудь! Ради бога!

Конгрессмен спокойно подошел к микрофону.

— Друзья! — начал он. — Леди и джентльмены! Вы видели сами: счастье настолько ошеломило женщину, что она даже не в силах выразить свои чувства словами. Разве не тронуло это глубоко ваши сердца? Только в наших Соединенных Штатах может быть такое, что женщина, которая сто́ит утром две тысячи семьсот пятьдесят долларов, к вечеру сто́ит уже двадцать четыре тысячи! И вы сами лично были свидетелями тому, как машины обновляли землю, как эти молодые люди с честью сдавали экзамен за курс одного из самых блестящих учебных заведений нашего штата. Вы видите вот эту женщину в ее немой благодарности. Это — великое дело! Это Америка! Это наша американская система свободной частной инициативы! Кто во всем мире может превзойти ее?!

Он остановился, выжидая. Как он и предвидел, на платформе и вблизи нее шумно зааплодировали.

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ

На вечере строителей

М. ЗЕМСКАЯ

Нам нечем еще гордиться,
Но здесь нас каждый знал:
«Участники экспедиции
Проездом на канал».

Трубят троекратно карнаи,
Зазывая в театр.
Мы просто не успеваем:
Нам все показать хотят.

* * *

Не крылья испуганной птицы —
Занавеси взвились...
Молоденькая танцовщица...
— Сапанова? — Нет... «Лейли».

То вся изогнется, то снова
Выпрямится легко,
Как стебель цветка водяного,
Волнуемого рекой.

Но вот, постепенно меняя,
Все ускоряет ритм,
Посмотришь — совсем иная:
Такою страстью горит,

Что кольца, запястья — лязгом,
И отблески света в них...
Нет, это уже не пляска,
Но с гор налетевший вихрь!

Во всем обаянии тайном
Прими его, вот он, юг!
А руки ее летают,
Жалуются, поют...

Мурашки по спинам зрителей
И «браво» из сотен уст.
Не выйти ли? Не покурить ли
В саду от избытка чувств?..

* * *

Там белого оперения,
Как голуби, все в лад,
Чайники в нетерпении
Воркуют вокруг котла.

Сидит старик-караванщик,
Сидит один, в стороне,
Он грустным бывал и раньше,
Но не бывал грустней.

«Бабай-э-бабай! О чем так
Горюешь? Не утаи...
Еще не хватает четок
Печальным пальцам твоим...

И чай почему твой стынет?»
«Ты этого не поймешь:
Что значит судьба рабыни,
Не знаете вы, молодежь.

Бывает, взгрустнется —
мало ль!..
Я вспомнил соседку свою,
Но только она танцевала
Недолго в родном краю.

Отец был не то что жаден,
А просто слаб человек,
Решил: красота ей — на день,
А деньги ему — на век.

И дочь его не утешит
С тех пор никакая песнь...
Сиял на весь дворик плешью
Широкозадый перс.

Отцу за нее тяжеленный
С деньгами он дал мешок,
И, говорят, жалел он,
Что не купил меньшой...

А утром вели к дувалам
Старухи — локтем к локтю —
Какой-то под покрывалом
С ногами женскими тюк.

Верблюда ввели в проулок —
Приданое уложить,
И вдруг она протянула
Руки из-под паранджи...

Желудки, набитые пловом,
А не сердца у людей!
Ласточки черноголовой
Не пожалели в тот день...

В Тавризе на крыше плоской
Она мечтает: вдали
Хоть краешек, хоть полоску
Увидеть родной земли.

И самое жалкое то в ней,
Что всё, от чего ушла:
Кибитка и чахлый тутовник —
Единственный на кишлак;

Ишак, за которым следом
Сейчас же кизяк подберут
И спор заведут соседи,
К чьему он ближе двору;

Что все забытое нами,
Схороненное давно,
Ей лучшим воспоминаньем
На целую жизнь дано...»

Кто знает со всей ее болью
Скорбь этой горькой любви,
Которой бывает обоим
Не вырвать, не подавить,

Тот в песню выльет
всю тяжесть
С души, но сам не поет...
Зато эту песню сейчас же
Подхватывает народ.

И песня все будет петься,
Повсюду, из рода в род,
За то, что такое сердце
Огромное в ней живет.

Но только ли это память
О прошлом лишь двух сердец?
А разве там, за хребтами,
Не плачут уже нигде?

Взгляни на Иран, на Египет
И всю их тоску измерь:
Сколько там с голоду гибнет,
Не с голоду, так в тюрьме!..

Ты здесь никому не чужая,
Лейли дорогая, пойми:
Ведь мы сооружаем
Для всех этот светлый мир!

Давно ли по звездам гадали,
Какая участь детей,
Что ждет их: удача? беда ли?
Теперь времена не те.

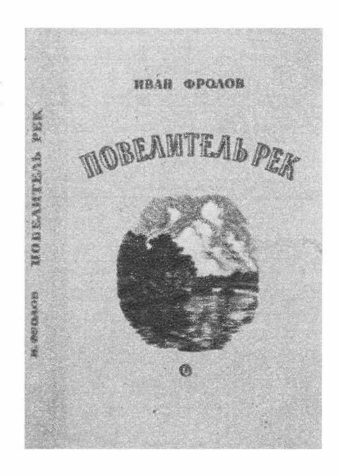
Под тополиный шорох,
Сквозь тополиный узор
Я вижу: над городом город
Опрокинут в небесный простор.

И каждый миг хорошея,
Сияют навстречу мне
Бесчисленные отраженья
Горячих, земных огней.

А там, и больших и малых
Звезд обгоняя толпу,
Над будущей трассой канала
Льется Млечный путь...

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Рассказы Ивана Фролова

Книга рассказов недавно умершего писателя Ивана Фролова привлекает тематической новизною и своеобразием авторского голоса. Когда рассказы прочитаны, хочется вновь перечитать их, посоветовать прочесть друзьям и знакомым. Это значит: рассказы настоящие, они будут жить в литературе.

Большинство из них посвящено геологам. Это жадные искатели, жизнерадостные, упрямые и сильные люди, настойчивые в решении поставленных перед ними задач, влюбленные в свое дело. Это люди большой, кипучей мысли. Их размышления, разногласия и споры представляют интерес для читателей всех возрастов и профессий.

В рассказе «Повелитель рек» гидрогеолог Алексей Петрович некогда развивал весьма оптимистическую теорию: «Когда-то, значит, на широте нашей степной полосы мы имели приледниковую пустыню. Пустыня уступила место сухой степи, и, следовательно, на смену современным степям с севера надвинется лес».

Приятная, успокоительная теория! Приняв ее, человек может спокойно созерцать благотворную в конечном счете «работу» геологического процесса. Чего ж лучше, ежели на смену современным степям и пустыням с севера стихийно и неотвратимо движется лес? Ведь лес — это благо природы, улучшение климата, счастье человечества!

Старый гидрогеолог Дмитрий Иванович Синицын, отдавший десятки лет изучению геологического режима и поискам воды в Средней Азии, прозванный повелителем рек, не оставил камня на камне от оптимистической теории Алексея Петровича.

«Приледниковая пустыня! — с усмешкой восклицает Синицын.— Кто видел где-нибудь эту пустыню? Где она? В Гренландии? Но современные исследования материкового оледенения Гренландии не обнаруживают никакой пустыни... Тундра! Вот что сопровождало древнее оледенение! Тундра! Она уходила на север следом за тающим ледником. На смену ей двигался лес. Вот направленность геологического процесса современности! Пустыня — вот какого гостя надо поджидать нашим потомкам! Да! И она уже идет, идет, из Кара-Кумов, из Кызыл-Кумов, из Голодной степи. Она понизит грунтовые воды, осушит реки, изрежет наши поля оврагами, сожжет их суховеями!»

Синицын подтверждает свою теорию множеством фактов, неоспоримых доказательств.

«В таком случае я не завидую нашим потомкам»,— мрачно заявляет противник Синицына.

«Напрасно, — хладнокровно возражает «повелитель рек». — Напрасно. Человек призван остановить геологический процесс. Вас это удивляет? Да, человек должен остановить геологический процесс... если он грозит катастрофой! Советский человек, конечно».

В образе гидрогеолога Дмитрия Синицына раскрыты черты советского человека, призванного переделать, «реконструировать» природу. Люди синицынского склада являются душой всех изыскательских партий, проектировщиками и творцами, созидателями на великих стройках коммунизма.

Алексея Петровича пугала формула «остановить геологический процесс». Он говорит: «...в моем представлении возникает что-то совершенно фантастическое: например, огромный лес, на который надвигается стена бушующего пламени. Развороченный муравейник, и муравьи бегут навстречу огню, чтобы тушить этот пожар».

Синицыных не страшит грандиозность задач в борьбе с природой. Потому не страшит, что они отнюдь не одинокие «романтики» в этом деле неслыханных в истории масштабов. За ними многомиллионный советский народ. Их ведет на штурм природы коммунистическая партия, великий Сталин.

В рассказах Ивана Фролова звучит верная мысль о том, что в советских условиях наука вышла из душных и тесных кабинетов на широчайший творческий простор, и отныне уже нет пределов для научных дерзаний, порывов, свершений.

В научную работу по реконструкции природы включаются рядовые люди, дотошные «практики», одержимые той же благородной страстью искателей, что и гидрогеолог Дмитрий Синицын.

В рассказе И. Фролова «Экспедиция» изображен простой рыбак Александр Тулаев, озабоченный проблемой реконструкции озер и водоемов на реке Суре. «Приехал я с фронта,— говорит он,— гляжу: озера наши сохнут, зарастают. Рыбешка — кой-какая, да и та задыхается каждую зиму».

И вот Александр Тулаев с сынишкой Минькой проводит «озерную экспедицию». Он хочет установить «научную причину» того, почему глохнут озера, переводится рыба. «Забываем, что при социализме живем!» — восклицает Тулаев. Он заставляет рыбаков-артельщиков расчищать истоки озер, ловить рыбу по графику, запускать где надо мальков зеркального карпа и так далее. Он уже «восстановил» одно мертвое озеро, где теперь плодятся и множатся линь, язь, окунь. И рыбаки уже шутя говорят Александру Тулаеву: «...ты нам столько рыбы наплодишь везде, что в конце пятилетки бабы решетами план за нас выполнять станут».

Александр Тулаев по духу и характеру — родной брат знатного курганского селекционера-ученого колхозника Терентия Мальцева. Тулаевых и Мальцевых тысячи в нашей стране! И. В. Мичурин в старое время поднимался на высоту науки в одиночку. Тулаевым и Мальцевым помогают народ, партия.

Было бы преувеличением сказать, что в книге И. Фролова все одинаково хорошо. В рассказе «Август» молодой геолог Ксана «по семейным обстоятельствам» отказывается ехать на периферию и устраивается на Московский завод искусственных сплавов, где ее ожидает мелкая, неинтересная работа.

Вслед за геологом Игорем мы тоже готовы осудить поступок Ксаны. Однако в финале рассказа она исправляется, и помогает ей в этом старенькая мама, ради которой девушка осталась в Москве: оказывается, старушка сама мечтает о периферии...

Это тем более досадно, что вообще-то в рассказах И. Фролова нет ничего надуманного, крикливого. Он не любит обыгрывать внешние эффекты, острые ситуации. В книге предстает обыкновенная, будничная жизнь.

В рассказах много пейзажа, очерченного тонким пером художника: много воздуха, солнца, синего неба, пахучих трав и цветов, степного, лесного и горного очарования.

Иван АРАМИЛЕВ

Иван Фролов. Повелитель рек. Рассказы. «Советский писатель». М. 1952. 211 стр.

Секрет четвертой республики

Когда произносится слово «Панама», в сознании большинства людей возникает маленькая американская страна, канал, соединяющий два океана, наконец, особая форма соломенной шляпы. Но когда это слово произносят французы, они чаще всего подразумевают большой политический скандал, предательство национальных интересов, биржевое мошенничество, спекуляцию, подкупы... С тех пор как строительство Панамского канала, предпринятое французскими капиталистами, оказалось грандиозной преступной аферой, «панамой» стали называть все дела подобного рода. Третья французская республика печально прославилась в истории целым рядом «панам», крупных и мелких.

После гитлеровской оккупации во Франции была провозглашена четвертая республика. На первых порах «очищение нравов» стало лозунгом всех политических партий. О нем красноречиво говорят и теперь. Это любимый припев де Голля и его молодчиков. А на деле по количеству и размаху новых «панам» четвертая республика оставила третью далеко позади.

Не успевает затихнуть один скандал, как на смену ему разражается следующий. То премьер-министр торгует вином на черном рынке, то депутат состоит на жалованье в иностранном посольстве, то сотрудник гестапо получает орден за «героическое участие в Сопротивлении», то видный политический деятель оказывается не только изменником, но и обладателем фальшивого паспорта и уголовным преступником, по сравнению с которым бальзаковский Вотрен кажется кротким ягненком.

Едва ли не самой отвратительной и страшной «панамой» четвертой республики явилось так называемое дело Пейре.

В сентябре 1949 года в Париже был «случайно» арестован никому не известный аннамит. «Случайно» у него нашли копию секретнейшего доклада генерала Ревера, начальника генерального штаба французской армии. Генерал Ревер информировал правительство о положении дел в Индо-Китае. Правительство еще не успело ознакомиться с докладом, а у другого аннамита, некоего Ван Го, представителя марионеточного императора Бао Дая, было найдено 38 экземпляров этого документа, касающегося национальной обороны и будущей политики Франции. У Ван Го была обнаружена и записная книжка, куда он аккуратно заносил имена, адреса и телефоны своих «деловых друзей», а также суммы, потраченные на взятки, подарки и угощения. Далее выяснилось, что посредником по всем этим — и не только этим — «делам» был некий Пейре, уголовный преступник, агент гестапо, член фашистской партии Дорио, крупный спекулянт и, повидимому, агент американской разведки. А затем посыпались имена министров, генералов, депутатов...

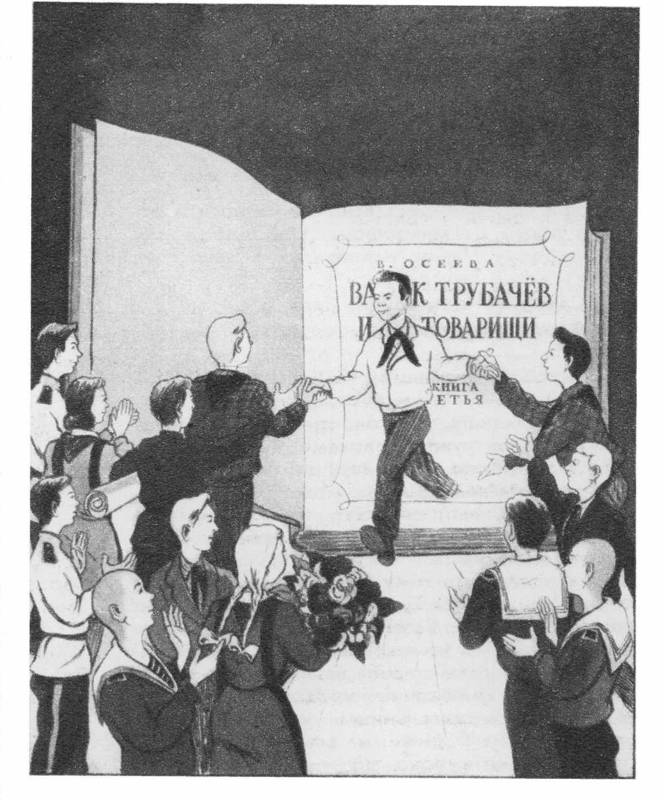
Как ни настаивали коммунисты на полном расследовании этой, еще небывалой «панамы», правительство и единодушно ощетинившееся парламентское большинство замяли дело. Личные интересы участников «дела Пейре» совпали с интересами правительства, чью политику скомпрометировала бы правда, с интересами крупного капитала, настаивающего на ведении «грязной войны» во Вьетнаме, и — не в последнюю очередь — с интересами США. От этой войны страдают миллионы вьетнамцев и французов. Десятки тысяч людей гибнут. Но на ней наживаются несколько сотен человек. Но США навязывают Франции эту бессмысленную, кровавую и разорительную авантюру во имя подавления освободительного движения в колониальных странах. Поэтому новый премьер-министр заявляет, что «страна должна знать правду», и... принимает все меры, чтобы прекратить дело.

Все это изложено в книге французского писателя-коммуниста П. Тийяра. Он не переменил имен действующих лиц. Зачем? Ведь его рассказ — чистая правда. Ему незачем было прибегать к вымыслу. Он только заменил сухой протокол живым описанием, документы — кусками подлинной жизни, полицейские справки — биографиями, газетную злободневность — широкой картиной нравов.

Тийяр назвал свою книгу «Секрет господина Поля». Читатель так и не узнает, кто этот господин Поль,— этим именем зовут многих замешанных в деле. Таинственный Поль и его секрет — выдумка правой прессы, желающей отвлечь внимание читателей от подлинных виновников, чтобы покрыть правду пеленой детективного тумана. Но ведь «дело Пейре» — вовсе не чей-либо частный секрет, даже не секрет целой преступной организации. Это секрет всей четвертой республики, оккупированной, распродаваемой и предаваемой. И притом, как говорят французы, это «секрет Полишинеля», то есть такой, о котором знают все, и только заинтересованные лица делают вид, будто им ничего не известно, будто никакого скандала нет, будто рыльце у них не в пушку, будто деятели четвертой республики вовсе не пляшут под чужую дудку, будто они скопище всех добродетелей, будто Франция никем не оккупирована. И будто герои Франции они, а не томящийся в тюрьме Анри Мартен, поддерживаемый всем народом борец против «грязной войны», ее грязных причин и грязных следствий.

О. САВИЧ

П. Тийяр. Секрет господина Поля. Перевод с французского. Издательство иностранной литературы. М. 1952. 127 стр.

ВАСЕК ТРУБАЧЕВ И ЕГО ТОВАРИЩИ.
К выходу в свет 3-й части книги В. Осеевой
Рис. И. Оффенгендена

Второе дыхание

Галина ШЕРГОВА

Галина Филипповна Турова.
Фото А. Бурдукова

Первый снег и первый морозец всегда вселяют в человека безотчетную свежую радость. И Ире Туровой было радостно. Отчего? Может быть, от того, что тело приятно ныло после первой осенней тренировки. Может быть, от того, что ей просто было 17 лет. Может быть, от этого снега.

Где-то из репродуктора тянулась песня: «Поет гармонь за Вологдой...»

Ира прислушалась и сразу подумала о Вере Калашниковой, потому что снег и Вологда всегда напоминали Веру и прошлый год.

Сомнения

Тогда снег был отличный. Девочки очень веселились, стряхивая его у подъезда с курток и выбивая шапки о ладонь.

Галина Филипповна видела из окна, как девочки вернулись из леса с лыжами на плече. Она их всегда называла «девочки», хотя Вере Калашниковой, студентке Вологодского техникума, было почти 19 лет, а Ире, дочке Галины Филипповны,— скоро 17 и они, разумеется, считали себя взрослыми. Но для Галины Туровой они были «девочки», и в этом был особый смысл, определивший отношения между ними и ею, их тренером и воспитателем.

Глядя сейчас на девушек, Галина Филипповна тоже развеселилась. Ей передалось это ощущение снежной свежести, молодости, беспричинной легкости — легкости учебных каникул.

В год, когда родилась Ира, газеты печатали фотографии Галины Туровой с дочкой под заголовком «Счастье матери-спортсменки». И это действительно было счастьем.

Это были годы особенного спортивного успеха спринтера Галины Туровой. Она только что стала победительницей международных соревнований в Париже; на советских беговых дорожках Галя Турова почти не знала равных.

С годами все новые имена возникали рядом с фамилией Галины Туровой, и среди них одной из лучших стала теперь ее дочь Ира. Она оказалась очень одаренной спортсменкой и в 15 лет стала мастером спорта. К этому времени Галина Турова почти не выступала, и успехи Иры, которую она сама тренировала, были ее новым «счастьем матери-спортсменки». Ей казалось, что в Ирине естественно продлена она сама, ее молодость, ее стремления.

...Вначале пятьдесят второго года Вера Калашникова приехала из Вологды в Москву на всесоюзный сбор легкоатлетов. Трудно сказать, почему Галина Турова, встретив Веру здесь, в подмосковном лагере, подошла именно к ней. Вероятно, это было естественное чувство старшего к маленькой, застенчивой девушке. Но разговор вышел простой и располагающий, и Вера начала у Галины Филипповны тренировки. А вскоре даже перебралась в комнату, где жила Ирина с матерью.

В общем, все шло отлично. Вера занималась с завидной настойчивостью и исполнительностью. И Галина Филипповна то и дело говорила дочери: «Тебе бы у Веры учиться упорству».

Но была в Вере какая-то скованность.

На тренировках Турова говорила: «Пробеги этот отрезок как можно быстрее». Вера бежала по-своему, сжавшись. Время ей Турова не сообщала. А потом: «Теперь беги свободно, не гонись за быстротой». Вера бежала — время было то же. Тогда Галина Филипповна говорила: «А теперь свободно и быстро». И когда результат был хорошим, Турова улыбалась:

— Вот видишь!

Но Турова чувствовала, что нет у девушки веры ни в себя, ни в тренера.

Люди, думающие, что круг обязанностей тренера ограничен заботами о спортивной технике, физической закалке ученика, о достижении результатов, глубоко заблуждаются. Галина Турова знала, как многообразен и сложен этот круг. Как нужно думать и о воспитании характера молодого спортсмена и о том, что он читает, о чем думает, что любит. И нужно уметь и иметь право быть до конца открытым друг перед другом, честно и прямо — вот так — глаза в глаза.

Случайно Галина Филипповна услышала, как одна из спортсменок говорила Вере:

— Ты все-таки зря так на нее полагаешься. Не забывай, что она Иру тренирует. Что там ни говори, а дочь есть дочь.

И, глядя из окна на черные ирины косички, перевитые нитями инея, на верины светлые, взметенные ветром волосы, Галина Филипповна вдруг пережила острое чувство незаслуженной обиды.

Воспитание чувств

Ира лежала на берегу и смотрела в голубую даль моря и неба. Она впервые видела море. Вера бывала на юге. Ира, не глядя на нее, читала наизусть:

«За все, за все тебя благодарю я...»

Ира любила стихи. Особенно Лермонтова. Вера стихов не любила и искала в книгах только познавательное и полезное. Она и в железнодорожный техникум пошла потому, что считала будущую профессию особенно полезной.

— Нет, ты только посмотри,— Ира тронула Веру за плечо и махнула в сторону моря. Оно было сероватое, только на гребнях волн отдавало бирюзой, будто водяные холмы кто-то окатил раствором медного купороса.

Они помолчали. А потом Ира продолжала декламировать:

«За месть врагов и клевету друзей...»

Галина Филипповна, лежа поодаль, прислушивалась к голосам девушек. Может быть, и не было никакой связи между их разговором и лермонтовскими строчками. Даже наверное не было.

Но Турова старалась уловить все движения их души, проследить ход их мыслей. Теперь, когда между ними тремя стала устанавливаться внутренняя близость, Галина Филипповна особенно пристально наблюдала за каждым шагом девочек. Те, конечно, не понимали этого до конца. Они знали, что Турова следит за тем, чтобы они регулярно занимались, рекомендует им книги, что ей важен их распорядок дня, их тренировки. Вот и все.

Да, если бы только это — было бы просто. А ей было сложно, очень сложно. Она часто вспоминала себя молоденькой учительницей сельской сибирской школы. Тогда казалось, что нет ничего труднее, чем войти в класс, сказать: «Здравствуйте, дети!» — и понять, о чем думает круглолобый крепыш на задней парте. Ведь ей предстояло учить этих ребят не только премудрости таблицы умножения, но и сложнейшей науке — искусству быть настоящим человеком.

И оказывается, сейчас все то же самое. У тренера та же судьба. Нужно думать, как перелить девушкам друг в друга ирину романтическую увлеченность и верину решительную непоколебимость, как научить их истинному чувству товарищества, благородству стремлений.

Ире не хватало терпения на тренировках, и мать говорила ей:

— Ты можешь проиграть Вере.

Вере недоставало уверенности, и Турова повторяла ей:

— Ты непременно выиграешь у Иры.

В эти дни результаты бега у Веры стали улучшаться. На контрольной прикидке она прошла 100 метров за 12,7 секунды. Ирин результат был 12,3. Но Вера чувствовала, что «раскованность» в беге помогает ей.

Здесь, в Сочи, была сформирована четверка женской эстафеты страны. В нее вошли Сеченова, Мальшина, Надя Хныкина и Ира. Веру в эстафету не включили. На тренерском совете Галина Филипповна несколько раз ставила вопрос о включении Веры, но ей неизменно отвечали: «Нужно, чтобы в эстафете участвовали опытные бегуньи».

Вера снова помрачнела. Всю зиму она трудилась над отработкой эстафетного старта, точностью передачи палочки, а вот теперь, она думала, все зря. Она наблюдала за тре-

Вера Калашникова.
Фото Ю. Шаламова

ером — Галина Филипповна казалась спокойной. И Веру снова невольно тронула мысль: «Ну, ясно, что ей беспокоиться: Ира-то вошла в команду». Вера Калашникова так и не узнала, сколько огорчений и волнений пережила по этому поводу Галина Турова.

На очередной тренировке она сказала:

— Займемся отработкой эстафетной передачи.

Вера подозрительно покосилась:

— А мне-то зачем?

Но Турова, как ни в чем не бывало, ответила:

— То есть как зачем? Ты же будешь включена. Непременно. Нужно быть во всеоружии.

...Бывает так, что в жизни человека вдруг начинается особенно удачная полоса — все удается и складывается, будто само собой.

Такими были эти дни для девушек. Вдруг кончились сомнения и неудачи. Они обе прекрасно бежали на итоговых соревнованиях. Веру включили в эстафету. Иру приняли в комсомол. А в довершение всего выяснилось, что и та и другая едут на олимпиаду в Хельсинки. Они были горды и счастливы. Нет, им положительно везло!

Флаг Родины

После соревнований в эстафетном беге они вместе с Галиной Филипповной заперлись у себя в комнате в лагере под Хельсинками и молчали.

Они бежали очень хорошо. Даже побили прежний мировой рекорд. Правда, они волновались так, что Галина Турова, наблюдавшая за соревнованиями, сама похолодела, увидев их белые лица. Но они могли бежать еще лучше, и если бы на одном из этапов не замешкались с передачей эстафетной палочки, команда Советского Союза выиграла бы женскую эстафету.

Однако их достижение превзошла другая команда. И сейчас чужой флаг взвился над стадионом и чужой гимн прозвучал.

В дверь постучали, и вошли две женщины. Одна из них весело сказала:

— Девочки, идемте, вас сейчас будут фотографировать.

— Почему это? — мрачно спросила Ира.

— Как почему? Вы ведь побили старый мировой рекорд.

Тогда Вера вскочила:

— Сниматься? Рекорд? Как вы можете так говорить? Это позор, как мы бежали.

Гостья спокойно возразила:

— Ничего подобного, весь стадион видел, как вы хорошо бежали, о вас все говорят.

Вера уже совсем не могла сдержаться:

— Никаких чествований!

Женщины молча ушли.

В комнате повисла тягостная тишина. Потом Галина Турова сказала тихо:

— Нельзя, Верочка, так говорить со старшими.

Галина Филипповна сказала только это, но в глубине души она была рада вериному порыву, рада, что девушки мыслят именно так, думают не о себе, а о советском спорте, о его славе и чести. Именно этому хотела она научить их во все дни их знакомства.

Обняв девушек, она сказала:

— Ничего, вы еще поднимете флаг Родины. У вас есть все данные.

Она не объяснила, о каких данных говорила, но думала прежде всего об этом только что происшедшем разговоре.

Кто же первый!

В день розыгрыша первенства 1952 года по легкой атлетике лил дождь. Дорожки ленинградского стадиона размокли, и бежать было трудно.

Шесть соперниц разминались на беговой дорожке. Галина Турова наблюдала за ними и волновалась.

Бегуньи заняли позиции. Турова посмотрела на Ирину, и ей, как всегда, показалось, что это она сама сейчас сорвется и побежит.

Дали старт. Сначала спортсменки бежали плотной группой. Дождь и ветер хлестали по лицам, мешая бегу. Ирина упрямо откинула голову, точно борясь с пространством и стихией. Она не видела матери, но та ей одобрительно кивнула.

— Давай, Ирина! — кричали зрители.

— Колобок! Колобок, давай! — Колобком на стадионе ласково звали Веру Калашникову. Галина Филипповна перевела на нее глаза. Вера действительно, как колобок, катилась по дорожке — маленькая, кругленькая, быстрая. Она бежала с той завидной свободой, какая может быть только у настоящего мастера, свободой, которой так долго добивалась в ней Турова.

В это время Вера оторвалась от соперниц, обошла Иру, обогнала Сеченову и с разрывом в три — четыре шага шла впереди всех. Еще усилие, и она первой финишировала. Турова взглянула на секундомер — 12,0 секунды — и первая зааплодировала, возбужденно, радостно. Ира и Сеченова пришли вторыми — 12,3 секунды.

Есть в спорте термин «второе дыхание», когда усталый, почти, казалось бы, «выдохшийся» спортсмен вдруг обретает новые силы, будто в начале состязания. Спринтеры — бегуны на короткие дистанции — не знают его: слишком коротко время пробега. И Туровой было незнакомо это ощущение.

А вот сейчас она пережила его, сейчас, когда первой финишировала Вера. Это было «второе дыхание» тренера, педагога, наставника.

После состязаний девушки подбежали к Галине Филипповне, и Вера поцеловала ее:

— Спасибо!

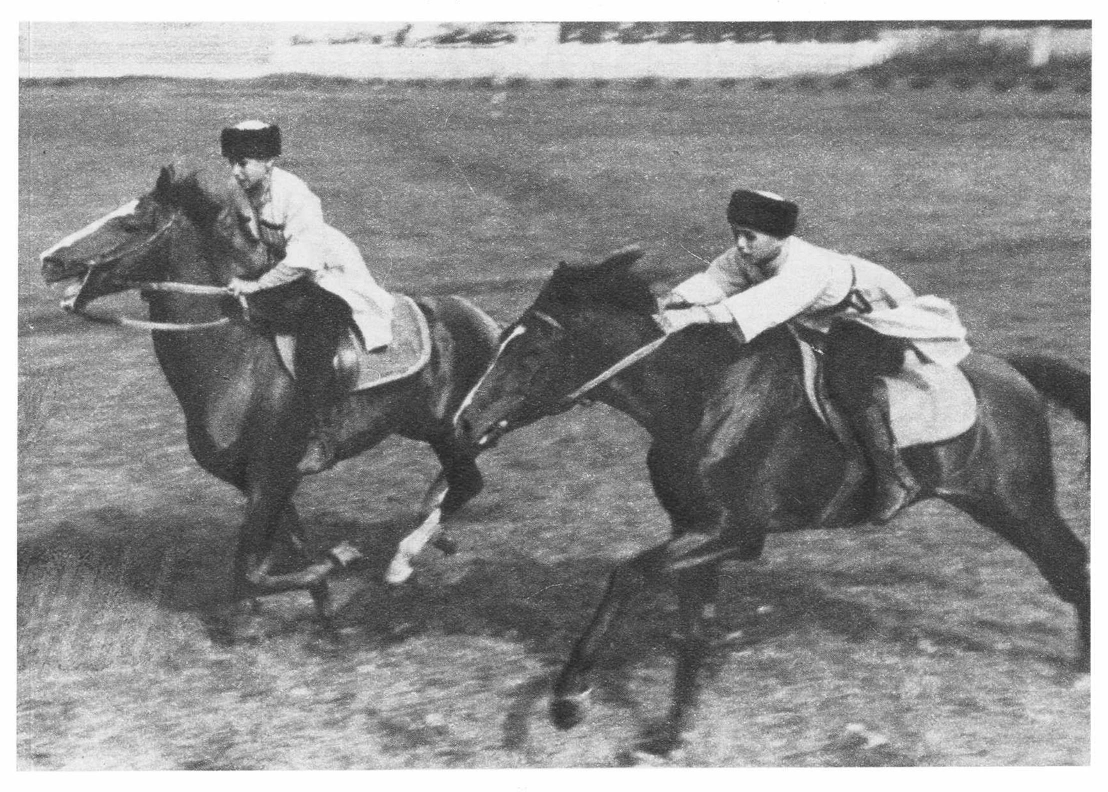
Ирина обняла подругу и сказала весело:

— Молодец, поздравляю! Но мы с тобой еще потягаемся!

Мать видела, что сказала она это просто и искренне.

И Галина Турова поняла еще одно очень важное — глубину «второго дыхания». Это когда ты не только передаешь людям свое умение, это когда ты видишь, как в другом возникают твои хорошие человеческие начала.

МОЛОДЫЕ ДЖИГИТЫ

Братья Хаиндрава.

Фото С. Короткова

— Нет, пожалуй, у Нодари рука тверже.

— Огонь этот Нодари! Наверняка обскачет своего старшего брата.

— Ну, это неизвестно еще. Не смотрите, что Отари с виду нежен, как девушка, и скачет поначалу будто нехотя. И он не раз приходил первым.

— А знаменитый «финиш Хаиндрава»? Помните, как он проявил себя под самый конец? Может быть, Отари и пойдет как раз в своего отца?

— Да, растут мальчики...

Люди неторопливо расходятся с ипподрома и, как в прошлый раз и как много раз до этого, не отказывают себе в удовольствии поговорить о братьях Хаиндрава. Ведь это не просто два мальчика, которые хорошо скачут на лошадях, и люди эти не обычные зрители — завсегдатаи бегов. Здесь каждый с малых лет умеет владеть конем, а хорошего всадника видно издалека.

И в прежние времена в Зугдиди проводились на диком поле конно-спортивные праздники: стремительная скачка — марула, резвое исинди — метание дротика на коне. Допускались на эти праздники лишь избранные.

Теперь на колхозном ипподроме шумно. Вряд ли еще где-нибудь в районном селе встретишь такой: с высокими красивыми арками у входа, с трибунами на 5 тысяч мест, со скаковым полем в 12 гектаров. Колхозный ипподром пустует лишь в те месяцы, когда все уходят на плантации собирать чай.

На таком ипподроме можно хорошо тренироваться. Доментий Канкия — тренер команды — несколько лет подряд чемпион республики по многоборью.

Зугдидская команда может гордиться и своим капитаном Александром Малхазовичем Дараселия, старейшим конником в стране, многократным участником всесоюзных конно-спортивных состязаний. А Александр Макарович Хаиндрава? О нем и сейчас помнят на конзаводе, где он выращивал отличных скакунов для советской конницы, помнят на скаковых дорожках Тбилиси, Баку, Пятигорска, Москвы.

После войны Хаиндрава вернулся с одной рукой, но с коня не слез. Он решил посвятить себя воспитанию колхозных наездников в родном краю. Несчастный случай помешал этому. Александр Макарович погиб, когда сыновья его Отари и Нодари только начали брать лошадь в шенкеля.

Сейчас Отари 15 лет. Ростом он невысок, характер у него спокойный. Этим он пошел в своего отца. Младший, Нодари, перерос своего брата. Это бойкий, живой и сильный мальчик. Учатся они в одном классе. Вместе делают уроки, вместе чуть свет бегут на конюшню чистить коней Мимино и полукровку Патефон. Если и бывают между ними споры, то разве только из-за охапки корма для коня.

Впервые на республиканских конно-спортивных состязаниях спортобщества «Колмеурне» («Колхозник») они выступили в позапрошлом году. В прошлом году Нодари занял первое место на четырехкилометровых скачках с «мертвым» барьером, оставив позади многих взрослых, опытных спортсменов.

Сейчас они готовятся принять участие в многоборье, в этом труднейшем классическом виде спорта.

...Растут мальчики, растут отличные колхозные спортсмены.

И. МЕСХИ

Двоечники

Варвара КАРБОВСКАЯ

Рисунок Е. Ведерникова

Сегодня мы приглашены к Петровым на «черствый» праздничный пирог. Впрочем, это только так говорится по телефону: «Приходите к нам на черствый пирог!» Можете быть уверены, что на стол подадут горячее, только что из духовки, роскошное произведение кулинарного искусства.

Петровы — гостеприимные и милые люди. Глава семьи, Марья Андреевна, преподает русский язык в мужской средней школе. Вторая глава семьи или, если хотите, первая — Евгений Николаевич, инженер, работает на заводе.

Мы встретим у них товарищей Марьи Андреевны по работе — педагогов. Педагоги — искренний, веселый и молодой народ! Да, да, молодой, даже если им под семьдесят. Мы с вами не перечитываем каждый год Пушкина, Гоголя, Толстого, Щедрина, а они перечитывают и каждый год молодеют душой. Мы с вами не повторяем таблицу умножения и иногда забываем, что дважды два — четыре. А они никогда не забывают. Мы давно не получаем двоек (не строго спрашивают) и живем с видом закоренелых отличников. А они каждую двойку, полученную их питомцами, принимают близко к сердцу и радуются от души каждой пятерке. Педагоги — чудесный народ...

Кроме них будут работники завода, возможно, даже сам директор Павел Матвеич. Говорят, он деловой человек, талантливый руководитель, но... Впрочем, сами увидите.

Итак, поехали к Петровым.

...За столом сидит человек двадцать. Пока главы семьи хлопочут по хозяйству, я познакомлю вас.

Прошу любить и жаловать! Павел Матвеич — директор завода. Тарас Трофимыч — добрейшая душа! — начальник отдела кадров. Вадим Захарыч — экономист. Главный бухгалтер — Крюкин, Олег Никитич...

— Одну минуточку, Марья Андреевна, разрешите сказать на ушко: кто это в темносером костюме?

— Как, вы не знаете? Это известный писатель. Лет пятнадцать тому назад он...

— Ах, да, да, припоминаю! Как же, как же, лет пятнадцать тому назад он...

— Ну, а с остальными вы как будто уже познакомились? Садитесь, прошу вас, кушайте, пожалуйста!

За ужином идет приятный разговор. Вспоминают только что прошедшие праздники, делятся впечатлениями.

— Марья Андреевна, у вас какой-то усталый, огорченный вид. Вы нездоровы?

— Нет, ничего, не обращайте внимания.

— Она действительно огорчена,— подтверждает Евгений Николаевич.— Поделись, Маша.

— Дело в том, что мне сегодня пришлось поставить... пять двоек за диктант. Из двадцати шести человек пятеро получили двойки.

Гости живо интересуются ошибками, двойками и двоечниками. Сами они в большинстве папаши и мамаши.

Марья Андреевна вздыхает.

— Я диктовала из басен. Вот, например, слово «вельможа»!

Директор только что с аппетитом отправил в рот кусок пирога. Но, очевидно, кусок встал у него поперек горла. Он закашлялся.

— Разрешите, Пал Матвеич! — вскакивает экономист Вадим Захарыч и наполняет стакан директора до краев.— Отпейте, все пройдет. Может быть, по спинке похлопать?

— И как же они изобразили вельможу? — интересуется математик Дружинин.

— Сережа Смирнов написал: «вильможа».

— Вильможа? Вот так Сережа!

— Да, да! И можете себе представить, он с чувством собственной правоты заявил: «Как будто вильможи попадаются на каждом шагу, как дворники! Откуда нам знать, как писать?..»

Вадим Захарыч изо всех сил старается замять разговор. Он держит перед директором тарелку с маринованными белыми грибами. Не грибки, а картинка.

— Покушайте, Пал Матвеич! Вы, кажется, их уважаете...

— А еще какие же ошибки? — допытываются товарищи педагоги.

— Еще три в одном слове. Уж не знаю, как угораздило написать: «патхолим»!

Грибы начинают скользить и подпрыгивать на тарелке, которую держит Вадим Захарыч.

Директор морщится и говорит недовольно:

— Поставьте, зачем это... Сам возьму.

Гости веселятся:

— Уж, кажется, «подхалим» — такое слово, которое достаточно намозолило всем глаза.

— Вот подите же! А Миша Петухов сказал: «Мне «патхолим» первый раз в жизни встречается! У нас в школе их нету!»

— Еще бы, этого не хватало, чтобы в школе были подхалимы! — негодуют педагоги.

— Давайте дальше, Марья Андреевна! — злорадствует бухгалтер Крюкин. По положению своему он никогда в вельможи не лез, а по характеру сроду не числился в подхалимах. Совесть у него чиста.

Марья Андреевна сокрушенно качает головой:

— Бюрократизм. С буквой «о».

Бухгалтер Крюкин сердито двигает стулом. Гости переглядываются:

— Бюрократизм? От слова крот? Правда, бюрократы сродни кротам: и слепы, и предпочитают отсиживаться в норе, и не выносят, когда их за ушко да на солнышко!

Родственник Петровых, приехавший в командировку из районного центра, сильно навеселе и в весьма игривом настроении. Его здесь мало кто знает, разве только супруги Петровы. Он стучит ножом по стакану:

— Тише! Правильно! Надо иметь мужество признаваться в ошибках! Какие еще там имеются ошибки? Выкладывайте!

— Вотчена.

— Как, как? — переспрашивают гости хором.— Вот-че-на? То есть вотчина? Ну и ну!

Родственник из района краснеет, как рак, брошенный в кипяток живьем. Он бормочет:

— Не ошибается тот, кто ничего не делает. Ну, допустил ошибку с этой самой... вотчиной, будь она неладна. Тебе на нее указали со всей строгостью... Ты осознал, признался... Больше не допустишь.

— Еще бы! Раз получил двойку, теперь уж будет помнить.

Евгений Николаевич под шумок спрашивает жену через стол жестами и глазами, сколько еще ошибок. Марья Андреевна показывает два пальца.

Писатель покровительственно улыбается Марье Андреевне:

— Сознавайтесь в последних двух, дорогая.

Марья Андреевна виновато пожимает плечами. Ей совестно перед писателем:

— Уж никак не ожидала, что можно написать: «пачил на лаврах»!

Благородное лицо писателя принимает кислое выражение. Он разглядывает на свет вино в бокале:

— Как красиво искрится янтарное вино!..

При этом он упускает из виду, что до него тысячи полторы писателей уже подмечали красивую искристость янтарного вина в хрустале...

Евгению Николаевичу явно не по себе. С этими дурацкими ошибками, пожалуй, разобидишь добрую половину гостей... Но как раз добрая половина не чувствует себя обиженной.

— Последняя ошибка, — с облегчением говорит Марья Андреевна, — кумавство, через «а».

Гостям весело, а начальник отдела кадров Тарас Трофимыч внезапно мрачнеет. Дня три тому назад он встретил случайно куму не куму, а одну старую хорошую знакомую. Она вцепилась ему в рукав пальто и жалостно, со слезами в голосе умоляла устроить на работу зятя, дочкиного мужа. При этом она говорила:

— Не скрою от вас, дорогой друг! Дочка у меня несерьезная, на уме одни чулки с черной пяткой, а зять ни на одной работе долго не держится. Одна надежда на вас! Ведь у вас золотое сердце, кристальная душа!..

Разжалобила, польстила, и Тарас Трофимыч не то чтобы обещал, но и не отказал, дал телефон и сказал, что подумает, постарается. Сейчас он чувствует себя двоечником.

— Безобразие! Кумавство! Грубейшая ошибка. За такие ошибки надо бить! — говорит начальник кадров.

— Бить? Нет уж, это абсолютно непедагогично! — возмущается Марья Андреевна.— Они и без того уже получили двойки — и Сережа Смирнов, и Миша Петухов, и другие, и они тяжело это переживают.

Директор Павел Матвеич наполняет свой стакан, встает и говорит веско:

— Предлагаю тост за то, чтобы было как можно меньше ошибок! Таких, как «патхолим», «кумавство», ну... и так далее.

Марья Андреевна благодарно смотрит на него:

— Спасибо, Павел Матвеич. Принимаю ваш тост и обещаю, что во второй четверти выправим положение. Не останется ни одного двоечника!

Ужин окончен. Гости благодарят и расходятся по домам.

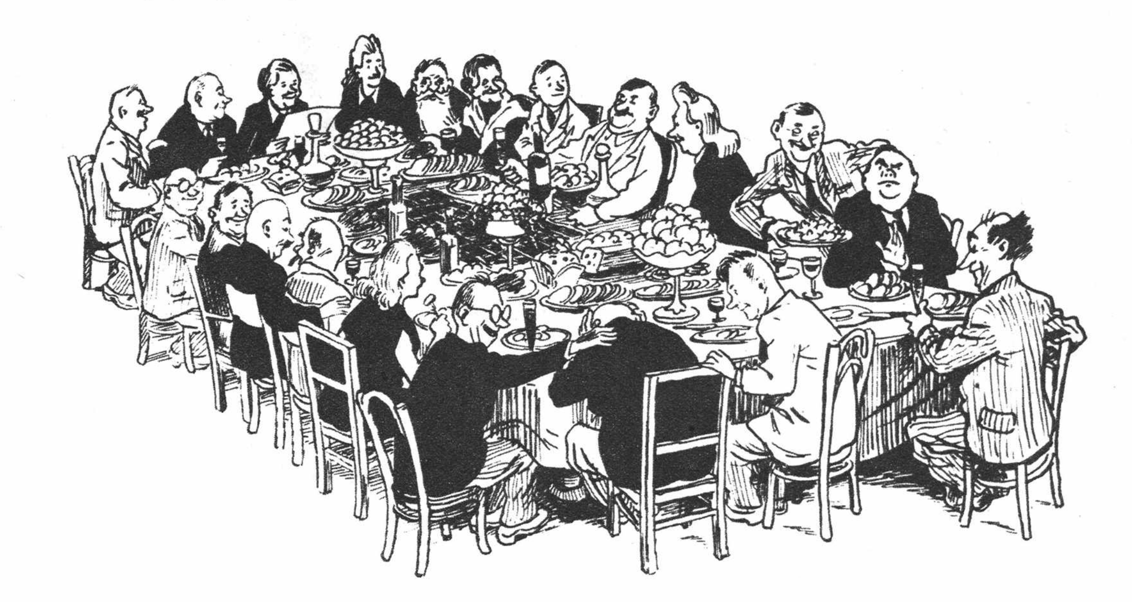
Евгений Николаевич не на шутку расстроен:

— Ах, Маша, Маша! Вот твое хваленое гостеприимство!

— А что? Я допустила какую-нибудь ошибку?

— Ты еще спрашиваешь! Для чего тебе понадобилось перечислять все эти ошибки: вельможа, подхалим, бюрократ!

Нет уж, позвольте, Евгений Николаевич, мы заступимся за Марью Андреевну! Об ошибках и о двоечниках можно говорить в любой обстановке. Да, да, даже в самой гостеприимной! Раз они есть, надо о них говорить. И нечего вам зря нападать на жену. Это с вашей стороны тоже, знаете ли, большая ошибка!

Находка

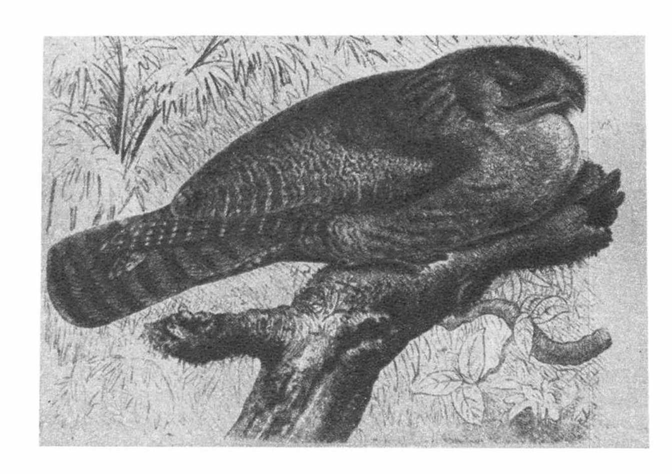
Студенты рассматривают кости ископаемых животных.
Фото Ю. Добронравова и А. Мусина

В окрестностях Свердловска, в карьере по добыче глин, экскаватором, управляемым машинистом К. Вернером, были вырыты кости ископаемых, живших свыше десяти тысяч лет до нашей эры.

В числе других находок оказались кости мамонта — бивни длиною в три с половиной метра и позвонки.

С. МАХНУТИН,
директор Уральского геологического музея

РАЗГАДАННЫЙ ГОЛОС ТРОПИКОВ

Вид тропических лесов по описаниям известен всем, но не многие имеют представление о тех мириадах голосов, которые исходят из глубин леса. Число их так огромно, и они так разнообразны, что ни один человек не в состоянии даже назвать всех тех существ, голоса которых он услыхал бы за сутки своего пребывания в тропическом лесу.

Новичку, попавшему в джунгли, прежде всего показалось бы, что его окружает бесконечное число чревовещателей. Действительно, некоторые обезьяны рычат, как львы, и лают, как собаки; молодой аллигатор смеется добродушным смехом толстяка; тапир свистит, как мальчишка; тукан квакает, как лягушка; котята «свистящей кошки» — из породы ягуаров — издают звуки, до того похоже на мягкий, ласковый посвист птицы, что трудно себе представить, чтобы так кричал зверь-хищник; крохотные древесные лягушки звенят, как серебряные колокольчики.

Но среди этих необычных звуков есть в тропиках один голос, услышав который хотя бы раз в жизни, нельзя никогда забыть. Он раздается только ночью. Это голос безмерного человеческого горя, это вопль отчаяния и боли, безнадежного одиночества.

«Потерянная душа томится», — суеверно говорили раньше об этом голосе туземцы и по сходству звуков перевели его на свой язык словами: «Пожалей меня, одинокую».

Позднее, в начале XIX столетия, один английский исследователь Южной Америки писал, что таким плачем могла бы оплакивать несчастная Ниобея гибель своих детей, прежде чем превратиться в камень.

Таинственный крик начинается высокой нотой бесконечного отчаяния и горя. Шесть раз повторяется «аа», постепенно понижаясь, так что последняя нота замирает, едва слышная.

Столетия ученые описывали потрясающее впечатление от этого кричащего по ночам голоса, не зная, кому его приписать.

От индейцев некоторое время держалось среди натуралистов мнение, что так кричит ленивец. Позднее стали указывать на муравьеда, и, наконец, был установлен настоящий владелец этого голоса, оказавшийся птицей — большим лесным козодоем Южной и Центральной Америки.

Этот козодой достигает величины 45—50 сантиметров. Оперение его такое же мягкое, как у сов и у филина, и по окраске настолько похоже на кору дерева, что днем спокойно сидящую и прижавшуюся к ветке птицу нелегко заметить.

Питается козодой исключительно насекомыми, главным образом крупными тропическими сумеречными и ночными бабочками и жуками, которых он ловит на лету. Этому способствует чрезвычайно широкий клюв птицы, превращающий ее рот в огромную пасть. Оставшиеся после ночных трапез козодоя крылья бабочек, которые он не глотает, часто находят в большом количестве на земле в лесу.

Птица не вьет гнезда и свое единственное яйцо кладет прямо на дереве, в небольшое углубление сучка или ствола.

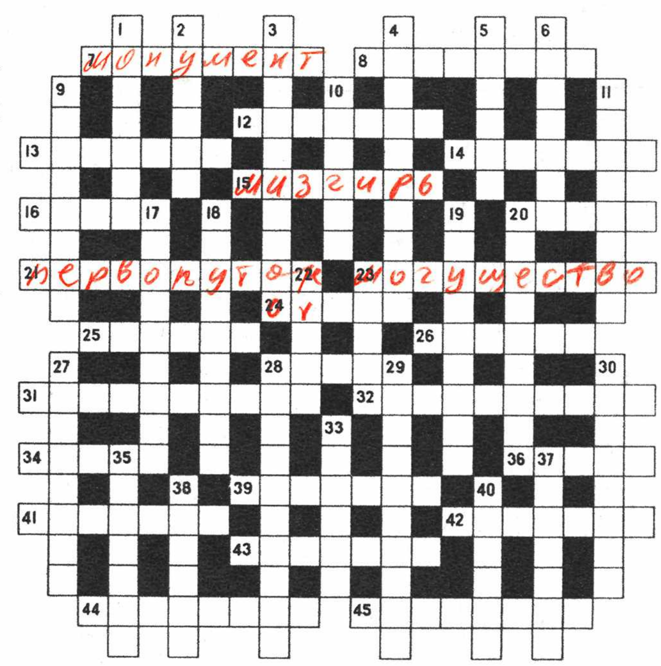
Тропический лесной козодой — родственник нашего обыкновенного козодоя — птицы, ничем не замечательной.

Наш козодой приблизительно вдвое меньше тропического. По окраске же оперения, по образу жизни, по способу питания он не отличается от своего южного родственника. И только песня нашего козодоя, напоминающая громкое и продолжительное мяукание кошки, не имеет ничего общего с трагическими призывами его тропического собрата.

Н. СУШКИНА,
доктор биологических наук

В этом номере помещены четыре страницы репродукций картин П. А. Федотова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Величественная скульптура. 8. Производственная специальность. 12. Репродуктор. 13. Кустарниковое дерево. 14. Сельскохозяйственное строение. 15. Персонаж из «Снегурочки» А. Н. Островского. 16. Река, протекающая по территории Аджарии. 20. Основное население одного из национальных округов РСФСР. 21. Зимняя дорога по свежему снегу. 23. Сила, власть, влияние. 24. Типографские литеры, воспроизводящие текст. 25. Город в Белоруссии. 26. Южное растение. 28. Молодое, непривитое плодовое растение. 31. Советский поэт. 32. Вещество или предмет, равноценный по свойствам другим. 34. Знойный ветер пустынь. 36. Курорт на Черноморском побережье. 39. Действующее лицо в «Калиновой роще» А. Корнейчука. 41. Отдельная область деятельности. 42. Жир. 43. Искусство управления самолетом. 44. Отрасль медицины. 45. Мельчайшая частица вещества.

По вертикали:

1. Женский голос. 2. Помещение на корабле. 3. Область устойчивого повышенного атмосферного давления. 4. Специалист по улучшению плодородия земель. 5. Спортивная игра. 6. Персонаж из романа «Война и мир» Льва Толстого. 9. Великий немецкий композитор. 10. Тропическое дерево с воздушными подставками-корнями. 11. Близкая дружба. 17. Наркоз. 18. Препятствие, требующее для преодоления больших усилий. 19. Приспособление для уменьшения силы звука. 20. Совокупность правил и приемов, помогающих запоминанию. 22. Мягкий металл. 23. Сильный холод. 27. Совокупность духовных свойств человека. 28. Род фотографического снимка. 29. Прибор для образования горючей смеси в двигателях. 30. Способ соединения металлических частей. 33. Образец меры. 35. Совместная деятельность. 37. Литературное произведение. 38. Илистый слой подпочвы. 40. Ручательство.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали:

5. Субстратостат. 10. Горизонт. 11. Иероглиф. 14. Ордер. 15. Корректив. 17. Дрель. 20. Иридий. 23. Кролик. 24. Волохов. 25. Деталь. 26. Сатира. 27. Вираж. 28. Кожан. 29. Строка. 32. Обойма. 34. Скрипка. 35. Ногаец. 36. Кофеин. 39. Скунс. 40. Жаворонок. 43. Ковер. 46. Известие. 47. Акустика. 48. Корреспондент.

По вертикали:

1. Мумия. 2. Кратер. 3. Оттиск. 4. Гаага. 6. Стопор. 7. Сервиз. 8. Полемика. 9. Фибролит. 12. Архитектоника. 13. Электромонтер. 16. Ершов. 18. Кильватер. 19. Краснодон. 21. Мозаика. 22. Колонка. 30. Организм. 31. Тимур. 33. Ореховка. 37. Картер. 38. Корунд. 41. Одесса. 42. Оратор. 44. Седов. 45. Стенд.

Замечания по поводу...

«СВОБОДНАЯ» ТОРГОВЛЯ

Деловитый дядя Сам
«Бизнес» понимает:
Дядя Сам торгует сам,
Торговать своим «друзьям»
Дядя запрещает.

Сам спешит свой хлам сбывать,
А «друзьям» при этом
(Чтоб «торговлю развивать»!)
Предлагает... торговать
Суверенитетом!

Эмиль КРОТКИЙ

ПОКУПКА СУВЕРЕНИТЕТА $ м-р Доллар $
Колониальные товары Франк и К°
Имперская торговля Фунт Стерлингов

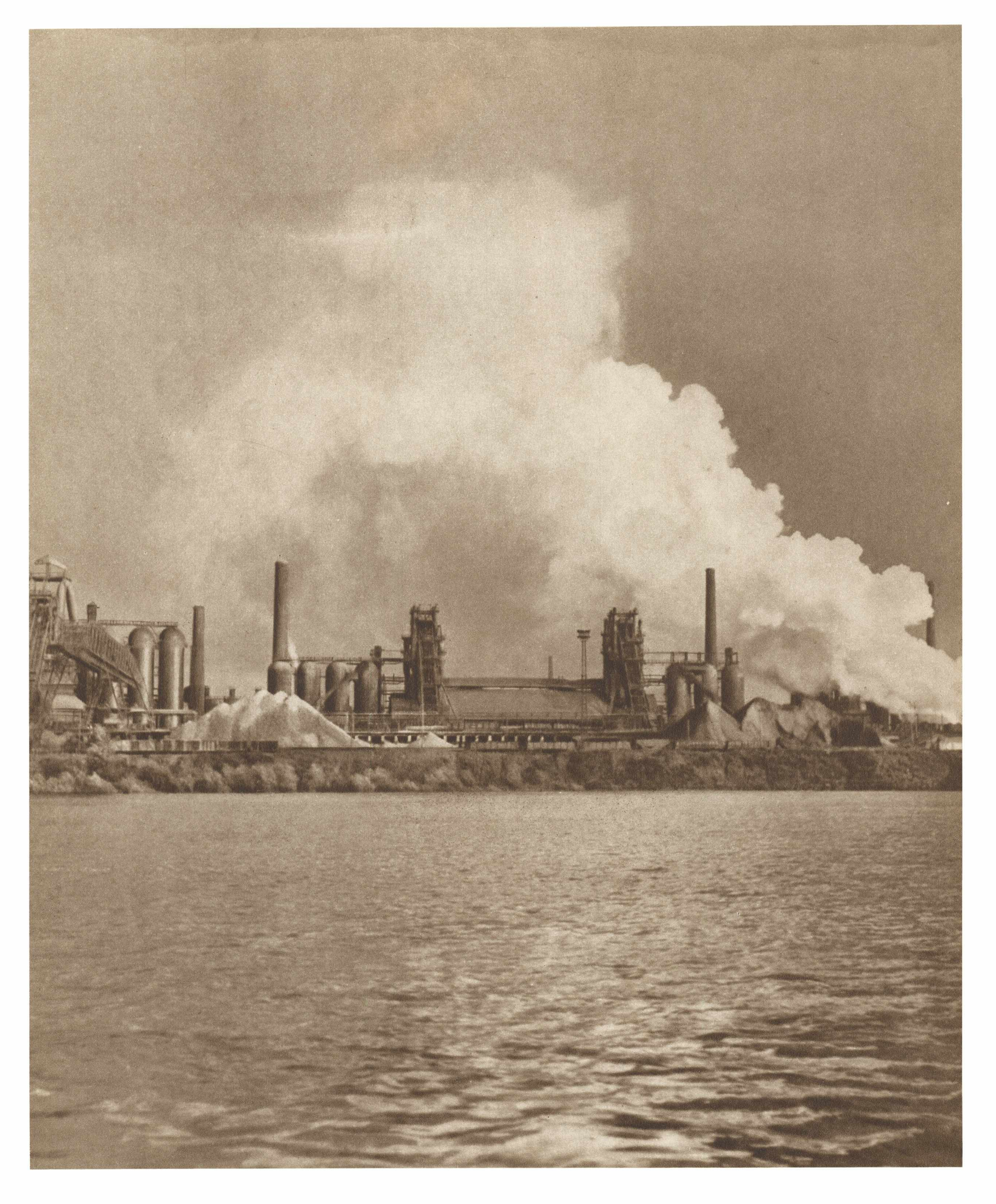
Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 07716. Подп. к печ. 18/XI 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,25 бум. л. — 6,16 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 925. Заказ 2239. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Металлургический завод имени Ф. Э. Дзержинского.

Фото Н. Козловского

Цена номера 3 руб.

